

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валерий Бродовский
Рассказы 15

Владимир Бутенко
Терская клятва. Роман 93

ПОЭЗИЯ

Иван Аксенов
Стихотворения 3

Алла Мельник-Халимонова
Стихотворения 85

Анатолий Павлов
Стихотворения 187

ПУБЛИЦИСТИКА

Легенды Ставропольской культуры
Тамара Дружинина
Виват, король! 193

КРАЕВЕДЕНИЕ

Петр Чекалов
Вера Белик
Образ Ставрополя в литературе 207

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Блохин
«Пир во время чумы», или карантин для Пушкина 223

Главный редактор
Владимир Бутенко

Литературное
Ставрополье
№ 2 (2020)

ББК 84(2=411.2)6
УДК 821.161.1
Л64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**Л64 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2020 г. — № 2**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.

Корректор: Р.А. Мидриган.

Сдано в набор 14.07.2020. Подписано в печать 28.07.2020.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 177. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:

394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.

Тел. 8 (4732) 90-45-17.

ISBN 978-5-6041360-5-8

Свет красоты

Сонет

Античных статуй
мраморную статью
Постигнув по гравюрам
черно-белым,
Я с детских лет считал
важнейшим делом
Во всём живую красоту искать.

И Парфенон в руинах
поседелых,
И строгий белопарусный
фрегат

Изяществом своим
ласкают взгляд,
Но им не спорить с женским
стройным телом.

Серебрякова, Струйская,
Гала'...
Их всех земля в объятья
приняла,
Давно истлели их тела и лица.

Но сквозь туман минувших
лет, чиста,
Нам светит их живая красота,
Спасенная рукою живописца.

**ИВАН
АКСЕНОВ**

Поэзия

Воспоминание о кисловодском парке

Сонет

С терпким запахом свежей смолы
В сонном сумраке синего вечера,
Словно строгие стройные свечи,
Смутно светятся сосен стволы.

С неба цвета остывшей золы
Лунный свет мне ложится на свечи.
Вновь забыты заботы извечные,
Вновь надежды блаженно-светлы.

Где теперь те беспечные годы?
Где Ольховки бурливые воды,
что струились по белым камням?

Где былые мечты и желанья?
Лишь отрадные воспоминанья
В старый парк возвращают меня.

Море

Июльского неба косыми лучами
песок накален, а в небесном просторе
с голодными криками носятся чайки
над выпуклым зеркалом сонного моря.

И жаркое солнце, и море, и чайки,
и небо, подобное нежному ситцу,
мне помнятся, словно давнишнее счастье,
которому не суждено повториться.

Как яростно солнце глаза мне слепило
горячим огнем сквозь смеженные веки!
Как сердцу отратно и весело было!
Как верить хотелось, что это навеки!

Случается, я неудачам и горю
сдаюсь – и тогда молчаливым укором,
сверкая, встает перед мысленным взором
Врачующее беспредельное море.

И горы сквозь марево чуть проступают,
как будто сквозь полупрозрачную кальку,
и вновь осторожно волна набегаёт,
с шипеньем ложась на горячую гальку.

Рассвет

Обрывки облаков алеют –
сочатся кровью неба раны,
и тонет дальний край аллеи
в прозрачно-розовом тумане.

Рассветный пламень плавит крыши,
горят в оконных стеклах блики,
и звук шагов твоих не слышен
в прибое воробьиных криков.

В душе так скорбно, так пустынно...
Помедли хоть одно мгновенье!
Лишь на щеке озябшей стынет
руки твоей прикосновенье.

* * *

На Кремлевском дворце так упруго над куполом
реет
Триколор наш имперский. Да только империи нет.
Мы, потомки усталые кряжистых гипербореев,
Изнываем от бедности в самой богатой стране.

Мы покорными были, мы бунтовщиков умирjali –
одинокий народ, никогда не имевший друзей.
Нас никто не любил, нас боялись или презирали
Со времен Гостомысла до нынешних слабых
князей.

Мы растратили силы, воюя с самими собою,
Заблудились мы в дебрях заманчиво-лживых идей
И кровавым вождям уступили свободу без боя,
Позабыв про высокое званье Свободных Людей.
И опять, как всегда, в серый сумрак уходят солдаты,
И терзают страну злые коршуны с разных сторон.
Одуревший от крови и морфия гунн бородатый
Загоняет в патронник горящий латунью патрон.

Но такой мы народ, что пугать нас войною не надо.
Никогда ни за что чужеземных не примем оков.
Вспомним вновь Святослава, чье сердце не знало
пощады –
И земля содрогнется от поступи наших полков.

12.02. 2005

Больничные элегии

1

Бесприютность полей под тяжелым безмолвием
снега,
Желтый ломтик луны меж испачканных мглой
облаков.

Искры инея сыплет порывистый ветер, с разбега
Ударяясь всем телом в мохнатые ветки дубов.

Пронесутся, мелькая сквозь чащу, огни
электрички,
Прогрохочет на стыках железо вагонных колес
И умолкнет вдали. И испуганно пискнет по-птичьи
В паутине путей заблудившийся электровоз.

О, как рвется душа из уютной больничной палаты
В мерный грохот железа, в плацкартный ночной
неуют,
Чтоб забыть хоть на час униженья, болезни,
утраты,
Что, как лошади воду, из сердца спокойствие пьют.

Средь безмолвных степей, белых кружев
дремучего леса,
Меж халуп и дворцов пролагая решительно след,
Исполнять интермеццо на струнах сверкающих
рельсов
И нестись, и лететь прямо в стылый туманный
рассвет.

2

Ночь густа, как смола. Под тяжелой больничною
крышей
Сотни душ затаились, глаза утомленно смежив.
Только стон одинокий в угрюмом безмолвии
слышен,
Если стонет больной, это значит, что он еще жив.

Кто из нас, словно губка, текучей тоской не
пропитан?
Кто уверен, что ждет его долгий безоблачный век?
День всего лишь прожив, гибнет бабочка-
эфемерида,
И, как бабочка та, эфемерен и я, человек.

Глухо бьется в груди беспокойная пленная птица,
Словно хочет сломать прутья жесткие клетки-
тюрьмы.
Сколько душ по ночам покидает бесследно
темницу,
Отлетев навсегда в мировое безмолвие тьмы!

Не хочу расставаться с привычным неласковым
миром,
Чтоб на атомы в мертвом пространстве распалась
душа!
Жить хочу, дорожа каждым жизнью подаренным
мигом,
Жить и верить, что жизнь, несмотря ни на что,
хороша.

13.03.2005. Больница

* * *

Нахохлились угрюмые дома,
Безжизненные, словно обелиски.
И возлежит роскошной одалиской
В сугробах накрахмаленных зима.

Синеет сумрак, Желтых окон свет
Манит к теплу, к любимому роману.
Там отраженья в зеркале туманном,
И кресло, и уютный старый плед.

В объятиях непрощенного сна,
Средь образов и мыслей безотрадных,
О давнем, отгоревшем, невозвратном
Мне горестно и сладко вспоминать.

В том мире травы стрекотом полны,
Там пунцовеют полевые маки
И шелест набегающей волны
Чуть слышен, как шуршание бумаги.

А здесь растут сугробы во дворе,
И прутья ив сплелись сквозною сканью,
И нервно хлопьев-мотыльков мерцанье
В голубоватом свете фонарей.

**Сентиментальная
повесть**

Лицо в прихотливой раме
каштаново-русых волос...
Невольным виновником драмы
однажды мне быть привелось.

И так отчетливо помню
я отсвет луны в реке,
зрачков непроглядную полночь
и влажный след на щеке,

Натянутость полуулыбки,
лица застывшего мел...
Как жаль, что своей ошибки
тогда я понять не сумел!

Вернуть бы тот вечер, звенящий
сверчками, как тетива, –
взглянул бы в глаза иначе,
другие нашел слова.

Вот только бы сбросить бремя
осточертевших забот...

Но место не то и время,
и сам я давно не тот.

Вечерний час

Графически-черные ветки
на чистом небесном холсте.
Улегся, умаявшись, ветер
в пустынного поля постель.

Подернулся серой золою
закатного неба клочок,
и тонкой хрустальной иглою
звезда уколола зрачок.

Пора утопить все заботы
в пучине ночной тишины!
Но сердце томит отчего-то
неясное чувство вины.

Как будто обидел кого-то,
вот только не помню кого...

Печальна луны позолота
над жесткой весенней травой.

След в сердцах

Сонет

Когда прояснится ненастный небосвод,
И перья облаков затеплятся, как свечи,
Под перезвон сверчков в прохладный
летний вечер
Незванная печаль тайком ко мне войдет.

Давно угасших дней полынь и терпкий мед,
Негаданность разлук и трепет первой встречи –
Всё, что рождает грусть, и всё, что сердце лечит,
Воскреснув в памяти, в былое позовет.

Но даже в старости, пустынной и тревожной,
Одним лишь прошлым жить на свете невозможно
Среди руин надежд и призраков побед.

И, хоть шаги мои слегка отяжелели,
Хочу, как прежде, жить, стремясь к высокой цели...
Лишь для людей живя, в сердцах оставишь след.

* * *

Июнь прошел косыми ливнями,
с громами громкими и градом,
И небесами густо-синими
Горит над просветленным садом.

Чуть солнце скроется за облаком,
Смолкают звонкие цикады.
Лишь где-то в парке струнным отзвуком
Звенит синичье пиццикато.

Цветов красой благоуханною
Готов я любоваться вечно,
Да только лето долгожданное,
Как жизнь людская, быстротечно.

Живешь, условностями скованный,
Они ж с годами всё суровей.
А старость пылью известковую
Уж белит волосы и брови.

Нирвана

Затоплен двор кипящим белым светом.
Поблекли краски, контуры размыты.
Косматым солнцем в огненном зените
Пылает обезумевшее лето.

Мир, как ладья, плывет в полынный полдень.
Куют железо звонкое цикады.
Слепящий день от сонных глаз уходит,
И сердцу ничего уже не надо.

Блаженство забытья, покой, дремота,
как ласкового моря колыханье.
И так легко похоронить заботы
И раствориться в сладостной нирване.

Слабеет воля, цепенеет тело,
А воздух, как сироп, тяжел и плотен.
Отдаться бы томительной дремоте,
забыть о счастье, горестях, работе...

Но надо жить и надо делать дело.

Постоянство памяти

Сонет

День угасший бессмысленно прожит
В суете и бесплодных трудах,
И непрошенно сердце тревожит
Голубая, как льдинка, звезда.

Чем я старше, тем жизнь мне дороже.
Исчезают в тумане года.
Так зачем же ошибки итожить
На пути, что ведет в никуда?

Из гриппозного рая земного
Вечерами морозными снова
Манит память в былое меня –

Вспомнить всё, что давно отшумело,
В амальгаме зеркал потускнелой
Видеть отсвет вчерашнего дня.

Осенний набросок

Сонет

И снова осень. Зябнет кровь
От стылой сырости тумана,
И ветра нежное сопрано
Поет печальный блюз без слов.

А я прислушиваюсь вновь
С самозабвением меломана
К звучанью дальнего органа –
Ночным руладам петухов.

По вечерам вороньи стаи
С надсадным гвалтом пролетают,
Задержав сетью небосвод.

И колкий дождь, и листьев тленье,
И сердца темное томленье
Несет нам осени приход.

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ МОСТ

Оставив позади не одну сотню километров тряской дороги, поезд, лениво раскачиваясь, медленно приближался к вокзалу. Волнение охватило Алексея Ивановича Карпова, рассматривавшего через запотевшее окно вагона силуэты зданий и башен города на Неве. С тех пор как бывший балтийский моряк в последний раз посещал его, прошло почти треть века, и сейчас сбывалась мечта шахтера-проходчика вновь пройти по его улицам и площадям, прогуляться по Невскому проспекту, посетить знаменитые музеи и дворцы.

Алексей Иванович искренне полагал, что ему в жизни несказанно повезло. Обычный паренек из шахтерского Донбасса, которому фортуна в лице военного комиссара города Горловки уготовила служить срочную на одном из самых прославленных, овеянных легендами флотов, исходил Балтийское море вдоль и поперек. Не раз старшина ми-

**ВАЛЕРИЙ
БРОДОВСКИЙ**

Проза

неров бывал и в этом знаменитом городе, не одно столетие крепко стоявшем на защите северных морских рубежей страны.

– Подъезжаем! Граждане пассажиры, подъезжаем! – громкий голос проводницы донесся из-за двери чуть раньше, чем она просунулась в разверстый проем и дежурно проговорила заученную фразу: «Готовимся к выходу заранее! Не забываем личные вещи!»

С нетерпением покидая душный вагон, Алексей Иванович прошел через табачный чад тамбура и ступил на обледенелый перрон вокзала. Неспешно осмотревшись, жадно, до опьянения, вдохнул полной грудью свежий морозный воздух. Заметив невдалеке большую букву «М», неторопливо направился к ней, держа на весу дорожную сумку.

Февраль в этом году выдался в Санкт-Петербурге морозным, но малоснежным. Сырой, промозглый ветер, отрывистыми всполохами задувавший со стороны Финского залива, норовил забраться под штанины, нырнуть в рукава его порыжевшей от старости, давно вышедшей из моды дубленки. Алексей Иванович поежился, вспомнив, каким свирепым бывал здесь ветер, от порывов которого невозможно было укрыться. За остервенелый характер моряки прозвали его мордодуем.

Некоторое время спустя бывший корабельный минер уже стоял у окна своего номера и с высоты третьего этажа любовался пейзажем, раскинувшимся перед зданием гостиницы. Чуть поодаль, за крышами невысоких старинных строений, проглядывалась белая полоска одетой в ледяную шубу Невы, берега которой соединял Большеохтинский мост, один из красивейших в Санкт-Петербурге.

Долгая дорога утомила донбасского шахтера. Другой бы на его месте непременно передохнул, однако Алексей Иванович тратить время на диванный отдых не собирался. Слишком мало времени он отвел себе для этой поездки. Хотелось многое успеть повидать. Переодевшись после душа во все свежее и отобедав в небольшом уютном кафе, расположенном на углу улицы, он рванул навстречу памятным местам своей юности.

Тридцать лет – достаточно большой срок для того, чтобы любой город изменился до неузнаваемости. К радости Карпова, прошедшие весьма нелегкие для страны годы не повлияли негативно на исторический облик культурной столицы. Многие известные строения, прежде одетые в истрепанные долгими годами ожидания строительные леса, приятно удивляли подновившимися фасадами, представ в своей первоизданной красоте.

Санкт-Петербург никого не оставляет равнодушным. Каждый в этом городе находит что-то свое. Маршрут, выбранный Алексеем Ивановичем для своей первой прогулки по основательно забытым местам, когда-то подсказал матрос Сергей Саблин...

Их новый корабль, спущенный осенью с верфи Колпинского судостроительного завода, было решено оставить на зимовку у причала. Рабочим завода необходимо было устранить недоработки до открытия навигации на Неве. Старшина второй статьи Карпов, которому весной предстояло увольнение в запас, с нетерпением ожидал замены. Наконец, после новогодних праздников прибыл молодой минер.

Только недавно окончивший специальные курсы, Сергей Саблин жизнь на боевом судне представ-

лял такой, какую писатели-маринисты воспевали в своих героических романах, полных приключений. Оказавшись среди нескольких десятков человек с разными характерами и столкнувшись с определенными трудностями корабельной службы, о которых в тех книгах ничего не говорилось, он скоро начал разочаровываться в морской романтике. Единственным утешением для любознательного и начитанного юноши, выросшего в учительской семье, могли стать увольнительные в город с богатой историей. Но по неписаным морским традициям «карасям» и «духам» не полагалось сходить на берег. В первую очередь молодые матросы обязаны были досконально изучить не только свою материальную часть, но и весь корабль с его оснащением. На это требовалось много времени, а посмотреть Ленинград хотелось сейчас. Саблин опасался, что не успеет познакомиться с городом до убытия в другие гавани.

Внимание экипажа Сергей привлек своей эрудированностью. Даже Карпов, неохотно вступавший в контакт с малознакомыми людьми, находил беседы с ним интересными. Особой страстью молодого минера было рисование. Дружеские шаржи на сослуживцев не раз вызывали смех у моряков. В редкие свободные минуты Сергей рисовал странные, необычной формы здания, утверждая, что скоро люди будут жить в таких домах, которые называл непонятным для многих словом – футуристическими.

Саблин мечтал стать архитектором, о чем однажды проговорился старшине, не скрывая своего желания как можно скорее оказаться в Ленинграде. Он хотел увидеть воочию творения знаменитых

зодчих. Отметив смешленость и трудолюбие подопечного и как быстро тот продвигался в освоении воинской профессии, Карпов решил поощрить его увольнительной...

Остановившись напротив Сенатской площади, бывшей площади Декабристов, Алексей Иванович долго рассматривал воспетый Пушкиным памятник Медному всаднику. Недалеко за конной статуей, воздвигнутой Екатериной Великой в честь основателя города, маняще поблескивал золотом главный купол Исаакиевского собора. Изначально положив, что сегодняшней день он посвятит прогулке по набережной Невы, бывший старшина натянул лыжную шапочку по самые брови, плотнее замотался в шарф и продолжил променады вдоль реки. Холодный воздух, колючий, как кристаллы снега, срывающиеся ветром с крыш, обжигал легкие.

У города на Неве свой, особый шарм, который не меняется с годами. Узнавая некоторые места, Алексей Иванович удивлялся. «Как странно! – думал он. – Столько лет прошло, а ощущение, будто миг промчался».

–...Товарищ старшина второй статьи, с чего посоветуете начать осмотр Ленинграда? – с восторгом принимая из рук Карпова первую в своей жизни увольнительную записку, спросил Саблин.

– С автостанции, куда тебя доставит автобус из Колпино! – усмехнулся Алексей, удивившись столь странному вопросу. Для него, комсомольца, как и для большинства советских людей, было очевидным, что знакомство с городом двух революций непременно следует начинать с центра, где располагался Зимний дворец царей и откуда их смела ре-

волюционная буря праведного народного гнева. Об этом им неоднократно рассказывал на политзанятиях замполит. – Там рядом станция метро. По его веткам можно добраться до любой точки города. Смотри не заблудись! – наставлял старшина матроса. – Обрати тем же маршрутом вернешься!

К своему первому увольнению Саблин готовился основательно: с усердием начищал ботинки ваксой; тщательно, до зеркального блеска натирал звездно-якорную бляху, густо смазав ее пастой ГОИ; утюжил толстые суконные брюки, доводя стрелки до бритвенной остроты. Старшина своим подопечным остался доволен.

Собираясь в Ленинград, Сергей заметно волновался. Никогда прежде он не бывал в столь большом городе, не умел пользоваться услугами метро. Слышал только, что в нем легко можно заблудиться. Заметив растерянность на его лице, Алексей на всякий случай поинтересовался, кто из моряков собирался в этот день на берег. Не увидев в списке никого, кому бы можно было поручить своего подчиненного, старшина решил не отпускать его одного. Будучи на хорошем счету у командования, он без труда выпросил для себя увольнительную, и сразу после обеда оба минера сошли на берег.

Карпов полагал, что за долгие месяцы пребывания в Ленинграде неплохо изучил город, и сегодня готов был показать матросу его таким, каким любил – с широкими проспектами и площадями, дворцами и музеями. С этой целью наметил начать знакомство с самого сердца, с Дворцовой площади, где были расположены шедевры городского зодчества, памятники истории и культуры, которые привлекали туристов со всего света: Зимний дворец, на

площадях которого размещалось собрание Эрмитажа, здания штаба Гвардейского корпуса и Главного штаба с Триумфальной аркой, Александровская колонна.

– Я думаю начать осмотр города с мостов! – неожиданно предложил Саблин, едва они спустились в подземку. – Мосты в городах, стоящих на воде, – это связующие узлы между районами, – подчеркнул он.

Алексей озадаченно хмыкнул:

– С мостов?

– С них! – кивнул Сергей. – Я набросал маршрут по справочникам и городским картам. В Ленинграде десятки рек, рукавов, каналов и всевозможных протоков, которые соединены мостами. И если верить справочникам, одинаковых среди них нет. Мне очень любопытно их изучить. Каждый мост обладает своей неповторимой грацией.

Примерявший минуту назад роль добровольного гида, Алексей на мгновение почувствовал себя уязвленным. «Изучать достопримечательности города по справочникам? Ну-ну!» По большому счету ему было все равно, как провести остаток этого дня.

– Грацией, говоришь? Хм. Ты сейчас о мостах или?..

К его удивлению, Сергей и в самом деле неплохо подготовился, изучив Ленинград по различным источникам. Матрос с упоением рассказывал обо всем, что попадалось им на пути, демонстрируя завидную память. Поглядывая украдкой на его восторженное лицо, Алексей вспоминал свое первое знакомство с городом. Тогда Ленинград предстал перед ним в своей чарующей осенней красоте. Сегодня же встретил холодным, пронизывающим норд-вестом. Сказывалась близость залива. Воздух

был насыщен сыростью. И все-таки, несмотря на низкую температуру, в раннем мартовском пейзаже уже проявлялись яркие весенние краски...

Позади остались Биржевой мост через Малую Неву, соединявший Биржевую площадь на Стрелке Васильевского острова с Мытнинской набережной на Петроградской стороне, Дворцовый, Литейный, Троицкий мосты. Временами Алексей Иванович останавливался, любуясь крышами домов, припорошенных утренним снежком, или рекой в ледяных изломах с безмолвно вросшими в ее берега мостами. В теплое время года, когда Нева становилась полноводной и судоходной, по ней, дождавшись ночного развода мостов, гордо проходили кильватерным строем суда. Толпы зевак, собравшись на набережной, с любопытством наблюдали за этим величественным зрелищем. Особенно людей восхищали проходы военных кораблей. Но сейчас навигации не было, и мосты не разводились, чему горожане были несказанно рады.

Завечерело, и на серую набережную, кружась в вальсе на неровных ветрах, посыпалась с неба снежная крошка. Вспыхнули ссутулившиеся от морозной наледи фонарные столбы, окрасив мир в приглушенный золотистый цвет, придававший всему, до чего дотягивался луч, причудливые очертания.

Долгая прогулка утомила шахтера. От усталости ноги Алексея Ивановича налились свинцом. Шумно, словно кузнечные меха, заходила грудь. Незаметно для себя он оказался у Благовещенского моста. Названный в советские годы в честь лейтенанта Шмидта, одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 года, мост, недавно вновь обретший свое первоначальное название, соединял Васи-

леостровский район с центральной частью города, и являлся первым разводным через Неву. Алексей Иванович осмотрелся, горестно вздохнул. Слишком узнаваемым было место, чтобы ошибиться.

– Кажется, тут все и случилось тогда! – прошептал он, касаясь кожаной перчаткой обветренных губ. – И мороз такой же!

...Ближе к вечеру Карпов с Саблиным заскочили в небольшое кафе. Подкрепившись сдобными булками и отогревшись горячим чаем, балтийцы продолжили прогулку. Сергей все так же удивлял своими знаниями, без усталости рассказывая о достопримечательностях Ленинграда. Он знал, когда и кем был построен тот или иной мост, дворец, памятник, сыпал фамилиями зодчих, скульпторов, художников. С интересом слушая его, Алексей и сам щедро делился своими познаниями. Не зря же столько времени провел в увольнительных.

Продолжая любоваться припорошенным, побледневшим от мороза городом, моряки вышли к мосту имени Шмидта. В этот момент они еще не догадывались, что их первая совместная прогулка неожиданным образом окажется и последней.

Громкий женский крик, внезапно оборвав тишину опускавшихся на город мягких сумерек, заставил обоих вздрогнуть. В паре десятков метров от них за гранитным парапетом кто-то настойчиво зывал о помощи. Первым на крик бросился старшина. Следом, путаясь в длинных полах шинели, заспешил Саблин. Увидев спешивших на помощь моряков, к ним бросились две девушки.

– Помогите, пожалуйста! Там кто-то скулит! Похоже, собачка! – срывающимся от волнения голосом, промолвила одна из них, в то время как другая

безмолвно указывала рукой куда-то на середину закованной в лед Невы.

Желая успокоить перепуганных девушек, Саблин широко улыбнулся:

– Не волнуйтесь, барышни! Мы не дадим помереть животному!

В этом месте набережная была оборудована небольшой площадкой, от которой к реке спускались ступени. Скинув с плеч стеснявшую движение шинель, Алексей велел Сергею оставаться на берегу, а сам осторожно, пробуя ногой на прочность, ступил на присыпанный снежным пушком лед. В памяти тут же всплыл недавний случайный разговор с заводскими рабочими, утверждавшими, что ледоход на Неве обычно начинается в апреле. Ледовый панцирь показался крепким, и он смело двинулся вперед, не ведая, что там, где в реку попадали теплые стоки от промышленных или гражданских объектов, вода не замерзала и в сильные холода, образуя небольшие проплешины.

Алексей успел пройти по шуршащему сахарным песком снежному покрывалу шагов тридцать, когда под ногами раздался легкий сухой треск. В мгновение ока страх сковал все тело, заставив согнуться в коленях. Первым желанием было немедленно повернуть обратно. Провалился он, и строптивая Нева с невероятной силой затянет под лед, оставив на спасение мало шансов. Совсем недалеко кто-то по-прежнему поскуливал, накрытый вечерним полумраком.

Поборов страх, Карпов, недолго раздумывая, шагнул дальше. Теперь он продвигался медленно, почти на ощупь, выбирая в торосах место, где можно ступить. Треск прекратился, но в какой-то

момент показалось, что под тяжестью его веса ледяной панцирь начал прогибаться. Алексей сжал челюсти: «Вот хохма будет, если утону из-за какой-то глупой дворняги! И это за пару месяцев до окончания службы». В голове застучало: «Только не останавливаться! Только не останавливаться!».

Пройдя еще несколько метров, старшина в очередной раз бросил взгляд в сторону несчастного животного и... обомлел. Теряя последние силы, которых, очевидно, не оставалось даже на то, чтобы позвать на помощь, сверкая белками испуганных глаз, на него смотрел человек. Каким-то чудом утопающий еще держался на поверхности, судорожно цепляясь замерзшими руками за выступ ледяной глыбы. Последние метра два Алексей пробежал, разбивая ноги о щетинившиеся острыми боками торосы, лихорадочно пытаясь вспомнить все, что знал о спасении утопающих. Но все приемы были пригодны для открытой воды, а здесь – лед, страшный холод и надвигающаяся темень. Подобравшись ближе, он разглядел в отражаемом снегом молочном свете мужчину. От дыхания его густую бороду и усы прихватило морозной накипью в виде мелких сосулков. Распластавшись на льду, Алексей ухватился за колючий от ледяного крошева ворот шубы из искусственного меха.

– Эй, вы как, живы? Держитесь, сейчас вытащу!..

Издав странный звук, и в самом деле напоминавший скулеж животного, несчастный отчаянно боднул головой воздух и, словно обрадовавшись подоспевшей помощи, расслабил руки.

– Э-э, мужик, ты чего это удумал? – крикнул Карпов, чувствуя, как отяжелевшая от воды одежда потянула несчастного вниз. Испугавшись, что не су-

меет вытащить безвольное тело на поверхность, он ударил мужчину по лицу, приговаривая: «Держись! Кашляй! Громко кашляй!»

Плотно прижимаясь грудью ко льду, Алексей крепко держал утопающего за шубу. На счастье, полынья в этом месте оказалась узкой, но страху прибавляла река, разглашавшая под ледовым панцирем свой стремительный бег. Алексей запаниковал.

– Что тут у тебя?

Раздавшийся неожиданно рядом голос Саблина придал ему новых сил. В этот же самый момент Алексей ощутил странный толчок под собой. Найдя слабое место, река прорвала ледовое одеяло. Страх снова сковал тело кладбищенским холодом. С трудом сохраняя самообладание, Алексей крикнул:

– Не подходи, здесь человек!

– Ага, вижу! – забеспокоился матрос.

– Дуй на берег и вызывай «скорую»!

– Ага, я сейчас! – испуганно отскочив назад, Сергей резко остановился и громко закричал, привлекая внимание ожидавших на берегу девушек. – «Скорую»! Скорее вызовите «скорую»! Здесь человек тонет!

Карпов снова бросил обеспокоенно:

– Саблин, исполнять приказ! Быстро на берег!

Матрос не обращал внимания на его слова. Быстро стянув с себя шинель, он бросил ее на лед: «Вместе-то скорее управимся! Давай его сюда!»

Не зря Алексей много лет увлекался тяжелой атлетикой. Став на колени, с огромным трудом ему удалось выхватить несчастного из полыньи. Вдвоем они уложили мужчину на шинель и, не теряя драгоценных секунд, заспешили к берегу. К их радости несостоявшийся утопленник быстро пришел

в себя. Распяля рот, он пробормотал что-то невнятное, дохнув на них перегаром.

– Да он пьян, скотина! – возмутился старшина. – Теперь понятно, почему его понесло мимо моста!

– Так это же хорошо, что пьян! – нервно засмеялся Сергей, дрожа всем телом от холода и охватившего волнения. – Считай, под анестезией находится. Так бы наверняка уже помер.

Едва они сделали несколько шагов, как подтаивший мартовский лед под тяжелым грузом раскололся, встревожив ледяное безмолвие сухим, словно винтовочные выстрелы, треском. Уронив ношу, Сергей нелепо взмахнул руками и стал проваливаться в разверзавшуюся бездну. В последний момент он сумел удержаться за кромку льда.

На короткий миг Алексею повезло больше: лед под ним с бородачом оказался чуть толще, но трещина успела пустить свои смертоносные щупальца. Счет шел на секунды. На страх времени не оставалось. Пытаясь удержать равновесие, он снова стал на колени, схватил завернутого в шинель мужчину в охапку и резким борцовским приемом перекинул через себя, стараясь отшвырнуть как можно дальше от расширявшейся полыньи. В следующее мгновение она поглотила его с головой.

Увидев, как старшина провалился под лед, Саблин изо всех сил забарабанил руками по воде, пытаясь удержаться на поверхности. Острые осколки льда больно впивались в руки, шею, грозя повредить дыхательное горло. Спасал «сопливчик» – матросский нашейный галстук.

Раскальвая лед, стремнина выталкивала острые куски на поверхность, образуя из них небольшие нагромождения. Погрузившись под ледяную корку,

Карпов потянулся к поверхности, зачавши ногами. Не хватало воздуха. Пугала и кромешная темнота вокруг. Ему повезло: удалось с первой попытки попасть в трещину, оказавшись на несколько метров ниже Саблина по течению. От ушиба голову спасла ушанка, чудом сохранившаяся на нем. Впрочем, ни боли, ни холода, обжигавшего тело, он не чувствовал. В висках стучало: «Выжить!»

Заметив барахтавшегося матроса, пространство вокруг которого стремительно затягивалось набегающей ледяной крошкой, Алексей выкрикнул, придавая голосу твердость:

– Не суетись! Не сучи понапрасну руками!

– А я уж подумал, что ты того!.. – обрадовался Сергей его появлению.

Привлеченные зовом девушек, на набережной стали собираться люди. Казалось, помощь была близка, но никто из зевак не торопился ступить на лед. Сознывая, что спасение в их собственных руках, Карпов прокричал:

– Серега, соберись! Делай, что буду говорить! Скинь с себя ремень и попробуй наползти на льдину, используя бляху как ледоруб. Помогай себе локтями!

Подувший с новой силой низовой ветер, с волчьим завыванием пролетал над их головами. Как ни старался, но вскарабкаться на лед Саблин не сумел. Ежесекундно теряя силы, и все более охватываемый страхом, он схватился мертвой хваткой за большой кусок льда, норовивший под его весом уйти на глубину, обреченно роняя:

– Все! Это все! Я где-то читал, что в таких условиях человек от силы может продержаться минут десять, а потом все, камнем на дно!

Слова матроса привели Алексея в бешенство. Не скупясь в выражениях, он стал осыпать его бранью, одновременно проверяя ударом кулака толщину льда.

– Десять минут говоришь? Так у нас еще целая вечность!

– Родителей жалко!..

Расстояние между ними стремительно заволакивало битым льдом, который мороз тут же склеивал. Отяжелевшие от воды суконные брюки и обувь тянули Алексея вниз. Избавиться от них не было никакой возможности. Пришлось бы отпустить руки. Заметив, что течение все больше затягивает Саблина под кромку, старшина зарычал, словно дикий зверь, и, неистово работая локтями как рычагами, стал прорубаться к нему..

Воспоминания разбудили в груди Алексея Ивановича старую ноющую боль. Бросив на Неву прощальный взгляд, он побрел обратно к гостинице, оставляя по сторонам грустные ряды поникших от холода домов. Серое северное небо, днем раздвинутое синевой далеко вширь, к вечеру снова сузилось до обозримых границ улиц и мостовых.

Согревшись под горячим душем, Алексей Иванович с наслаждением растянулся на диване, чувствуя, как по телу разливается истома, медленно погружая его в царство Морфея. Отчего-то вспомнилась обыкновенная корабельная койка. Каким же вождленным предметом матросского быта являлось это узкое подвесное ложе для моряков после тяжелого дня службы! Незаметно он снова погрузился в прошлое.

...Ему удалось подобраться к Сергею и вытолкать его на поверхность. Пребывая словно в ту-

мане, Алексей сумел и сам выбраться. Холодный ветер, летавший над рекой, больно ударял по лицам крупинками льда, приводя обоих в чувство. Из дальних полок памяти сознание выудило рассказ знакомого офицера-морпеха, который учил когда-то: «Кашляй, если замерзаешь! Кашель ускоряет выброс крови из сердца, не давая ей свернуться!». И они кашляли с Саблиным, до боли в груди, до рвоты, пока тащили волоком на шинели одеревеневшего от мороза выпивоху.

Помощь к ним пришла почти у самого берега. Здесь лед был достаточно крепок, и уже не было риска провалиться. К этому времени людей на набережной собралось много. Окружив моряков, зеваки отдавали должное их смелости, пытались помочь снять мокрую, вмиг задубевшую на морозе одежду. Предлагали взамен собственные куртки и пальто. Какая-то немолодая женщина плакала в голос, поминая их матерей. Вызванная девушками неотложка затерялась где-то в бесконечных переулках. Рядом не оказалось ни одного кафе, где можно было согреться и выпить горячего чая.

Держась за гранитный парапет, Алексей вскинул голову, устремив затуманенный взгляд в небо. От пережитого волнения и страшного холода он плохо соображал и мало что замечал вокруг, лишь машинально следовал чьей-то подсказке глубоко дышать. Кто-то из мужчин откупорил непочатую бутылку водки, которую, очевидно, нес домой, протянул Саблину. Выбивая зубами морзянку, Сергей не смог разжать челюсти. Карпов отпил большой глоток, затем резко замотал головой – больше нельзя! Им еще предстояло возвращаться на корабль, а с алкогольным душком ожидать очередных уволь-

нительных не приходилось. Командир этого не прощал. В неожиданно прояснившемся крохотном участке неба ему ободряюще подмигнула одинокая звезда, придала сил. Алексей улыбнулся, передал Сергею свою сухую шинель, все это время находившуюся у девушек. Хотелось скорее вернуться на судно. Корабль для моряка – дом родной, где тепло и можно принять душ, переодеться во все сухое. Но Колпино было далеко...

На их счастье девушки совсем недалеко отсюда снимали квартиру. Нисколько не сопротивляясь их предложению просохнуть и отогреться, Алексей потянул за собой Сергея, оставляя спасенного на попечение толпы дожидаться медиков.

Отогревшись под душем, Алексей с трудом втиснулся в узкий и короткий, едва прикрывавший верхнюю треть бедер женский халатик, любезно предложенный ему одной из девушек – темноволосой, волоокой Анастасией из черноморского Николаева. Смущаясь своего вида, он вернулся в комнату, где светлоглазая Елена из Пензы, с восхитительными ямочками на щеках, заканчивала обрабатывать царапины на спине повеселевшего Сергея. Оседлав старый стул на гнутых ножках, матрос с нескрываемым удовольствием уплетал бутерброд с сыром, запивая душистым горячим напитком.

Увидев отеки, разбитые в кровь руки и покрытые кровоподтеками ноги Алексея, девушки невольно вскрикнули в унисон:

– Срочно в травмпункт!

От визита к врачам Алексей категорически отказался, предоставив подружкам, оказавшимся студентками мединститута, самим заняться его ранами. И пока Елена обрабатывала их, Анастасия

приготовила ячменный кофе с бутербродами, после чего принялась за форму.

В какой-то момент Карпов поймал себя на мысли, что любит точеной фигуркой красивой черноморки, украдкой наблюдая за ней.

– А вы ничего смотрите, Алексей! Этаким богатырь в набедренной повязке! – засмеялась Анастасия, перехватив его весьма красноречивый взгляд.

Шутка девушки вызвала дружный хохот и сняла напряжение, которое обычно случается между незнакомыми людьми в первые мгновения знакомства. Заметив на халате темные пятна, Карпов стал сокрушаться:

– Ну, вот, испортил вам вещь!

– А, ерунда! Сохраню как святыню! – сверкнула девушка веселыми огоньками черных глаз. – Все-таки кровь героя!

– Скажете тоже! Прямо неловко как-то!

– Настя права, герои и есть! – Заканчивая обрабатывать раны Карпова антисептиком, Елена продолжала бросать взгляды на Сергея, чей несчастный вид вызвал в ней чувства материнского сострадания. – Вы спасли человека, разве это не героизм? И вообще, героев следует хорошо покормить! – воскликнула девушка, закончив накладывать повязки. – Так что, пока Настя сушит ваши вещи, я быстренько приготовлю что-нибудь вкусное.

– Это хорошо! Я люблю вкусно поесть! – подал голос Сергей, зябко кутаясь в байковое одеяло. – Жену буду выбирать из тех, кто умеет готовить.

– Это вы по домашней стряпне соскучились! – засмеялась Елена.

Как выяснилось, Саблину не представляло труда зарумянить девушку легким словцом. В эту мину-

ту Карпов пожалел, что не умел так же легко сближаться с представительницами слабого пола...

На судно балтийцы возвратились с большим опозданием, ожидая получить жесткое взыскание. Но им повезло. В этот день дежурным по кораблю заступил командир их боевой части. Встретив моряков, офицер укоризненно покачал головой:

– Карпов, что-то на тебя непохоже! Ты же никогда не опаздывал!

– Виноват, товарищ старший лейтенант, обстоятельства так сложились! – взяв под козырек, ответил старшина.

Желания рассказать о том, как они с матросом Саблиным едва не лишились жизни, не было.

– Небось, без девок не обошлось? – заметил с иронией старлей.

– Это точно! – честно ответил Алексей, вспомнив, с каким теплом провожали их Елена с Анастасией у станции метро. – Как же без них!

– Ладно, Казановы, запишу, что прибыли вовремя, – махнул рукой офицер, отпуская.

– Вот за это и любим! – обрадовался Карпов.

Теперь можно было надеяться на скорую встречу с Настей, с которой, как он рассчитывал, у них что-то могло закрутиться.

– Девочку будешь любить! – ухмыльнулся дежурный по кораблю. – А когда детки пойдут, расскажешь им, каким хорошим был у тебя командир боевой части.

– Замечательным! – засмеялся Алексей.

Этой ночью он не спал. Сначала долго вспоминал встречу с девушками. Как же тепло и уютно было в их маленькой квартирке, словно они были знакомы

целую вечность! Вспоминался и спасенный. Как он там? Выжил ли? Карпов надеялся на благополучный исход.

Когда закончилось действие обезболивающего препарата, предложенного Настей, заснуть не позволила боль. Под утро, больше не в силах терпеть ее, Алексей решил разбудить корабельного фельдшера.

Стараясь не шуметь, он присел на койке, нашаривая ногами прогары. В тесном кубрике, где скучено проживали двадцать человек, тяжело дышалось. Мощный кондиционер, призванный отапливать помещение, гонял сухой горячий воздух из угла в угол. От этого сохло во рту. Оставаясь в одних трусах – женщин на судне не было, и стесняться особо не приходилось, - Алексей стал продвигаться в сторону трапа, невольно задевая в полумраке тускло освещенного единственным ночным светильником кубрика чью-то обувь.

У выхода, где обычно «квартировались» «караси» и «духи», внимание Карпова привлекло чье-то тяжелое дыхание. Это был Саблин. Скинув с себя одеяло, матрос обеими руками держался за грудь, стараясь ослабить душивший его кашель. Разглядев в рассеянном свете фигуру старшины, Сергей простонал:

– Что-то нехорошо мне, жарко и воздуха не хватает!

Алексей опустил руку ему на лоб. Почувствовав сильный жар и мелкую дрожь по всему телу, тут же заспешил в амбулаторию.

Для Саблина купание в ледяной воде не прошло бесследно. Меньше чем через час карета скорой помощи увозила его в госпиталь с подозрением

на молниеносную форму пневмонии. Прощаясь у медицинского «рафика», Алексей надеялся на быструю встречу.

Поставленный фельдшером диагноз врачами госпиталя подтвердился. Стремительно развившись, заболевание трудно поддавалось лечению. Карпов терпеливо ожидал, когда затянутся собственные раны, чтобы навестить младшего товарища, тяжелое состояние которого вызывало у него опасение.

Пути военных моряков неисповедимы. Несколько человек из числа тех, кому в ближайшее время предстояло уволиться в запас, были отправлены в Таллин дослуживать в родной гавани на других кораблях. Среди убывших оказался и старшина второй статьи Карпов.

Последние недели на новом месте были весьма насыщенными и пролетели быстро. Карпов лишь однажды успел отправить письмо по старому адресу на имя фельдшера, с которым дружил, но ответ пришел поздно, уже после того, как уволился. Он так и не узнал о судьбе своего сменщика...

Громкий стук в дверь вернул Алексея Ивановича в действительность. Взглянув на наручные часы, бывший старшина порадовался пунктуальности человека, встречу с которым ожидал. Несмотря на усталость и немалый возраст, он легко подскочил с дивана и пошел к двери.

Долгожданные встречи бывших сослуживцев проходят, как правило, непритворно душевно. Крепко обнявшись, они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец, Карпов пригласил пройти в комнату:

– Вот ты каким стал! Встретив на улице ни за что бы не узнал. Я же тебя худющим помню!

Вошедший стянул с головы шапку, прошелся ладонью по лысому черепу и, расстегнув пуховик, опустил обе ладони на выпирающий живот.

– После флотских макарон да рассольника домашняя еда кажется райской, а от рая кто откажется? Да и вы, батенька, всишь раздались! – подражая голосу вождя мирового пролетариата, закартавил он. – Неужто нынче шахтеров буржуйскими рябчиками кормят? Можно смело поднос ставить на живот – не опрокинется. Кстати, о подносе, – заметив на столе непечатую бутылку водки с нехитрой снедью, мужчина разочарованно развел руками, – и почему ты не захотел остановиться у меня?

– Не обессудь, Серёжа, но напрягать людей не мое! – ответил Карпов, слегка смутившись. – У тебя семья, дети! Что мне вам на голову падать?! Не волнуйся, я и тут неплохо устроился!

Откупорив бутылку водки и плеснув на донышко граненых стаканов, он подвинул один вперед. Опорожнив за встречу, Карпов тут же предложил следующий тост:

– Давай, Серёжа, выпьем за город, который нас с тобой свел!

– Можно сказать, сроднил! Такое пережить! – Саблин нахмурил брови, отставил стакан в сторону. – Но пить за Питер, Балтфлот и прочее мы будем не здесь! – сухо произнес он, добавив требовательно: – Слушай приказ, старшина: немедленно свернуться и следовать за мной! Между прочим я в запас увольнялся чином выше твоего, так что не имеешь права перечить. Даю полторы минуты на сборы. Время пошло, боец! – Придвинувшись вплотную, он с улыбкой положил руку на плечо Алексея. – Не обижай, дружище! Я столько лет разыскивал тебя и

думаешь допущу, чтобы мой боевой товарищ поселился в гостинице? Поехали! Стол накрыт, комната отдельная приготовлена, мешать никто не будет. К тому же тебя ожидает знакомый медик!

– Док в Питере? – обрадовался Карпов, имея в виду их корабельного фельдшера. – Что же ты сразу не сказал?..

И снова, как много лет назад, они ехали в вагоне городской подземки. Возбужденный встречей, Сергей рассказывал, как долгое время безуспешно разыскивал Алексея через сослуживцев и как наконец удалось найти благодаря появившимся соцсетям. Внимая речам товарища, Карпов одновременно прислушивался к голосу из вагонного репродуктора, объявлявшего названия ленинградских станций: «Площадь Восстания», «Чернышевская», «Площадь Ленина», «Выборгская...» Эти привычные для питерцев слова волновали его слух, словно забытый текст когда-то любимой песни.

Покинув метро, бывшие балтийцы побрели по малолюдной, продуваемой шквальными ветрами улице, мимо просевших под тяжестью свинцового неба жилых домов. Прикрывая уши высоким воротником дубленки, Карпов повернулся к Саблину:

– Помнится, ты мечтал остаться жить в Ленинграде. Видишь, у тебя получилось.

– Не сразу, конечно, но получилось, – согласился Сергей. – Человек сам себе накатывает жизненную колею. У одних, кто идет по выбранному пути, дорога с годами углубляется, не позволяя скатиться на обочину. У других, кто долго не может определиться с направлением, она зачастую осклизлая. Многие падают, расшибаются. Падал и я пару раз. Как ни странно, – продолжал он, – все началось в тот

самый день, когда мы с тобой искупались в Неве. Я ведь после этого долго провалялся в госпитале. Даже комиссовать собирались. Пришлось убеждать докторов, что годен для дальнейшей службы. Мы ведь как воспитаны были, помнишь? «Служить всегда, служить везде, до дней последних донца, служить – и никаких гвоздей...» – продекламировав перекроенные на свой лад стихи Маяковского, Сергей на короткое время замолчал. – В общем, перевели меня в Кронштадт. Здесь и закончил службу. Потом, навестив родных, вернулся в Ленинград учиться.

– Только не говори, что на архитектора! Помню, как ты все рисовал в своем блокноте. Ладно получалось.

Им недолго было предначертано судьбой служить вместе. Да и лет с тех пор прошло немало, состариться успели. Но каким-то особым чутьем оба ощущали родство душ.

– А я другой профессии себе не представлял!

– Да ладно! – Алексей был приятно удивлен. – Значит, стал-таки футуристом?

– Урбанистом, – поправил его Сергей. – Украшаю города своими сооружениями.

В том, что его действительно ожидали, Алексей убедился, едва переступил порог старой, с высокими потолками и толстыми стенами питерской квартиры. Встречать гостя в прихожую вышли супруга Сергея вместе с сыном и невесткой. На руках молодая женщина держала годовалого малыша. Знакомясь с домочадцами архитектора, Алексей невольно заглядывал им за спины, ожидая увидеть еще одного бывшего сослуживца. Разве не о нем упоминал Сергей в гостинице? Но в просторном

зале, куда его проводили, обставленном старинной мебелью и всевозможными антикварными диковинками, медика также не оказалось. «Опаздывает!» – подумал Алексей, надеясь на встречу.

Они сидели за большим круглым столом, уставленным всевозможными яствами. Когда первые минуты остались позади и уже было выпито, как принято, за гостя и гостеприимных хозяев, Алексей, воспользовавшись разговорами за столом, наклонился к уху Сергея:

– Что-то док наш долго не идет! Ты вроде говорил, что будет!

Обмакнув губы салфеткой, Саблин удивленно взглянул на него, кивнув в сторону супруги:

– Так вот же доктор! Не узнал?

Лишь внимательно взглядевшись в лицо хозяйки, Карпов узнал в этой полноватой женщине ту самую курносую девчушку с лучезарными глазами и ямочками на щеках, которая в тот злополучный вечер обрабатывала им раны, а затем кормила вкусным ужином. Впрочем, почему злополучный, если он свел их с Сергеем?

– Вон оно что?! А говорят, чудеса не случаются! – не сумев скрыть удивления, воскликнул Алексей.

– Никакого чуда! – засмеялся Сергей. – Привязал к себе исключительно жалостью! Тогда, в госпитале, немного окрепнув, сразу же позвонил Ленке, – начал он свой рассказ. – Я номер их квартирного телефона взял, когда прощались у метро. Как чувствовал, что это судьба! Узнав, что я попал в госпиталь, она тут же примчалась. Ну а дальше завертелось. С тех пор мы надолго никогда не расставались.

Слушая его, Алексей вспоминал черноглазую девушку с высокой грудью и тонкой талией.

– А что Настя? – любопытствовал он у Елены.

– У нее все хорошо! – ответила хозяйка, подкладывая гостю в тарелку салат. – Раньше редко списывались, теперь общаемся по интернету. Рассказала ей, что ты нашелся. Обрадовалась. Привет передавала. – Елена говорила отрывисто, бросая на него короткие взгляды. – Понравился ты ей тогда! Приходила со мной к Сережке в госпиталь, все о тебе спрашивала. Надеюсь, что вспомнишь, навестишь, а ты так ни разу и не появился.

– Не смог, – сокрушенно покачав головой, ответил Алексей, чувствуя отчего-то неловкость. – Поначалу сам отлеживался в амбулатории, пока наш док латал меня. Потом отбыл в Таллин.

– Настя замужем, между прочим, за моряком! – продолжала Елена, и ее лицо осветилось улыбкой. – Глянулись нам с ней морячки! На всю жизнь глянулись!

– Ну какой он моряк?! Соленой воды не хлебал, гусь-летяга! Служит в морской авиации, – придав голосу сарказма, поправил Сергей супругу.

– В тельниках ходят, значит, наши, чего уж, – засмеялся Алексей, вспомнив, как корабельные называли летчиков морской авиации...

Дни, проведенные в Санкт-Петербурге, пролетели незаметно. Стоя на перроне, бывший флотский старшина мысленно прощался с городом, который по старинке продолжал называть Ленинградом. Давая слово чете Саблиных чаще навещать, он в эту минуту искренне верил в это.

– Спасибо тебе за Сережу! – прощаясь, произнесла Елена. – Если бы не ты... В общем, ты настоящий герой!

Карпов смутился:

– Ну о чем ты! Твой муж – вот кто герой! Не побоялся, пришел на помощь. А ведь совсем еще зеленым пацаном был.

– Лена права! – Саблин протянул на прощание руку. – Знаешь, когда у меня случались тяжелые дни и не всегда хватало решимости, я вспоминал, как ты локтями рубил лед. Мне это помогало идти вперед. Так что права она, права...

Рассматривая в окно унылый зимний пейзаж, Алексей Иванович Карпов возвращался домой под неровный перестук вагонных колес, прощально отбивавших дорожную мелодию. Он заново переживал каждую минуту, проведенную с семьей друга.

О чем-то негромко перекидывались словами ехавшие с ним в одном купе молодая женщина и ее сын лет десяти. Еще один попутчик, седовласый мужчина преклонного возраста с бородой эспаньолкой, в истертом от времени пиджаке, сидел за столом напротив Карпова. Водрузив на нос очки в тонкой металлической оправе, он что-то записывал в обычную тетрадь. Весь облик его напоминал школьного учителя.

– ... А я хотел бы стать настоящим супергероем! – громкий голосок мальчишки невольно привлек внимание мужчин. – Это же так круто! Жаль только, что такие не встречаются в жизни.

Бросив взгляд на корешок книги, которую паренек держал на коленях, Алексей Иванович прочел название: «Солдаты космических войск».

– Захочешь – станешь! – произнесла женщина, продолжая накручивать на указательный палец локон окрашенных в пшеничный цвет волос, ниспадавших на лицо.

– Ма, ты чё?! – возмутился мальчуган. – Как я стану? Это же фантастические персонажи!

– И что? – блондинка на мгновение подняла глаза. – Вон ученые говорят, что скоро люди летать научатся, как аватары. Уже всякие приспособления придумали. Чем не супергерои?

– Да ну! – недоверчиво махнул рукой подросток. – Когда это будет!

Пощипывая эспаньолку, «учитель» улыбнулся, озадачив его вопросом:

– А позволь полюбопытствовать: кто такой супергерой? В моем детстве такого понятия не было, и я не знаю, что это такое.

Ресницы женщины, явно не желавшей вмешательства посторонних в их с сыном разговор, неприятливо дрогнули.

– Супергерои – это сверхлюди! – поджав губы, объяснила она. – Помню, еще в школе приводили всяких там ветеранов, которые рассказывали о советском народе, победившем немцев. Разве его нельзя назвать супергеройским?

– Вы, очевидно, хотели сказать – героическим народом, который был способен на массовое геройство! – поправил ее старик, скривив рот. Его задело выражение «всяких там ветеранов». – И не немцев победил, а фашистов! – Достав из очечника салфетку для линз, он сорвал с лица очки и, близоруко щурясь, посмотрел на собеседницу. – Здесь, я полагаю, произошла подмена понятий в тех книгах, которые молодое поколение читает, – как можно мягче сказал он, не желая обидеть. – Кажется мелочь, но если вдуматься...

– Если на то пошло, то в наше время неоткуда взяться героизму! – задетая его словами, не сдава-

лась женщина. – Слава богу, нет войны, где можно было бы проявить себя. Похоже, все наши герои остались в прошлом, в сказках да былинах. Ну, там Илья Муромец с Добрыней Никитичем и все прочие. У нас даже в современной литературе нет таких героев, как Человек-паук, Бэтмен или, к примеру, космические полицейские, спасающие мир. У американцев есть, а у нас нет. Да, я понимаю, что это тоже сказки, и все же!

– Так это же хорошо, что у нас их нет! – воскликнул «учитель». – Значит, мы по-прежнему отдаем предпочтение реальным героям, а не вымышленным.

– Это каким? – саркастическая ухмылка тронула лицо блондинки. – Можете назвать?

– Обыкновенным! Вот недавно по телевизору рассказывали, как один подросток бросился в полынью спасать провалившегося щенка. И спас, представляете! – радостно воскликнул старик. – Слава богу, и сам цел остался! Разве это не геройство?

– Поступок, но на подвиг не тянет! – вяло промолвила женщина. Затем, немного поразмыслив, решительно поправилась: – Точнее, проступок! Да! Глупость, а никакого не геройство!

– То есть как? – опешил «учитель», и на его лице отразилось замешательство. – В чем же, позвольте спросить, глупость?

– Глупо было рисковать из-за дворняжки! А вы не думали, что было бы с его матерью, утони он?

Судорожно теребя очки в руках, седовласый посмотрел в окно невидящим взглядом.

– М-да, вопрос, однако! Герой мальчишка или глупец? Прямо под дых вопрос, я вам доложу!..

Карпов в их диалог не вмешивался, с интересом ожидая дальнейшего развития.

– ...Все же хочется думать, что паренек совершил подвиг, – продолжал седовласый после непродолжительного молчания. – Да, не супергерой, как вы изволите говорить, просто герой. Я понимаю: утони собачка, и ничего бы не изменилось на земле. Погибни же ребенок, и погибли бы все, кто не родится после него, а это уже трагедия вселенского масштаба. Но подвиг его заключается не столько в том, что спас несчастное животное, а что не прошел мимо. Только так и рождаются герои.

– Животных много, всех не спасешь. Я мать, я знаю, что говорю. И потом, сколько людей, столько и мнений, – пробурчала женщина, демонстративно возвращаясь к книге.

Поезд набежал на разъезд и остановился. В нависшей темноте за окном едва проглядывал марлевый свет редких придорожных фонарей. В воцарившейся тишине слышно было, как где-то вдали забрехали собаки. Старик продолжал задумчиво смотреть в окно, по-прежнему нервно теребя очки. Видно было, что разговор задел какие-то тайные струны его души.

– Что-то проглядели мы в воспитании нашей молодежи, – наконец не выдержал он. Алексей Иванович почувствовал в его голосе боль. – Это наша вина, взрослых. Люди сейчас живут – что семечки в кулек ссыпавшись. Вроде бы в одном сообществе, да только каждый в своей шелухе. Старых героев не помним, новых не замечаем или быстро забываем. В пример ставим пустых людишек и вымышленных персонажей. М-да.

Где-то далеко впереди раздался длинный гудок, разрешавший пассажирскому составу продолжить движение. Сдвинувшись с места, железная гусени-

ца медленно потянулась на юг, к Ростову-на-Дону, где по соседству, в некогда братской республике, Карпова ожидали родные.

– А молодец пацан, не испугался, спас собачку! – послышался в тишине робкий голосок мальчишки.

Алексей Иванович поднял глаза на старика, чье лицо, до этого печальное, снова осветилось улыбкой...

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

С балкона гостиничного номера Андрей наслаждался видом на Неву, по водной глади которой курсировали речные трамвайчики с любопытствующими туристами. Что-то неуловимое в этой картинке напоминало ему детство, проведенное у Черного моря. Неожиданно донесшийся снизу, с пролежавшей прямо перед гостиницей дороги, резкий визг тормозов заставил его вздрогнуть. Мимо, играя в «дорожные шашки» и пугая прохожих, на большой скорости пронеслись два «Гелендвагена». За черными внедорожниками, будоража округу нервным воем включенной сирены, безуспешно гнался автомобиль патрульно-постовой службы. Игнорируя призывы громкоговорителя прижаться к обочине и остановиться, лихачи прибавили скорость. Андрей мысленно выругался, адресуя гневный посыл властям: «Носятся с этими дегенератами! Ждут, очевидно, когда мажоры начнут людей давить?»

Возвратившись в комнату, он набрал номер жены, собираясь предупредить о вынужденной задержке. Долгожданная встреча с питерскими

партнерами прошла успешно, и Андрей рассчитывал вовремя вернуться домой, но непогода внесла свои коррективы: из-за грозы над принимающим аэропортом вылет переносился на неопределенное время.

Андрей любил Санкт-Петербург. Неплохо знал его еще с тех пор, когда проходил срочную службу в Кронштадте. Правда, тогда город назывался Ленинградом. Гатчина и Пушкин, Петергоф и Павловск, Ораниенбаум и Стрельна, Шлиссельбург – все эти места он посещал и позже. Можно было и сегодня заглянуть куда-нибудь, пользуясь выпавшим свободным временем, но одолела накопившаяся за последние недели усталость.

Упав на диван, молодой человек взял в руки пульт от телевизора. Вспыхнувший экран осветил безликую студию, в которой две группы политологов-оппонентов, часто срываясь на крик, с жаром обсуждали очередной политический момент, сложившийся в одной из соседних республик. Андрей теледебаты не любил и переключился на другой канал, где гламурная ведущая брала интервью у своей знакомой, известной светской львицы.

С придыханием, артистично роняя время от времени слезы, дама с драматизмом в голосе рассказывала, как трудно было ей, бедняжке-лимитчице, приехавшей покорять столицу из далекого края с одной маленькой сумкой, пробиваться в высший московский свет. Как много приходилось терпеть унижений со стороны богатого, но деспотичного мужчины, с которым долгое время прожила в гражданском браке, после чего тот сменил ее на молодую, оставив квартиру, автомобиль, украшения и небольшой, всего на несколько миллионов рублей,

счет в банке. Сочувствуя всплакнувшей в очередной раз собеседнице, ведущая коснулась ее руки...

Скривив лицо, Андрей отключил телевизор. Минуту он наслаждался тишиной, после чего достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, вынул из него фотокарточку, на которой были запечатлены двое молодых людей. Долго рассматривал. Этот старый снимок напомнил ему другую автомобильную гонку, участником которой он, тогда еще совсем юный, оказался. Один из тех, кто был на фотографии, много лет проживал в Питере. В записной книжке Андрея хранился номер его телефона, взятый у общих знакомых. «Набрать сейчас, встретиться? Когда еще получится приехать!..»

Держа в руках мобильник, он, как уже бывало не раз, все еще сомневался, звонить или нет. Наконец решив, что если не сделает этого сейчас, то уже вряд ли когда соберется, отыскал нужный номер и нажал кнопку посылки.

Голос с легким грузинским акцентом, с небольшой хрипотцой, словно простуженный, Андрей узнал без труда. Не сразу, но вспомнили и его. Показалось, что даже обрадовались. Или сделали вид? Что-что, а притворяться Тамази Гуладзе всегда умел.

Договорившись встретиться в одном из ресторанов с колоритным грузинским названием, Андрей погрузился в воспоминания. До намеченного часа еще оставалось время...

Раскинувшийся на живописном берегу Черного моря Батуми, в котором его семья счастливо проживала долгие годы, они, как и многие их соседи, были вынуждены покинуть сразу после распада СССР. В те годы новые грузинские власти приня-

лись активно переписывать историю своей страны, объявив советскую эпоху периодом коммунистической оккупации. Изменение политического вектора в сторону дружбы с западными странами и антироссийская риторика привели к тому, что некогда благословенную и гостеприимную землю стали покидать не только «люди пришлые», но и те из коренного населения, чей разум политики не сумели затуманить вымышленной историей о древнем величии и исключительности этого кавказского народа. В Батуми все меньше оставалось людей, дорогих сердцу Андрея, кто добрые отношения между соседями и искреннюю дружбу ценил выше политических интриг.

Дружба... Мы помним тех, с кем днями напролет гоняли в детстве мяч, удили в предрассветной дымке рыбу, зябко кутаясь в потертую отцовскую штормовку, ходили в походы, страхуя друг друга на опасных горных тропах. Но из большого числа приятелей лишь некоторых считаем настоящими друзьями. Не каждому даруется судьбой такой человек, которому можно доверительно рассказать о своей первой влюбленности, не опасаясь быть высмеянным, чьими качествами характера восхищаешься, примеряя их на себя.

Андрею повезло. В годы его отрочества и юности таким человеком для него оказался Ярослав Киреев. Он был старше на несколько лет, но это не мешало их дружбе и тесному общению. Сильный, уравновешенный, не по годам рассудительный, Ярослав обладал той притягательной силой, которая исходит от человека надежного. От ребят их района парень отличался способностью убеждать силой слова, подбирать в возникающих конфликтах - не-

отъемлемой части дворовой жизни – такие аргументы, которые не раз предотвращали, казалось бы, неминуемую мальчишескую потасовку. Вместе с тем, если дело все же доходило до разборок на кулаках, Ярослав никогда не пасовал. Смелость его была не мальчишески безрассудной, браваурной, а настоящей, мужской.

С раннего детства большой страстью Ярослава были моторы. Это ему передалось от отца. Среди местных жителей старший Киреев слыл человеком чудаковатым. Талантливый инженер, он мог отремонтировать любой двигатель, будь то автомобильный или от старого парохода, затонувшего у берегов Батуми в далекие двадцатые годы, когда бывшие граждане Российской империи, не принявшие власть Советов, пытались на таком перебраться в Турцию. Кроме починки двигателей Георгий Иванович, носивший прозвище Кардиолог, много лет увлеченно занимался... «секретной разработкой особого устройства для нужд армии и космоса». Свою «тайну» инженер хранил ровно до очередного пьяного загула, в которые впадал с заметной регулярностью. Изрядно подпив, Кардиолог тут же выкладывал собутыльникам давно известный всем «секрет». «Я такой движитель задумал, что наша страна оставит далеко позади всех остальных! Вы еще будете гордиться своим соседом!» – нахвалялся он себя.

Многие из знакомых, наслышавшись о «важных разработках» чудаковатого механика, хохмы ради подыгрывали: «Давай, Кардиолог, делай быстрее свои ракеты, только потом не забудь проставиться!». Другие открыто смеялись: «Опоздал ты, Жорка! Ракеты уж давно дырявят небо! Она скока дыр

наделали в ём, что твой дуршлаг. С утра до вечера дождит, едреня феня!» Георгий Иванович горячился: «Смейтесь, смейтесь, зубоскалы! Мне, может, Государственную премию дадут, а может, и Нобелевскую! Вот тогда и я над вами посмеюсь».

Больше всех над пьяным инженером любил подшучивать Важа Гуладзе, чей сын Тамази прятельствовал с Ярославом. «Иди, кацо, проспись сперва, Эдисон батумского разлива! – потешался толстяк, потряхивая тучным животом, нависавшим над брючным ремнем. – Столько водки жрешь, что скоро зеленых чертей из космоса ловить начнешь! И давай, заканчивай свои опыты-шмопыты! Не дай бог, весь город спалишь, Герострат ты наш».

Пытаясь найти формулу особо прочного сплава, Киреев часто использовал мощную газовую горелку, из-за которой несколько раз в его мастерской вспыхивал пожар, к счастью, без серьезного ущерба не только для города, о котором так пекся батано Важико, но и для самого хозяина. Молча выслушав соседа, Георгий Иванович, уронив голову на грудь словно нерадивый школьник, покорно брел домой. Многие замечали: будучи пьяным, Кардиолог побаивался старшего Гуладзе.

Важико считал себя человеком значимым для общества. Занимая какой-то пост в республиканском комитете Коммунистической партии, он с годами выработал степенную походку, носил дорогой костюм с галстуком и разговаривал со всеми с некоторой снисходительностью, так свойственной людям, прикоснувшимся к власти. Соседи его не любили. Злые языки поговаривали, что он – сексот. Однако, отношения поддерживали, все же на одной улице жили.

В их районе семья Гуладзе считалась самой зажиточной. Далеко не все могли позволить себе машину, а у Важи перед лоджией стояла престижная модель «Волги». Да и сын его Тамази, едва получив аттестат зрелости, тут же прыгнул за руль новеньких «Жигулей». Отсутствие прав несовершеннолетнего юношу не смущало: инспекторы ГАИ не решились задерживать сына батано Важико, и тот без страха отмерял километры городских дорог.

При всей своей внешней brutality Гуладзе соседней остерегался, вероятно, небезосновательно. Уверенный в том, что люди существа завистливые и способны на всякую пакость, он старался держать в поле зрения свою «дэвочку с божественной пигурой», как называл «Волгу». Даже ночью малейший шорох во дворе заставлял мужчину вскакивать с постели. В отсутствие главы семьи функция охранника возлагалась на его вздорную супругу Натико. Едва заметив остановившегося у автомобиля незнакомца, женщина тут же широко распахивала окно и принималась истошно вопить на всю улицу: «Что ты потерял там, пустой ты человек? Иди, иди, следуй своей дорогой, да обрушится на тебя копые Георгия Победоносца, да разможит копытами твою голову его небесный конь!..»

Не любил семью Гуладзе и сапожник Селим, наблюдавший за жизнью улицы из окошка крохотной будки на углу. Иногда он заходил в мастерскую Киреева посудачить за чашкой крепкого чая. За разговорами сапожник часто делился воспоминаниями о своей прошлой жизни, проведенной в далеких холодных краях.

Андрею нравилось слушать старика. Отсидев по малолетству за воровство, Селим не из книг знал

цену жизни. Лирик в душе, он умело излагал свои мысли в поэтической форме. «Глупые, глупые Важико и жена его Натико! – по лагерной привычке держа обеими руками кружку с горячим напитком, вкрадчивым голосом восточного мудреца изрекал Селим в очередной раз. – Эти несчастные думают, что люди им завидуют! Но лишь проходимцы завидуют издоимцам».

Старый сапожник не раз предостерегал Ярослава от дружбы с сыном Важи. «Судьба человека – что разменная монета! – говаривал он. – Сегодня он машину моет, а завтра, может быть, толчок на зоне будет мыть. Ведь как луне ярко не светиться, а в солнце не превратиться».

Любили захаживать в мастерскую Георгия Ивановича и другие мужики. Часто вечерами, вынеся во двор стол, они с азартом забивали «козла» в домино или резались в нарды, ведя неторопливую беседу. Бывал здесь и Важико Гуладзе, правда, изредка, лишь в силу крайней необходимости. В такие моменты, натянув на лицо заискивающую улыбку – что не говори, а лучшего мастера по двигателям, чем Жора Кардиолог, в городе было не найти, – он начинал просить: «Жорик, дарагой, ты же знаэш, как иа тэбиа лиублиу! Богом клианус, всэм гавариу, что ты – сами лучши в Батуми! Сэрдцэ лиубой тачки можэш вылечит. Пасматри, мой дарагой, прашу! Что-то маиа дэвочка чихат начал, как будто прастудилса или что? – жаловался он. – Мнэ бэз машины варианта нэт, дарагой!»

«Не пыхти, – успокаивал его инженер, привычно забираясь под капот. Трезвым он его не боялся. – Подтянем ремни, смажем где надо и катайся себе дальше на здоровье».

Их сыновья учились в параллельных классах. В моменты дружбы, случавшиеся регулярно между периодами охлаждения, Тамази также появлялся в мастерской. Предполагая незавидную участь Ярослава вечно пахнуть мазутом, как его отец, младший Гуладзе с воодушевлением рисовал свое адвокатское будущее. «Знаешь, сколько воры платят хорошему адвокату? – приставал он к приятелю, брезгливо поглядывая на промасленные детали, лежавшие повсюду. Видя недовольное выражение лица последнего, тут же смягчался. – Ничего, у тебя тоже будут бабки! Хорошие слесари без денег не остаются».

Ярослав молча сжимал челюсти. Он не любил ссориться с людьми. Зато Георгий Иванович, мысленно посылая всю семью Гуладзе куда подальше, выдавал, играя желваками на скулах: «Не слесарем, а инженером-механиком! Понимать надо разницу. Тут без института никак. А воров да всяких жуликов защищать не велика честь. Пусть едут в Сибирь лес валить».

По окончании школы Важико повез сына в Краснодар устраивать на юридический факультет. Некоторое время спустя и Ярослава армейские «купцы» забрали далеко от родительского дома. С тех пор прошел не один год, прежде чем бывшие однокашники снова встретились...

Оставшись без главного помощника, Георгий Иванович, и прежде допоздна пропадавший в мастерской, теперь часто оставался в ней ночевать, чтобы, подремав пару часов на ветхом топчане, вернуться к срочному заказу. Утром он непременно отправлялся домой, принимал душ, завтракал и возвращался обратно. Но однажды Киреев домой не пришел. Не дождавшись супруга к завтраку, жен-

щина поспешила в мастерскую, где и обнаружила его бездыханное тело, придавленное тяжелой конструкцией лебедки с подвешенным двигателем, по причине ветхости опрокинувшей на него.

Большой противолодочный корабль Ярослава в это время нес боевую вахту далеко от родных берегов, так что домой он смог попасть только весной, когда закончился срок службы. Отложив до лучших времен мечту о поступлении в технический вуз – надо было зарабатывать на жизнь и лечение захворавшей после гибели отца матери, – Ярослав, получивший на флоте специальность моториста, устроился на местный судоремонтный завод. Это было его первое лето на гражданке. Тогда же он и встретил свою любовь.

Елене было девятнадцать, когда она впервые посетила родного дядю. Василий Бортников проживал в той же пятиэтажке, где обитали семьи Андрея и Ярослава. В восхитительную блондинку из Ленинграда, длинноногую, с ямочками на щеках, казалось, влюбились все молодые люди их района. Особенно эмоционально свои симпатии выказывали девушке грузины, чей темперамент, стоило лишь той появиться на улице, вулканом вырывался наружу. Как и любой девушке, Елене нравилось ловить их щекочущие спину взгляды, слышать перешептывания, цоканье языком: «Цы-цы, вах, какиэ ножки! Мамой клинус – с ума саиду!» Каждый старался привлечь ее внимание к себе, не скупясь на комплименты. Особо самоуверенные приглашали на свидание, недвусмысленно намекая на интимные отношения. Елена отшучивалась, одаривая каждого очередного отвергаемого ухажера разоруживающей улыбкой.

Увидев ее впервые, Андрей и сам испытал нежные чувства, на которые была способна душа семнадцатилетнего паренька. Но гостя из Северной столицы оказалась старше на два года, и на серьезные отношения ему надеяться не приходилось. И все же Андрей старался чаще видаться с Еленой. Особого труда это ему не составляло. Он и прежде активно общался с сыновьями Василия Бортникова, подростками Петькой и Вовкой, теперь же их встречи участились.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату и нестерпимая духота сменялась прохладой морского бриза, вместе с братьями Бортниковыми он сопровождал Елену на городской пляж, полный в это время суток охотников до молоденьких приезжих. Зная нравы местных мужчин, дядя не разрешал племяннице ходить одной к морю.

Как-то раз, возвращаясь домой, Андрей предложил девушке заскочить к другу в мастерскую. Увлеченный своими делами, Ярослав о госте из Ленинграда ничего не слышал. Нежданное появление красавицы привело парня в замешательство, что не ускользнуло от Андрея, впервые увидевшего друга столь растерянным. Теребя грязную ветошь в руках, тот безуспешно пытался отвести глаза в сторону. Румянец покрыл и лицо Елены. Стройный молодой человек с голым торсом и сильными жилистыми руками, столь смущенный ее появлением, вызвал в девушке горячий интерес.

На следующий день, едва завидев Андрея на улице, Елена без всякого стеснения принялась расспрашивать его о Кирееве. Догадавшись о чувствах, вспыхнувших в душе девушки, он предложил устроить им встречу...

Батумский ботанический сад, куда Андрей пригласил их на выходные, считался самым романтическим местом побережья. С этого момента отношения между Ярославом и Еленой стали стремительно развиваться. Помимо чувств, их сближало и горе: полгода назад у девушки от тяжелой болезни скончался отец.

Узнав о встречах племянницы с Киреевым, Василий Бортников остался доволен – парень ему нравился. В конце августа учившаяся на товароведа Елена возвращалась в Ленинград, обещав непременно приехать следующим летом. «Ну, теперь будет более существенная причина бывать здесь, чем встреча с родственниками! – улыбался Василий, подмигивая супруге. – Может статься, Ленка со временем поменяет Невский проспект на батумский бульвар. А что, всякое бывает?!»

Весь год влюбленные вели переписку, с нетерпением ожидая новой встречи. Сдав летнюю сессию, Елена, как и обещала, снова объявилась в доме дяди. Но Василий Бортников ошибался, полагая, что племянница когда-нибудь захочет остаться здесь. Этот ее приезд оказался последним. Больше она не приезжала в Батуми. Причиной тому явились случившиеся вскорости события.

Достигший к этому времени призывного возраста Андрей жил ожиданием осени, мечтая по примеру друга попасть на флот. «Если призовут в морчасти – сразу просись в учебный отряд мотористов! – поучал его Ярослав. – Отслужишь, вернешься домой, устроишься на хорошее судно, будешь ходить в заграничку». «Сам-то чего не зафрахтуешься?» – любопытствовал Андрей, осведомленный, что того уже несколько раз приглашали на большие суда.

«Мне мать бросать нельзя. Да и с Леной теперь вот... Опять же, отцовское дело хочу довести до конца, – отмахивался Ярослав. – Запатентую изобретение, тогда и видно будет».

Как и многие, Андрей не верил в изобретательские способности Киреевых. Серьезные открытия, полагал он, делаются в больших КБ, где много разных ученых и необходимого оборудования, но из уважения к другу ободряюще кивал: «Дерзай, Ярик, ты сумеешь».

Елена поначалу, казалось, с пониманием отнесшаяся к занятости возлюбленного, скоро заскучала. Южное море, буйная зелень, улицы, залитые радостным солнечным светом, будоражили кровь в ее молодом теле. Ярослав сожалел, что не может уделять любимой достаточно времени, поскольку работа на заводе отнимала большую часть дня, да и в собственной мастерской ее хватало. Скоро их отношения стали заметно охладевать. Но не только его занятость послужила этому.

Елена не решалась признаться, что виной ее нарастающей отчужденности к Ярославу невольно стал его приятель, повстречавшийся однажды им на бульваре. Едва завидев красивую блондинку, молодой грузин принялся осыпать комплиментами. «Ва, Ярик, дорогой, где ты нашел такой прекрасный бутон, а? – Галантно приложившись губами к ее руке, он представился: – Меня Тамази зовут! Я друг этого везунчика! Скажите, милая барышня, где, в каком городе растет клумба, на которой цветут такие обалденные розы? Мамой клянусь, я такой цветок еще не встречал!»

Девушка зарделась и с улыбкой произнесла:
– Это место называется Ленинград!

– И много в вашем городе таких красивых девушек? Подруги есть? Познакомите? Хотя нет, что я говорю?! Таких больше нет, мамой клянусь! Правда, Ярик? Вах, слушай, ты просто клад нашел!..

Кавказец без умолку расточал комплименты. Желая прервать его красноречие, Ярослав громко кашлянул, но тот не обращал на это внимания.

– Ауф, Леночка, вы не цветочек, вы ангелочек! Если я не прав, пусть в меня сейчас же ударит молния! Умереть на глазах такой девушки, клянусь, честь для любого мужчины, правда, Ярик? Вот везунчик, а, просто счастливчик! – Картинно раскинув руки в стороны, Тамази встал посреди тротуара и поднял лицо к небу, словно призывая на себя карающий удар, но его не последовало. – Видите, каждое мое слово – чистая правда, мамой клянусь!..

Когда комплименты иссякли, дружок Ярослава, лишь накануне вернувшийся в город после длительного отсутствия, предложил паре посидеть в каком-нибудь уютном месте.

– Давно не виделись, Ярик, дорогой, поехали! – распахивая двери своих «Жигулей», настаивал он. – Расскажешь, как в армии служил.

– Я – флотский! – поправил его Ярослав, бросив на Елену испытующий взгляд...

Тамази ей сразу понравился. Веселый, общительный, щедрый, он для Елены, выросшей в семье с весьма ограниченным достатком, явился олицетворением того типа мужчин, каким она и представляла грузин по рассказам некоторых знакомых. Восхитило девушку и шумное грузинское застолье в ресторане, куда они заехали с подоспевшими на призыв друзьями Тамази. Ничего подобного она до этого не испытывала.

На следующий день, как обычно, проводя время в ожидании Ярослава, Елена сидела в скверике неподалеку от дядино дома. Ей нравилось это местечко, где, прячась от жаркого южного солнца в тени толстолистных магнолий, она могла побыть в одиночестве. Теперь, когда вся округа знала, что Елена – девушка Ярослава, ее больше никто не доставал всякими глупостями. Здесь и встретился ей Гуладзе, с его слов оказавшись случайно поблизости.

Вначале его общество девушку смутило. Она уже неплохо разбиралась в местном менталитете и знала, что болтливым языкам не стоит давать повод для разговоров. Не хотелось быть замеченной с малознакомым человеком родственниками или их говорливыми соседями. Но, постепенно включившись в беседу, Елена перестала думать об этом, обнаружив, что ей легко и приятно общаться с ним.

Все повторилось на следующий день: Тамази снова появился. В этот раз их беседа длилась много дольше, после чего он откланялся и... пропал. Гуладзе не появлялся несколько дней. В какой-то момент Елена почувствовала, что скучает по новому знакомому. Ей все чаще вспоминался праздник, который устроил Тамази в ресторане в первый вечер их знакомства. Тогда она была почти уверена, что это из-за нее он старался, но сейчас, когда он исчез... Елена с улыбкой вспоминала такие нелепые и смешные комплименты его друзей про розы-миозы и губки-незабудки русских девушек. Странно, но ей снова захотелось слушать всю эту лабуду, ловить на себе их восхищенные взгляды. Эти ребята были совсем не похожи на ее знакомых и... даже на Ярос-

лава. Елена не догадывалась, что весь этот заученный набор фразочек, так волшебным действующим на приезжих, имел в своем арсенале каждый местный донжуан.

Гуладзе появился также внезапно, как и исчез. Застав девушку на привычном месте, молодой человек, ссылаясь на невероятную жару, предложил посидеть в кафе неподалеку. Пересилив желание, Елена отказалась. В отсутствие Ярослава это могло быть неправильно расценено. Не привыкший к отказам, Тамази, которому девушка действительно приглянулась, решил перейти к радикальным действиям.

– Леночка, вы только ничего плохого не подумайте, – начал он с улыбкой, которая в следующую секунду слетела с его лица. – Я знаю о ваших отношениях с Яриком и жалею, что он опередил меня. Скрывать не буду: вы мне очень нравитесь. Я даже решил больше с вами не встречаться, но вот не выдержал. Очень хотел увидеть. Конечно, если между вами настоящая любовь... Вы только скажите, и я, естественно, мешать не буду, мамой клянусь...

Девушку сместила манера местных людей часто клясться. Она и сейчас с трудом удерживалась от смеха. Услышав столь откровенное признание от красавца грузина, Елена почувствовала, как земля уходит из-под ног, и, неожиданно для самой себя, вдруг выпалила:

– Ну, я бы не стала называть это любовью... Мы с Ярославом просто друзья, не более...

В груди противно заняло от собственной лжи. Впрочем, это длилось недолго. Продолжая искоса наблюдать за парнем, она пыталась понять, насколько серьезны его намерения.

– Но я вас совсем не знаю! – умело сыграв смущение, продолжала она. – Меня так часто разочаровывали и даже обманывали... Мне кажется, что такое признание с вашей стороны слишком рано...

Услышав желаемое, а именно, что отношения девушки с Ярославом не столь серьезны, как он предполагал, Тамази перебил ее:

– Леночка, я долго жил в Краснодаре и научился понимать русских женщин, и если вы будете не против наших встреч, то обещаю: вы не разочаруетесь, мамой клянусь! Я ничего для этого не пожалею. У нас будет время узнать друг друга лучше, отвечаю. Можете мне довериться, все будет отлично!..

В тот день Елена все же нашла в себе силы отказать от предложенного вечером свидания, сославшись на то, что ей необходимо подумать, разобраться в своих чувствах. Вернувшись в дом дяди, она заперлась в ванной, отдавшись размышлениям. Теперь проведенное с Ярославом время ей казалось скучным, потраченным впустую. Их нечастые вечерние прогулки к морю, купание, кафе-мороженое на бульваре – все, что мог предложить ей Ярослав не шло ни в какое сравнение с тем, что ожидала она от Тамази.

Подсознательно Елена опасалась быть обманутой кавказцем, о коварстве которых была наслышана не меньше, чем о благородстве. Боялась встреч наедине, боялась и... одновременно желала их. «А что, если он действительно влюблен в меня?..» Мысль об этом все больше кружила голову.

Молодая, красивая, мечта многих мужчин – Елена это поняла здесь, в Грузии, – она хотела от жизни чего-то большего, волнующего, нежели серые будни с простым автослесарем. Какое будущее ожида-

ло ее с Ярославом?! В душе девушки происходила борьба между чувствами к нему, все еще достаточно сильными на тот момент, и теми, что пробуждались к грузину. Узнай сейчас дядя Вася, отчего-то не любивший семью Гуладзе, о ее намечающихся отношениях с Тамази, вряд ли испытал радость. Елена это понимала, как и то, что рано или поздно придется объясниться с Ярославом. Узнав о ее переживаниях, Тамази вызвался избавить ее от неприятного разговора с Киреевым. Решительность, с которой он выступил, восхитила девушку. «Похоже, это тот мужчина, который мне нужен!» Она глубоко вздохнула, уже почти не сомневаясь в своем выборе, и когда Тамази в очередной раз предложил прокатиться на машине, отказываться не стала.

Утром воскресного дня Андрей с Ярославом, как обычно, находились в мастерской, когда в дверном проеме показался Тамази. Предполагая определенную реакцию со стороны бывшего возлюбленного Елены, он пришел в сопровождении друзей-спортсменов. Молча выслушав его эмоциональный монолог о своих чувствах к Елене и ее нежелании дальше встречаться с Ярославом, Гуладзе протянул руку:

– Брат, мы же не будем из-за женщины враждовать, правда?

Отведя его руку в сторону, Киреев молча указал на выход. Посчитав поведение хозяина гаража вызывающим, задиристые спортсмены, высказывая в грубой форме свое недовольство, обступили Ярослава с явным намерением поучить его вежливости. Не медля ни минуты, Андрей схватил монтировку и стал рядом со своим другом. Испугавшись его бешеного взгляда, грузины тут же ретировались, пригрозив чуть позже наказать обоих.

В этот день Ярослав больше не работал. Закрыв мастерскую, он похлопал Андрея по плечу, выразив, таким образом, свою благодарность за поддержку, и, по-прежнему не проронив ни слова, удалился. Искать встреч с бывшей возлюбленной для выяснения отношений он не собирался. Понимая это, Андрей решил сам переговорить с Еленой, но девушка от беседы уклонилась.

Тяжело переживая предательство возлюбленной, малоразговорчивый от природы Ярослав окончательно замкнулся. Не зная, чем ему помочь, Андрей призвал на помощь шутника и балагура Каху Карцивадзе, одного из их верных друзей.

– Слушай, бичо, забудь эту шалаву! – громко, как всегда, когда возмущался, произнес Каха, едва его фигура прорисовалась в воротах мастерской на фоне залитого солнцем двора. – Ты же знаешь этих Гуладзе! Тамазка в пахана пошел. Любой девке мозги запудрит. Видел я их сегодня с Ленкой: катаются по городу на его тачке цвета раздавленного помидора. А что ты хотел, дорогой, твой джабархан против его машины – не вариант!..

Ярослав с любовью взглянул на свой старенький «Москвич», скучавший под брезентом в углу мастерской.

– Сейчас он эту дурочку шмотками закидает, повозит по кафе-ресторанам, – продолжал с ухмылкой все в том же духе аджарец. – И все! «Я Маша, и я навеки ваша». Знаю я этих вешалок! Слушай, Ярик, хочешь мы Тамазке морду набьем? – все больше горячился Карцивадзе. – Ты только скажи, брат, и мы этому дзахлис швили «темную» устроим.

– Запросто! – подключился Андрей, готовый ради друга на все.

– Ничего делать не надо, – прервал их фантазии Ярослав. – Это ее выбор.

Сдержанность Киреева вывела аджарца из себя. Охваченный гневом, он замахал руками:

– Ауф, слушай, ты такой правильный, аж тошно, ва! Эти люди кинули тебя, а ты прощаешь? Святой, да? В прежние времена за такое убивали. Я не предлагаю резать Тамазку! Так, немного почки проверим, на месте или нет. Надо же объяснить этому... – не подобрав нужного слова, Карцивадзе присел на старый, зияющий поролоновыми внутренностями стул. – Слушай, Ярик, отбивать девушку у своих нельзя, что тут не ясно, ва? Эта глупая блондинка по всему городу катается с ним, радуется жизни, а ты тут мучаешься. Ничего, ничего, скоро докатается! На чайных плантациях много романтических мест для любви. Ты же знаешь, как наши парни с туристками поступают!

– Надеюсь, Бортников не допустит до этого. Да и туристок никто не неволит. Сами идут на это.

– А Бортников за руку будет водить свою племянницу-шалашовку? – продолжал Карцивадзе, нервно почесывая мохнатый кулак.

– Она не шалашовка!..

Ярослав запретил друзьям дурно отзываться о Елене. Он еще надеялся на ее возвращение. Но время шло, а девушку все сильнее кружило в вихре новой страсти. Не помогали и разговоры Василия Бортникова с племянницей, до которого дошли слухи о ее связи с младшим Гуладзе. Все попытки образумить родственницу оказались тщетны. В какой-то момент он уже готов был отправить ее обратно в Ленинград, но не успел.

Каха оказался прав в своем предположении. О том, что между молодыми случилась близость, Важико Гуладзе узнал от сына, который не стал ничего скрывать. Наоборот, принялся упрашивать отца помочь оформить официально их отношения с Еленой. Такое поведение могло характеризовать Тамази с лучшей стороны, но только не для Важико. Даже в страшном сне ему не могла привидеться русская невестка. В очередной раз пожалев, что в свое время не отправил сына учиться в Тбилиси – по крайней мере, так было бы проще уследить за ним, – Гуладзе-старший почувствовал, что за столь поспешным решением отпрыска что-то кроется, но что именно, догадаться не мог...

Поступив на юридический факультет, как полагали всезнающие соседи, не без помощи связей и толстого кошелька отца, Тамази провалил первую же сессию. Однако домой возвращаться не захотел, предпочтя оставаться в Краснодаре, где вел достаточно праздный образ жизни, благо ежемесячно присылаемых щедрым папашей денег вполне хватало. Время от времени отец навещал сына, всякий раз радуясь виду заставленного учебниками стола. Сам Тамази, ссылаясь на неимоверную загруженность в институте, в Батуми появлялся редко, а когда бывал, то проводил с друзьями недельку-другую в увеселениях и снова исчезал. Он опасался, что раскроется правда о его отчислении из института. Так прошло несколько лет, но этим летом обман вскрылся, и Важа вернул сына домой.

Тамази всячески искал способ снова покинуть Батуми. Навязчивой мечтой несостоявшегося адвоката стало желание заняться коммерцией. Лучшим

местом для задуманного, как он полагал, мог стать только крупный город. Маленький провинциальный Батуми для масштаба его личности не подходил, негде было развернуться. Встреча с Еленой, которая и в самом деле ему приглянулась, породила в его голове хитроумный план, как перебраться в Ленинград. Для этого всего-то нужно было влюбить девушку в себя. Опытному ловеласу это не составило большого труда...

Проведя несколько дней в сильном смятении, красный от возмущения и стыда, словно его только что выловили из кипятка за мокрый загривок, Важику Гуладзе свое согласие на брак молодых дал, пообещав упряму как можно скорее уладить формальности с документами.

Прозорливый Тамази торопился. Страну лихорадило. Из-за бездарной политики центрального руководства могучее государство вот-вот грозило развалиться, и было бы лучше ему успеть переехать. Хоть и были Гуладзе состоятельными, но все же не настолько, чтобы купить в одном из крупных городов страны жилье. Вариант с Еленой подходил для его целей как нельзя лучше...

Сколько бы ни прошло лет, но пережитая в прошлом драма держит человека порою куда крепче, чем тиски. И всякий раз, когда что-то наталкивает его на воспоминания, душевная рана снова начинает кровоточить.

Сидя в номере гостиницы, Андрей вдруг отчетливо вспомнил утро того далекого августа, когда, наскоро позавтракав, привычно отправился в гараж помогать Ярославу, где застал Селима. Едва Андрей успел поздороваться с сапожником, как следом ввалился Карцивадзе.

– Вы еще не готовы? – сотрясая воздух громким возгласом, набросился на них Каха. – Тамазка же ждет!

Закончив копаться под капотом отцовского «Москвича», Ярослав отложил гаечный ключ в сторону.

– Знаю, заходил вчера вечером, разговаривали. Собирается устроить прощальную вечеринку перед свадьбой. Вспоминал нашу школьную дружбу, просил, чтобы я не обижался на них с Ленкой. Она, дескать, относилась ко мне просто как к товарищу, не более. Это я вроде как сам себе чего-то там фантазировал. Может, оно так и было, не знаю...

– Обманываться мы порою сами рады! – задумчиво глядя в кружку, философски заметил Селим. – Любовь – солома, сердце – жар. Одна лишь искра и – пожар!

Не обращая на него внимания, Ярослав рубанул:

– В общем, Каха, я никуда не поеду! Не в кайф мне будет сидеть рядом с ними. Не умею притворяться.

– Я – как Ярик, – поддержал друга Андрей. – Ленка – шаболда! Сначала в одного влюбилась, потом в другого. Бабы что, все такие? Я лучше вообще не женюсь!

– Ты еще пацан, жизни не знаешь! – хмыкнул Карцивадзе, напустив на себя важность.

– А ты – предатель! – Андрей угрожающе подступил к нему. Хоть и был он моложе, но силой не уступал. – К Тамазке переметнулся? Кто недавно «темную» предлагал ему сделать?

– Оставь! – Ярослав схватил его за руку.

– Тамазка сказал, что вы помирились, поэтому пришел, – скуксился Каха.

Недалеко от Батуми, в живописных горах Чаквис-Тави, у семьи Гуладзе имелся большой старин-

ный дом с приусадебным участком, который они использовали под дачу. Несколько раз Ярослав бывал там с Тамази.

– Слушай, Ярик, я понимаю, ты в обиде! – Карцивадзе чувствовал себя неловко. – Хочешь, скажу, что думаю? В этой истории я на твоей стороне и считаю, что тебе не стоит прятаться. Ходи гордо, бичо! Пусть никто не думает, что у тебя девушку увели. Ну, встречались пару раз, в кино сходили, туда-сюда. Может, даже прижал ее разок где-нибудь в темном углу...

– Давай без грязных намеков! – прервал его Ярослав. – Не было этого.

– Точно не было? – глаза Кахи заблестели. – Ну и дурак! Надо было. Ленка - спелый персик! Сейчас бы бегала за тобой как собачка. – Перехватив осуждающий взгляд Ярослава, он тут же замахал руками. – Ладно-ладно, шучу, ва! Просто иногда женщинам не хватает этого... И все-таки я бы на твоём месте не только поехал, но и повел себя так, будто радуешься за них.

– Радости ему мало в этом, – продолжал злиться на аджарца Андрей.

– Между прочим Ленке здорово досталось от дяди! – плюхнувшись в изодранное кресло, осклабился Каха. – Так опозорить семью! Что теперь люди будут о нем говорить?

– Бортниковы тут ни при чем! Это был ее сознательный выбор. А люди пусть заткнутся.

– Э, Ярик, это Кавказ! Здесь девушки в койку к мужикам до свадьбы не прыгают, ты же знаешь. Пятно на всю семью...

– Да ладно тебе – Кавказ, Кавказ! Знаем мы вас, аборигенов! Каждый день наблюдаем. Всяко быва-

ло, – вспыхнул Андрей, но под осуждающим взглядом Ярослава тут же осекся.

– Тамазка силой ее брал, что ли? – Отмахнувшись от младшего товарища, как от мухи, Карцивадзе подскочил к Ярославу. – Радуйся, что избавился от такой женщины! Лучше сейчас, чем потом. Давай, красавчик, улыбайся жизни! Правильно я говорю? – подмигнул он Андрею, приглашая поддержать. – Зачем нам макаки, прыгающие с пальмы на пальму?

Каха умел придать шутливый тон серьезной беседе.

– Ха, Тамазка на ленинградской прописке женится! – съязвил Андрей.

– Я слышал, к Ленке мать едет? – Ярослав стоял в нерешительности, не зная, как поступить. – На какое число назначено обручение?

– Какое обручение, ты о чем? На следующей неделе уже свадьбу играют! Даже положенное время после заявления выждать не захотели. Тамазка топчется, пахана наярив. Тот с кем надо договорился. После свадьбы они сразу уедут в Ленинград. Ленке вроде как срочно понадобилось. Я думаю, что ей просто стыдно здесь оставаться. Люди нехорошо говорят, косятся...

В назначенное время Андрей вошел в ресторан. Бывшего соседа он узнал сразу, несмотря на то, что за прошедшие годы тот заметно изменился: округлился в теле, на голове, где некогда красовалась густая черная шевелюра, сверкала лысина. Стоя в глубине зала, Гуладзе разговаривал с администратором. По его тону было нетрудно догадаться, кто здесь хозяин.

В подошедшем мужчине Тамази с трудом узнал бывшего соседского паренька.

– Ва, Андрюша, ты ли это? – шагнув навстречу вальяжной походкой, свойственной людям, «кое-чего добившимся в жизни», Тамази без особо радостных ноток в голосе принял Андрея в объятия. – Такой здоровый стал! Сколько лет не виделись, а? Выглядишь как настоящий бизнесмен! – Усадив гостя за столик у стены, хозяин ресторана начал с извинений: – Прости, дорогой, думал принять тебя в отдельном зале – есть у меня такой для важных гостей, но жду очень деловых людей. Там сейчас стол накрывают к их приходу. Посиди несколько минут, дорогой, я сейчас...

Скривив губы, что, очевидно, означало сожаление по поводу вынужденного ухода, Гуладзе исчез, на ходу поручив официанту принести гостю закуски. Андрею ничего не оставалось делать, как изучать интерьер, типичный для грузинских ресторанов: кувшины, расставленные по углам, копии картин Нико Пиросмани на стенах, по задумке дизайнера висевшие между большими вязанками лука, стручкового перца и початков кукурузы.

Тамази обернулся быстро. Поставил на стол бутылку вина, запечатанного сургучом.

– Это из личных запасов, дорогой! Только для самых близких, – желая показать особое отношение к гостю, подчеркнул он. – Мне это вино из самой Кхетии привозят. Очень дорогое, клянусь! Только богатые могут позволить... Ко мне всякие приходят: депутаты, олигархи, даже воры в законе.

Андрей предпочитал легкие французские вина, но за оказанную честь хозяина, так старательно поднимавшего статус своего заведения, поблагодарил, впрочем, весьма сдержанно. На женщину, вошедшую с улицы в этот момент, он обратил вни-

мание, лишь когда та приблизилась к их столику. Коротко бросив «здрасьте», она села рядом с Тамази. Вглядываясь в лицо, Андрей скорее догадался, чем узнал в ней Елену. Заметив его замешательство, Гуладзе засмеялся.

– Что, не узнал Ленку? Слушай, сам не узнаю! Откормил на свою голову...

– На себя посмотри! Сам уже в колобка превратился, – беззлобно огрызнулась женщина, сию секунду вспомнив, где могла видеть этого человека.

– Андрей?! – выдавила наконец она из себя. – Ты? Вот не ожидала!

В этой полной женщине с коротко остриженными волосами, окрашенными в лимонно-персиковый цвет, узнать стройную Ленку, к которой когда-то испытывал симпатию, было сложно. Годы заметно изменили ее. Андрей приветственно кивнул.

Тем временем, подозвав администратора, Тамази стал громко распоряжаться:

– Виктор, поторопи итальянца! Пусть подают горячее. Сегодня ко мне старинный друг приехал, из самой Грузии. Хочу угостить по высшему разряду...

И вновь в каждом произнесенном слове просматривалось желание хозяина показать свою значимость и быть достойно оцененным гостем. Принимая игру, Андрей не стал скупиться на похвалу:

– Красиво здесь, уютно!

– Ну а как же, Андрюша? У грузин все должно быть красиво! Мы с Ленкой только недавно открыли этот ресторан, а уже отбоя нет. Вообще-то, их у нас два, – уточнил он, умело пряча за легкой улыбкой привычное бахвальство. – Вот увидишь, чуть позже здесь ни одного свободного места не будет, я отвечаю!

С появлением Елены разговор не клеился. Тамази заелозил в кресле. Нежданный гость явно не вписывался в его сегодняшний распорядок дня. Почувствовав это, Андрей от угощений отказался, намереваясь покинуть общество бывшего соседа и его супруги.

– Ну, рад был увидеть вас в здравии и достатке! Времени совсем нет, а то бы еще посидел. Да и ты, Тамаз, вижу, торопишься! – демонстративно бросив взгляд на часы, добавил он голосу ироничности. – Больших людей ожидаешь, нервничаешь...

– Подожди, ты куда? – встrepенулcя бывший сосед, неловко задвигавшись в кресле. – Чего мне торопиться? Давай посидим, выпьем! Столько лет не виделись! – Быстро разлив вино по фужерам, Гуладзе выпил за встречу. – Значит, по-прежнему в Батуми живешь? Рассказывай, как там! Я не был на родине с тех пор, как перевез предков в Подмоскoвье. Говорят, хорошеет город, а? Может, зря я уехал? – уголки его рта поплыли в стороны. – Хотя что там делать, нищета кругом.

– Не знаю, как там. Мы давно покинули Грузию.

– Да? И где теперь живешь? – удивился Гуладзе. Андрею не хотелось рассказывать о себе.

– А, везде понемногу, – отмахнулся он. – Чаше приходится жить в гостиницах или в небе.

– Что, летчиком стал, да? Летчиком-налетчиком? – засмеялся Тамази, снова потянувшись за бутылкой. – Ну, как говорят в России, между первой и второй промежуток небольшой. Давай выпьем за... – он на секунду задумался. – У тебя есть семья, дети?

– Да, конечно! Все, как положено.

– Молодец, бичо! Вот за семью и выпьем! Ах, Андрияша, помнишь, как в Грузии тостовали? Здесь

все не так, дорогой, все не так. Тосты короткие, как выстрелы: давай! будем! вздрогнем! Разве мы так сидели, а? Помнишь, какие тосты произносили? Как уважали друг друга? Сердце на ладони дарили, помнишь, нет?

– Да, лицемерия хватало, – сухо, не отводя взгляда, ответил Андрей. – За столом могли клясться в любви и дружбе, а выйдя на улицу тут же предать. Такое часто бывало, если помнишь.

– Ну, о чем ты, дорогой? Какое лицемерие? – передернул плечами Тамази. Уловив настроение гостя, он в эту минуту пожалел о встрече. – Это сейчас все продается и предается. Раньше такого не было. А как мы выпивали за женщин, матерей, детей!.. – Чувствуя себя неловко после слов Андрея, Тамази решил сменить тему. – Кто у тебя: мальчики, девочки?

– Два пацана.

– Шалопай, наверное? Ты шкодливый был.

– Да, в меня пошли! – повеселел Андрей, вспомнив малолетних сыновей. – Хулиганят немного.

– Это нормально! Пацаны должны быть чуть-чуть хулиганистыми. – Бросив уничтожающий взгляд на супругу, Гуладзе раздраженно произнес: – А у меня одна дочка! Кое-кто не захотел больше иметь детей.

Елена окатила мужа холодным взглядом.

– Давай не будем! Мы не раз обсуждали эту тему. – И уже обращаясь к Андрею, добавила: – Не вижу необходимости заводить дома детский сад! Много детей – пережиток прошлого!

Брови Андрея поползли вверх.

– Да? Не знал! Всегда думал, что дети – это хорошо.

Лицо женщины скривилось в саркастической ухмылке:

– А вот ты знаешь, почему женщины так много рожали раньше?

– Просвети, почему?

– Потому что медицина была никудышной! Не было контрацепции, вот и плодили каждый год. Половина родившихся умирала от голода и болезней, а из выживших мужиков одна часть гибла в бесконечных войнах, другая сгорала от пьянки. А девки по традиции повторяли судьбы своих мамаш, рожая, как крольчихи. Я никогда этого не понимала. Слава богу, сейчас не те времена. Медицина на высоте, детки выживают, так что нет необходимости заводить много. – Распалив себя своей же речью, Елена сделала небольшую паузу, чтобы отдышаться. – Вообще-то, в цивилизованных странах рожают не больше одного-двух, – продолжала она. – Надо ведь и о будущем ребенка думать! Вопрос наследства озлобляет потомков, часто делая их врагами. А когда один, то и делиться не с кем. Так я понимаю. Я вот одна росла в семье и очень довольна. А Тамазкины сестры всю жизнь грызутся, кому что достанется...

Подумав, что старшие Гуладзе покинули этот мир, Андрей искренне посочувствовал бывшему приятелю.

– Прости, не знал, что дядя Важа и тетя Натико умерли! Прими мои соболезнования!

– Да живы они, живы! – Недоуменно пожав плечами, Тамази набросился на супругу: – Что ты мелешь? Кто грызется?..

Из дальнейшего диалога супругов на повышенных тонах, Андрей понял, что в бизнесе у них дела

шли куда лучше, чем в личной жизни. Озадаченный умозаключениями Елены, он предпочел не вступать с ней в дискуссию. Однако женщина не отступала.

– Рожать – дело-то нехитрое! Ты попробуй их одеть-обуть, дать образование. Скажи, разве я не права? Только не надо лицемерить! Многие красиво рассуждают о любви к детям, а сами не могут дать им элементарного. – Красная от возбуждения, она повернулась к мужу. – Я тоже люблю своего ребенка, разве нет? Ты не можешь упрекнуть меня в обратном. Просто время сейчас такое самим бы выжить. Налогами задушили! Дорожает все!..

Андрей продолжал молчать, незаметно изучая Елену: плотно сжатые губы, несколько надменный взгляд, суровая мужская складка на переносице... Он силился понять, что же привлекало их всех в ней тогда, в далекой молодости? Только лишь девичья красота? За что Ярослав, будучи старше и мудрее Андрея, влюбился в нее?

– Слушай, при чем тут налоги? Мы что, мало зарабатываем? – не сумев сдержаться, перешел Тамази на крик, чем привлек к их столику внимание немногочисленных посетителей. – Тебе что, на жизнь не хватает? Разве один пацан помешал бы нам? Кому я передам бизнес, зятю? А если он дураком окажется или наркоманом? – Он хлопнул себя по колену, совсем как в юности, когда злился. – Нет, надо было на грузинке жениться.

– Еще не поздно. Тебя никто не держит, – медленно вставая с места, бросила Елена. – Ладно, общайтесь тут пока без меня, если есть о чем, а я схожу, потороплю твоего хваленного итальяшку. Это ж надо – взять в грузинский ресторан итальянского повара!

Дождавшись, когда супруга скроется за дверью, Тамази разразился в ее адрес грязными ругательствами на родном языке.

– У тебя и в самом деле повар из Италии? – желая поскорее сменить тему, спросил Андрей.

– Ца! – цокнул языком Гуладзе. – Не обращай на нее внимания. Ленка – жадная! Одного не понимает: сейчас, если ты серьезный человек и хочешь быть известным ресторатором, модно выписывать шеф-повара из Европы. Конечно, эти черти дорого обходятся, но это престижно! Весь Питер знает, что в ресторане Тамази Гуладзе повар из Италии. Между прочим, в Кремле шеф-повар тоже итальянец! Знаешь, сколько у моего Рикардо всяких международных дипломов?

– Разве не логичнее в грузинский ресторан взять национального повара? В Грузии безработных пруд пруди. Ах, да, не модно, понимаю! – позволил себе съерничать Андрей, и тут же примирительно добавил: – Ладно, вам, рестораторам, виднее. Но, Тамаз, ты меня поставил в неловкое положение. И Ленку, кстати, тоже. Это не дело – разбираться с женой на людях.

– А что, одного пацана трудно было мне родить, миси дэда ватыре? – выругался Гуладзе. – Ничего, подожду, когда дочка внуков подарит. Баловать буду, знаешь как?..

– Как тебя? Ты еще тот баловень был!

– Да, отец ничего не жалел для меня. Завидовали все, помнишь?

– Так уж и завидовали? – Андрей по-прежнему силился понять, была ли Елена всегда такой жесткой, либо годы, проведенные с этим человеком, или, быть может, новая эпоха с беспринцип-

ным капиталистическим характером так изменили ее? – Надеюсь, ты не жалеешь, что женился на Ленке?

– Нет, чего жалеть! Она в бизнесе – настоящая волчица! Не зря же на товароведа училась. Все знает, во всем разбирается. Без нее у меня ничего бы не вышло, а так, – широко, словно пытаюсь охватить ойкумену, Тамази развел руки по сторонам, – у нас рестораны, еще пара магазинов имеется. Продаем там всякое импортное барахло. Кстати, можешь заехать с ней в наш бутик: выберешь что-нибудь супруге.

– Спасибо, моя жена барахло не носит, – не удержался, съязвил Андрей, с усмешкой принимая тот факт, что его социальный статус был явно принижен бывшим приятелем, а ныне «серьезным питерским ресторатором». – Она ни в чем не нуждается.

– Что, хорошо зарабатываешь? – Тамази бросил в рот кусочек сыра и зажевал зеленью. – Чем занимаешься? Поговаривали, ты машины ремонтировал? Как Ярик, да?

– Да, и сейчас занимаюсь этим. Еще ложки делаю.

– Ложки? – Гуладзе поднял со стола привычный столовый прибор и стал его рассматривать, словно впервые видел. – Ложки? – повторил он, подумав, что ослышался.

К столу, неся на подносе блюдо с дымящимся мясом, тяжелой поступью человека страдающего избыточным весом, возвращалась Елена.

– Гнать надо твоего итальяшку! – усаживаясь обратно в кресло, проворчала она. – Мясо переперчил!

– Знаешь, чем занимается Андрюша? – пропустив реплику жены мимо ушей, Тамази протянул ей ложку. – Такие штуки делает.

– Да? – Женщина с трудом подавила в себе улыбку. – И что, на жизнь хватает?

Андрея начинал забавлять новый поворот в их разговоре.

– Есть немного.

На какое-то время за столом воцарилась тишина. Продолжая дуться на супругу, Тамази нанизал на вилку кусочек мяса, принялся, вдыхая ароматы приправ и, положив в рот, стал неторопливо жевать, медленно поводя глазами по залу. Изучая лица редких клиентов, он остановил взгляд на молодой симпатичной девушке, сидевшей неподалеку от них в компании седовласого мужчины, явно иностранца. Раскрыв дорогой ноутбук, они что-то увлеченно изучали. Чуть поодаль три женщины бальзаковского возраста непринужденно судачили за десертом, время от времени заливаясь смехом. Еще двое молодых мужчин в деловых костюмах расположились у самого выхода. Неторопливо беседуя за чашкой чая, они изредка бросали взгляды в их сторону.

Тамази огорченно уткнулся в свою тарелку: мало людей – мало дохода!

– Ты так и не сказал, где живешь? – напомнил он.

– В Сочи... – неохотно начал Андрей, но Гуладзе сразу перебил его.

– Сочи что – деревня! Надо было в Москву ехать или в Питер. Здесь возможностей больше. Конечно, Санкт-Петербург – дорогой город! Тут не все могут подняться. – В его голосе снова зазвучали нотки самодовольства. – Без бабок здесь делать нечего. Знает, в Сочи живешь?

Андрей отложил вилку в сторону, обмакнул губы салфеткой.

– В Сочи родители живут. Я в Осло моторы ремонтирую.

– В Осло? Гастарбайтер, что ли? Я думал, ты и вправду летчик: гостиницы, небо, стюардессы! – лицо Гуладзе расплылось в улыбке. – Ты что, не мог здесь работу найти, в Швецию подался?

– В Норвегию, – поправил его Андрей и, немного подумав, достал из кармана визитку. – Дом у меня там и... завод судоремонтный.

Сидевшая до этого с постным лицом, Елена ожилилась. Услышав о заводе, Тамази, напротив, как-то сразу поскуичил лицом и неохотно потянулся за карточкой. Глаза его расширились от удивления, когда прочитал вслух:

– Генеральный директор? Ты – директор? – По скулам забегали желваки. – Это правда?

– Да. Генералю потихоньку.

– Заводик, наверное, так себе, да, бичо?

Лицо Гуладзе странно исказилось. Пока ресторатор, не отрывая взгляд от визитки, пережевывал услышанное вместе с мясом, нервно подергивая верхним веком левого глаза, к столику подошла та самая брюнетка в стильном брючном костюме, что сидела с иностранцем. Извинившись, она обратилась:

– Андрей Вячеславович, только что звонили пилоты! Самолет готов к вылету. Машина за нами уже выехала.

Представив озадаченным супругам свою секретаршу, Андрей отпустил девушку.

– Ну, кажется, пора расставаться!

Глаза Гуладзе округлились, но веко продолжало прыгать.

– Тебе что, летчики лично докладывают о вылете?

– Это входит в обязанности моих пилотов, – деликатно отведя взгляд от отвисшей челюсти его супруги, Андрей отодвинулся от стола. – Тамаз, Елена! Я искренне рад вашим успехам! – повторил он. – Значит, Ярослав не зря...

– Слушай, не начинай! – перебил его грузин. – Глупо получилось, нелепо! Я бы все сам разрулил в той ситуации...

– Не думаю. Я все видел! Не думаю, что ваше спасение можно назвать глупым. – Достав из кармана фотографию, Андрей положил ее перед ним. – Это тебе! На память!

Старый снимок надолго приковал внимание Тамази.

– Помню этот день, – наконец выдавил он хрипло. Андрею показалось, что в его голосе появились теплые нотки. – Это мы в десятом классе. Уличный фотограф снял. Ходили раньше такие по дворам, помнишь?

– Помню.

Окаменевшее лицо Гуладзе немного потеплело, когда на заднем плане он увидел случайно попавшего в кадр Киреева-старшего.

– Кардиолог! всю жизнь сказки рассказывал, как его двигатели полетят в космос...

– И полетели-таки, представляешь? – Андрей почувствовал, как с души отлегает что-то необъяснимо тяжелое, что носил долгие годы. – Признаться, я, как и все, тоже не верил. Однажды мать Ярика нашла в гараже чертежи дяди Жоры и передала их мне. Помню, долго не мог разобраться в бесчисленных схемах, формулах, но что-то подсказывало, что где-то рядом важное открытие. Пришлось даже поступить в профильный институт. В общем, теперь с

помощью «ложек» Георгия Ивановича – так называется одна очень важная деталь на современных двигателях – ракеты и летают в космос. И не только ракеты, но и самолеты.

Подняв со стола визитку, Елена прочитала название компании:

– «Яранд»! И что это означает?

– Производное от наших имен, Ярослава и моего! – Глядя ей в глаза, Андрей чеканил слова, словно вбивал гвозди в доску. – Молодыми мы бываем нетерпимыми. Нам хочется получить от жизни все и сразу. Девушке, которую любил мой друг, всего-то надо было немного набраться терпения...

В сопровождении рослых телохранителей, все это время сидевших за столиком у выхода, он покинул чету Гуладзе, твердо зная, что их дороги больше никогда не пересекутся. Елена провожать не вышла...

...Вопреки предостережению мудрого Селима, Кахе Карцивадзе все же удалось уговорить Ярослава на поездку в горы. Старенький «Москвич», двигатель которого не раз перебирался умелыми руками Георгия Ивановича, не отставал от скоростного «жигуленка» даже тогда, когда закончился асфальт, и грунтовка повела их по горному серпантину к высокому перевалу.

Бурно проведенная минувшим вечером в ресторане вечеринка, сказала на самочувствии: хотелось спать. Не помогли даже две чашки крепкого кофе. Хлебнув из горла минералки, Тамази протянул бутылку Елене, но та, громко зевнув, отказалась.

– Скоро приедем? – поинтересовалась девушка. – Зря я поехала с вами. Лучше бы дома осталась, выспалась.

– Где, у дяди? – Гуладзе выразительно глянул на невесту. – Разве он не хотел отправить тебя назад, в Ленинград?

– Да ну его! – Елена прильнула к возлюбленному, закрыла глаза. – Давай о чем-нибудь хорошем!

Чувствуя тепло упругой девичьей груди, Тамази на минуту задумался, представив, как переберется в Ленинград, где сможет развернуться, жить широко и свободно...

– Ну, скоро уже? – прервала его мечты девушка.

Охваченный страстным порывом, он притянул ее голову, впился в сочные, припухлые после любовной ночи губы, затем быстро отстранился и резко нажал на газ.

– Держись, уже недолго!

Отбрасывая колесами далеко назад щебенку, «Жигули» заметно ускорились. Спасая передок своего автомобиля, Ярослав сбросил скорость. Пребывая в приподнятом настроении в предвкушении славного кутежа, Каха Карцивадзе обеспокоился:

– Э, он что, с ума сошел, что ли? Так можно и в пропасть слететь!

Всякий раз после дождя горную дорогу размывало грязевыми потоками, ниспадающими со склонов, отчего она вся была в рытвинах. Объезжая выступающие из земли острые скальные камни, Ярослав крепче вцепился в руль:

– Что творишь?! Порвет днище – беда будет!

– Ничего, Важа своему балбесу новую машину купит! Ярик, давай хоть ты не гони, ва! Меня дома ждут! – занервничал Каха после очередного поворота, когда их машину резко бросило в сторону.

– Между прочим, я еще женщину не познал! – мертвой хваткой вцепившись в дверную ручку, че-

рез силу пытался шутить сидевший рядом с Кахой их товарищ, Бадри Ломидзе. – Не в кайф умирать девственником! Ты как, Андрюха, женщину любил?..

Оставив позади перевал, автомобиль Тамази на короткое время пропал из виду. Ярослав крепче вжался в сиденье. Ловко маневрируя между рытвинами, он до упора вдавил педаль газа в пол, продолжая беспрерывно подавать клаксоном тревожные сигналы.

– Черт с машиной, Ленку бы не угробил! – с трудом вписавшись в очередной поворот, крикнул он, побледнев.

Сзади в один голос истошно завопили Каха с Бадри. Заметив на дороге змейкой сверкнувшую в лучах солнца тонкую маслянистую полоску, Ярослав испугался, предположив у несущегося впереди автомобиля повреждение тормозной системы. В этом случае более опытный водитель сумел бы уменьшить скорость за счет переключения скоростей, но младший Гуладзе этого приема мог не знать. Резко притормозив, Ярослав коротко бросил:

– Всем из машины, быстро!..

Еще не догадываясь, что произошло, Каха открыл дверцу. Последним, уже на ходу, выпрыгнул Андрей, больно ударившись плечом о бровку дороги. Не оглядываясь, он взбежал на невысокую скалу, откуда открывались отдельные участки дороги, серпантинном сбегавшей далеко вниз через буковый лес. Андрей видел, как Тамази тщетно пытался остановить потерявший управление автомобиль. Как распахнул дверцу со своей стороны, явно собираясь покинуть салон. В последний момент он все же попытался поставить машину поперек дороги.

Это было ошибкой. На такой скорости «Жигули» могло перевернуть и выбросить в глубокую пропасть, тянущуюся справа от дороги. Единственным спасением оставалась скальная стена слева, притершись к которой, можно было застопорить движение. Но для нового маневра у водителя уже не оставалось времени.

Последнее, что осталось в памяти Андрея, – вынырнувший из-за поворота «Москвич». Навалившись левым бортом, автомобиль намертво приковал «Жигули» к скале, сам же, проскользнув по инерции несколько метров вперед, сбил дорожный отбойник и медленно, словно в замедленной съемке, стал сползать в пропасть...

На похоронах Ярослава семья Гуладзе не присутствовала. Соседи знали: батоно Важа готовится к большой свадьбе сына. Отсутствовала и Елена. Оберегая девушку от всяческих разговоров, ее вместе с матерью, приехавшей на торжество дочери, будущие родственники забрали с собой в горы, куда друзья и приятели Тамази так и не добрались в тот злополучный день...

ОСЕННИЙ СТАВРОПОЛЬ

* * *

Я люблю эту осень,
прозрачную осень.

Я иду заповедной тропой
октября,

И душа моя чуда и радости
просит

И сияет, предчувствием
чуда горя.

Так тепло и легко, солнце б
удто забыло,

Что пора уходить, что зима
у ворот.

Я октябрьскую осень давно
полюбила,

И сейчас мое сердце лишь
этим живет.

Незаметной тропинкой,
под листьев шуршанье

Прохожу, легким воздухом
свежим дыша.

А в стихах я оставляю вам
воспоминанье –

Эту песню, что спела
в восторге душа.

АЛЛА МЕЛЬНИК-
ХАЛИМОНОВА

Поэзия

Сонет

Осенней сказкой мир заморожен,
Сверкающими теплыми лучами,
И небо ярко светится над нами,
Как в раннем детстве – предрассветный сон.

И легкий ветер то листвою крон
Невидимо играет, то кудрями,
И необычный колокольный звон
Звучит над ставропольскими холмами.

И в нашем городе семи ветров
Встречают праздник радостный – Покров.
Встречают и с молитвой, и с весельем

Дар Богоматери и дар Небес.
И в этот день всегда сверкает лес
Таинственной октябрьской акварелью.

* * *

Еще тепло, и день звенит свирелью.
Мир красок, звуков, белых облаков,
Не скованный созвучьями стихов,
Не замеченный сумрачной метелью,

Зовет отдаться праздному безделью,
Сбежать от этих суетных оков,
Полюбоваться Палехом и Гжелью
И написать ряд милых пустяков.

В глуши, вдали от искушений мира,
Поет кристальнее о вечном лира.
Природа музе – лучший камертон.

Но в этой сказке вдруг мелькнет сознание,
Что неизбежно всё же увяданье...
Цветам последним – низкий мой поклон.

* * *

Рассвет окрасил ярко небосклон,
И эти игры красок так красивы!
Звучат, как будто арфы переливы,
И радостно ложится яркий тон.

Так манит летом солнечный затон,
В который ветки опустили ивы.
И дети, веселы и шаловливы,
Резвятся, спорить с ними не резон.

Я помню, как-то в детстве, в октябре
Картинку: ранним утром во дворе
Склонилась мать над детской колыбелью.

А в ней – новорожденное дитя
Лежит, головкой милою вертя...
Октябрь поет легко пичужьей трелью.

* * *

Меня чарует, кружит каруселью
Искусство, без которого – ни дня.
Мой первый день весеннюю капелью
Ворвался в окна, радостно звеня.

Сосульки с крыш прозрачной карамелью
Висели, солнце яркое дразня.
Казался мир то чистою купелью,
То вдруг опасным был, как западня.

Он расставлял ловушки и лукавил,
Играл с тобою против всяких правил.
И лишь молитва, вера испокон

Веков людей хранили и спасали.
Пусть мир влечет и восхищают дали,
А дух незримо в тайну погружен.

* * *

Наверно, осень – лучшая пора,
Пора необъяснимых впечатлений,
Когда встаешь с рассветом и с утра
Живешь во власти радостных мгновений.

Пора итогов, правильных решений,
И мудрости, и силы, и добра,
Неведомых доселе вдохновений.
Во власти их – движения пера.

Не знаю, что же будет с нами дальше,
Но в этих строчках нет, поверь мне, фальши.
И так на протяжении времен,

Пока мы живы, это счастье длится
И озаряет дорогие лица.
Осенней сказкой мир заморожен...

* * *

Вновь моя душа о чуде просит,
Ранним утром с небом говоря.
И – подарком – золотая осень
Бродит по тропинкам октября.

Вся она – огонь и вдохновенье,
Дарит счастья поздние лучи,
Перед зимней стужей утешенье,
Звездочка, горящая в ночи.

Нет, не лето, не весна шальная,
Только осень – мудрости оплот.
Яркая краса ее земная
Радостью в душе моей живет.

Очень легким отголоском рая
Светится осенняя заря.
Всем желаю счастья и добра я,
Ранним утром с небом говоря.

* * *

Уходит август, лето уж прошло,
И утренней порой свежа прохлада
И вновь на сердце ясно и светло.
Подруга-осень, как тебе я рада.

Бесследно тает летняя жара,
И солнце жгучее ушло до срока.
Оно за тучки прячется с утра.
Мне утром так легко и одиноко.

Ушел земных привязанностей гнет.
Лишь взгляд один мне душу обогреет.
Пока она им радостно живет,
Весь мир вокруг становится добрее...

Осень

Шорох осенних листьев,
Шепот увядших трав.
Осень идет по-лиси,
Прячься в ветвях дубрав.

Золотом одевая
Кроны лесных берез,
Ласково напевает
Песню осенних грез.

Тонкие паутинки
В добрых ее руках.
Маленькие слезинки
Прячутся в облаках.

Тихо ее попросим:
«Дольше не уходи,
Мы ведь не знаем, осень,
Что же там впереди».

Град Креста

Град Креста, из века в век неси
Свет улыбок жителей своих.
Ты венчаешь южный край Руси,
Как всегда несуетлив и тих.

Ты живи надеждою святой
Тех, кто жизнь нелегкую прошел.
Окружи их, город, добротой,
Путь останний зыбок и тяжел.

Пусть ликуют улицы твои
И звенят от детских голосов,
Пожелай им счастья и любви,
Город в окружении лесов.

Веют ветры теплые, вольны,
А вокруг такая красота!
Наши души радости полны,
Будь же вечен, славный Град Креста!

Ветеранам Великой Отечественной

Я восхищаюсь вашим поколеньем,
Его геройством, силою большой,
Каким-то удивительным стремленьем
По правде жить и не кривить душой.

Его неистошимым оптимизмом
И страстью к одолению преград,
Его величьем и патриотизмом,
И скромностью, что выше всех наград.

Вы пережили много испытаний
И выстояли в страшную войну.
Не ожидая славы и признаний,
Вы из разрухи подняли страну.

И в День победы, в праздник всенародный,
Когда гремят салюты над Москвой,
Я верю: будет Родина свободной
И будет помнить подвиг боевой.

День Победы

В День Победы на сердце светлее
От улыбок и ярких цветов.
Ветераны идут по аллее,
И обнять ты любого готов.

День Победы великой России
Вспоминает минувшие дни:
И бомбежки, и пули шальные,
И салютов победных огни.

Вспоминает былые утраты,
Собирает друзей фронтовых,
А на смену приходят солдаты
Вновь стоять на постах боевых.

Нам сдаваться врагу не пристало.
Молим: «Боже, Россию храни!» –
Чтоб весеннее солнце сияло
Как в победные майские дни.

ТЕРСКАЯ КЛЯТВА¹

Роман

Часть вторая

1

Горе горькое, как пелось в старину, по свету шлялось и набрело на Пьяный курган. За неполный месяц с приходом оккупантов жизненный порядок сломался необратимо. Люд замкнулся в своих дворах. А появление на улице даже днем стало теперь для хуторян сопряжено со смертельной опасностью.

Во время налета на позиции красноармейцев враг снова сбросил «гостинцев». Одной бомбой разнесло курень Пустоваловых, родовых терских казаков. Погибла вся семья: георгиевский кавалер дед МIRON, его супружница Домна и маленькая внучка. Другими взрывами были повреждены стены еще двух домов. Осколком убило Феклу, родственницу Валентины Акименко, и легко ранило в руку деда Бобруся, рвавшего в саду орехи.

¹ Продолжение. Начало романа в «ЛС» №1 2020.

ВЛАДИМИР
БУТЕНКО

Проза

Только успели похоронить, как новая напасть. Вместо саперного батальона, уехавшего со всем имуществом наводить понтонный мост у станции Наурской, в хутор прибыла для охраны штаба специальная рота, в которой имелся конный взвод. Эти откормленные фрицы, выбирая дома получше, в одночасье потеснили многие казачьи семьи. И стали во дворах своевольничать, как кому заблагорассудится! Во-первых, потребовали, чтобы «матки» хорошо кормили их утром и вечером. Во-вторых, обязали стирать форму и не причинять беспокойства в часы сна. А для этого убрать собак, отогнать в конец огорода всю, какая имеется, живность. В-третьих, – срочно соорудить отдельные туалеты.

О почтении к немецким освободителям напоминал, объезжая хутор на бедарке, Гаврила Шинкарев, назначенный старостой. Он был из терских казаков, прежде не выпячивался, работая в колхозе. А Савелию Кузьмичу доводился сватом, их дружбу скрепляли и общие внуки. Однако на этот раз Шинкарь, как называли его земляки, послушался бригадира, – бросив стадо молодняка, удрал с полудороги в Кизляр.

Именно этот ретивый служака, заметив щиток с чужестранным словом, приказал Луке Фомичу отбить.

– Я не петрю в ихнем языке, – цедил он сквозь зубы. – Начальник гарнизона лютует. А то, глядишь, за такое скосят мне голову, а пришить забудут...

Уже наутро двое охранников вместе со старостой и переводчицей явились к Грудневым. Оба рослые, длиннолицые, средних лет фрицы держались развязно, пялили на Ефросинью глаза. Всем поведением, – разболтанной походкой, сморканием, жестами, громкой речью – выказывали высокомерие и

превосходство. Они осмотрели дом и объявили, что жить будут вдвоем. Ухаживать за ними должна молодая хозяйка.

Когда Шинкарь и худосочная фрау ушли, профессор заговорил с солдатами по-немецки. И те сменили интонации, стали расспрашивать о Кавказе и казаках, есть ли поблизости партизаны. Калитаев отвечал, справляясь у Луки Фомича. Одного из них звали Михаэль, и он вел себя попроще. Второй, Герман, наоборот, говорил властно и грубо, а затем показал Ефросинье рукой, что хочет осмотреть сад и постройки. Подошедшего вместо нее старого казака он прогнал. «Сволочь! И тиф его не пугает, – обозленно подумала Ефросинья. – Что тебе показывать? Навоз коровий?»

Немец, как пингвин, ставя тупоносые ботинки носками врозь, поигрывая сломанной георгиной, прошелся по двору и саду. Свекор держался с Ефросиньей рядом. И снова постоялец что-то сердито залопотал. Затем снял френч, повесил на ветку сливы и повернулся к солнцу. От курьей, бледной, узкоплечей фигуры Ефросинью чуть не стошнило. «Завоеватель Кавказа» нежился на солнышке. А казачка, как раба, должна ждать. С реки долетал гомон. Служба у солдат, видимо, была легкой. Большинство из них купалось. Кто-то пьяненько и фальшиво тенорком подтягивал губной гармошке.

– Тетя Фрося, мы за грушами! – решительно заявил Иван, шагая по тропинке и придерживая на голове пустую корзину. За ним спешил Алик. Ефросинья догадалась, что ребята не хотели оставлять их вдвоем, и под таким предлогом пришли в сад. А фриц, увидев рослых мальчишек, разочарованно скривился, – не полагал, что у хозяйки взрослые

сыновья. И, отмахиваясь от мух-жигалок, почуввавших свежую кровушку, напялил форму. В знойной тиши млеял день. И таким забавным показалось неподалеку добродушное хрюканье. Немец, опершись руками о плетень, заглянул в огород тетки Василисы. Там, под кустом смородины, распростерлась дородная, всяма симпатичная чушка. Постоялец воскликнул, любуясь этой лопухой особой, и кинулся со двора на улицу.

Вскороности к дому соседки подкатил мотоцикл. Герман привез дружков. У одного из них, фельдфебеля, была веревка, у другого настоящая ногайка, изъятая у кого-то из казаков. Они расхлестнули ворота на всю ширину, и с ветерком вкатили на подворье. Тетка Василиса, крестясь, показалась на крыльце, за нею – белобородый супруг, дед Спиридон. Не обращая на них внимания, фрицы ринулись с охотничьим азартом на огород и подняли придремавшую хавронью. Рослый крепыш с приготовленной веревочной петлей и Герман зашли с двух сторон. Мордатый фельдфебель тигром кинулся на чушку, стараясь схватить за ногу и повалить. Такое бесцеремонное нападение вызвало у животного отпор. Она гребанула с места всеми четырьмя ногами и, протаранив заслон, торпедой полетела к лазу в конце огорода. Фельдфебель вскочил с унавоженной земли, держась за нос. Успела-таки дуреха приложиться своим раздвоенным копытцем...

Иван и Алик выбежали на край сада, следя за происходящим. Запоздало притопал на свой огород дед Спиридон. На истощенном его лице гневно горели глаза. Он шептал ругательства. Но вступать в открытую схватку с фрицами не позволяли силы...

Мародеры бросились догонять. Но отчаянная хавронья мощным ударом вынесла секцию плетня и помчалась с ней, как девица с кокошником, по луговине. Загоравшие немцы, увидев несущуюся свинью, встали живой оградой. Перед неожиданным препятствием хрюшка замерла как вкопанная. С ее загровка свалился тяжелый ивовый венец. Герман припустил к ней во всю прыть. Но не заметил копань и на всём бегу угодил в яму. Страшный его вопль еще больше напугал свинушку. Она разбежалась и с пронзительным визгом сиганула с кручи в реку. Немцы сыпанули вдогон. Сидевший на бронемашине парень веселей заиграл на губной гармошке, забавляясь заплывом солдат фюрера и свиньи, из которой хорошо бы приготовить жаркое по-баварски. Жаль, не захватил с собой фотоаппарат...

Но хавронья оказалась пловчихой шустрой. Она резала напрямик к острову, маяча приподнятым пяточком. Немцы ее догнали бы и завернули, если б не круговороты на середине Терека. Погоня оборвалась. Мальчишки ликовали, что хрюшка удрала. Довольна, по всему, осталась и сама хавронья. Она хлопала по взбаламученной воде мелководья треугольными ушами и не торопилась выбираться на бережок, где под дубами золотились желуди. Дескать, всему свое время...

Между тем постоялец Грудневых орал во всю глотку, и сослуживцы подняли его, на руках понесли к бронемашине. Гармонист запустил двигатель, и пострадавшего увезли. Радости у мальчишек снова прибавилось. И они прибежали во двор, обо всём рассказали Ефросинье, жарившей на печуре блины. Их громкие голоса привлекли Михаэля. Немец, зевая, вышел на крыльцо. Охлопал ладонями пухлую грудь,

с рыжей волосней, и потянул носом. Затем уставился на сложенные стопкой блины и воскликнул:

– Alles Gut!²

Не раздумывая, снял с рундука тарелку с лакомством и унес в дом. Ефросинья проводила его презрительным взглядом.

– А считаются культурной нацией...

– Тот фриц, что за свиньей гонялся, здорово пострадал, – заметил Иван. – Добегался, падаль базарная... Его простая чушка вырубил. А куда ему против красноармейцев?!

На следующее утро дед Спиридон и Лука Фомич конопатили и смолили старый каюк. За ремонтом лодки наблюдал профессор, но, потеряв интерес, присоединился к ребятам, вскапывающим огород. Спекшийся чернозем выворачивался глудками. Однообразная работа изрядно надоела мальчишкам. Они всё чаще останавливались. Во время передышки и заметили около плетня огромную, с оливковой узорчатой чешуей змею. Она была толщиной, пожалуй, с детскую руку. А голова – ложкой, с круглыми выпуклыми глазами. Как ни был Иван смел, а тут и он отступил.

– Олег Анисимович! К вам Змей Горыныч ползет! – крикнул он исполошенно и указал поднятой лопатой. – Возле забора!

Калитаев достал из толстовки и надел очки.

– О, кого я вижу! Его Величество – полоз каспийский. *Dolichophis caspius*. Уважаемые отроки, прошу не двигаться. Сие существо агрессивного нрава, и может пролететь по воздуху более двух

² Все отлично! (нем.).

метров. Но укус не страшен... Видите, гость решил не задерживаться на пустом огороде, и покидает его по-английски... Гуд бай! В селах его называют желтобрюхом. Вы заметили, что брюшко желтого окраса? Весьма полезен, уничтожает саранчу, мелких грызунов. Ни в коем случае нельзя убивать... Ну, милостивые государи, давайте мериться, кто больше вскопает?

Мальчишки, прежде относившиеся к профессору с насмешливостью (Иван даже хотел украсть серебряную цепочку от часов), сразу его зауважали.

– А знаете, чем обезьяны в Африке питаются? – на всякий случай, задал Иван свой каверзный вопрос.

Калитаев добродушно рассмеялся.

– Бывал на этом континенте в экспедиции еще в царское время. Изучал фауну. И, разумеется, видел собственными очами и обезьян, и крокодилов, и львов.

– Правда?

– Чистейшая! А знаете, чем обезьяны чистят шкуру? – в свою очередь озадачил профессор. И не дождавись ответа, пообещал вечером растолковать.

Неожиданно ко двору Грудневых подвернула стайка ребят. Иван и Алик, обрадованные возможностью улизнуть, вышли к ним. Через минуту Иван стал у Ефросиньи отпрашиваться:

– Пленных по хутору гонят. Пацаны хотят бросить им яблок и груш. Можно и мы пойдем?

– Только возьмите картошки. Как раз сварила.

После полудня старики испытали лодку и без проволочки переплыли на остров. Тетка Василиса дважды выходила к прорехе в заборе (надеялась,

что свинью отыщут), ждала, смотря из-под ладони на заречье. Потемнело. Наступил комендантский час. Стала волноваться и Ефросинья...

Вернулись старики лишь утром, угрюмые и молчаливые. По их словам, обшарили весь остров, но найти бедолагу не удалось. Видимо, волки задрали. Или укрылась в кустарниковых дебрях. Тетка Василиса затосковала, да что поделаешь...

Дня через три дед Спиридон и свекор вновь собрались попытать на острове удачу. На этот раз они прихватили с собой полмешка картошки и большую тыкву. Обнаружив это, Ефросинья крайне удивилась. Что-то здесь не так.

2

Начиная с 8-го сентября, когда за невыполнение директив был отстранен от командования группой армий «А» фельдмаршал Лист, единовластное руководство кавказской кампанией принял на себя Гитлер. Через свой передовой пункт Управления Ставки верховного главнокомандования («Meldkopf und Befelsübermittlungsstelle»), находившийся с конца августа в Ворошиловске (Ставрополе) фюрер следил за ходом боевых действий и отдавал приказы, – нередко один исключаящий другой.

Причиной этого в немалой степени была неприязнь друг к другу главы генштаба Кейтеля и начальника штаба оперативного руководства Иодля. Их интриги, тайное и явное соперничество вредило не только планированию долгосрочных операций, но мешало объективно оценить положение на отдельных участках Восточного фронта. 18-го сентября во время дневного доклада Кейтель стал убеждать Гитлера заменить Иодля. И для этого была

веская причина. Именно бывший его помощник, много возомнивший о себе, поддержал решение Листа и командующего 49-м горным корпусом Конрада отказаться от прорыва к морю вблизи Гудату и отвести главные силы корпуса на перевалы Кавказского хребта, что противоречило установке фюрера. Гитлер воспринял это с негодованием. Разразившись бранью в адрес Листа и Иодля за распыление танковых соединений, сосредоточенных на Тереке и направленных, главным образом, на Орджоникидзе, он продолжал с нарастающим гневом:

– Я указывал: решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и бросок к Каспийскому морю с тем, чтобы выйти к Баку. Я каждый день говорю здесь об этом, я убеждаю генерал-полковника Гальдера, и всё оказывается совершенно бесполезным. Иодль при сем присутствует. Итогом является то, что дело полностью провалилось. Иодль изменяет мои приказы по собственному усмотрению. Я требую, чтобы господа из моего штаба всеми средствами отстаивали только мою точку зрения!

Но молния пронеслась мимо Иодля. Зато полетела голова у начальника штаба сухопутных войск Гальдера. На этой же встрече Гитлеру сообщили о «кадровых мероприятиях»: уволено 117 генералов, в том числе 66 из действующей армии. Фюрер это приветствовал, он был одержим навязчивой идеей: назначать на должности командующих армиями и группами войск истинно отважных арийцев, способных безукоризненно выполнять его приказы. И тогда война с Советами будет выиграна в считанные месяцы.

Однако в действительности уже мало что зависело от «главнокомандующего» кавказской армии. Разорвать устоявшийся фронт длиной в полтысячи километров было немыслимо. Усиление одного оперативного направления за счет переброски подвижных соединений напрямую связано с ослаблением в такой же мере других позиций. И эти бреши, учитывая особенности горной и пересеченной местности, были опасны тем, что противник мог нанести сокрушительные удары, беря в тиски внезапного окружения целые дивизии. Стало быть, пока победой не завершилось сражение под Сталинградом, дополнительных войск взять неоткуда. Русские там дрались отчаянно, не позволяя форсировать Волгу, и танковой армии Гота приходилось нелегко. Нехватка сил чрезвычайно сдерживала наступательные действия на Кавказе! Гитлер запоздало раскаивался, что поверил безмозглым штабникам и отказался от своего первоначального плана летней кампании 1942-го года: единым ударом всех групп армий завоевать сперва Кавказ, а затем начать мощное наступление на южную Волгу. «Олухи» убедили его поменять очередность стратегических планов – и вот результат!

Сталин, напротив, считал соображения Генштаба и командования Закавказского фронта самыми важными. К началу октября положение на правом крыле его Северной группы значительно стабилизировалось. Битва у Эльхотовских ворот закончилась поражением танкистов Клейста, против которых насмерть стоял 11-й стрелковый гвардейский корпус. Значительную помощь в боях им оказывал 44-й дивизион «Катюш», уничтожавший танки с дальней дистанции. Войскам вермахта по-прежнему

му не удавалось сломать оборону северо-западнее станицы Ищерской и на терских переправах. Ко всему, появившиеся в красноармейских частях тяжелые танки КВ-1 начали успешно атаковать позиции 52-го армейского корпуса.

И наконец, вблизи Кизляра, от которого к Астрахани вела железнодорожная ветка, обеспечивающая доставку на «Большую землю» помощи союзников, держалось равновесие сил, не позволяющее развить активные действия ни одной из сторон. Однако Клейста и штабников гитлеровской Ставки крайне обеспокоило применение Советами в степных районах кавалерийских формирований и партизанских отрядов. Ночными рейдами они вносили дезорганизацию в действия тыловых служб, в селах дерзко атаковали немецкие гарнизоны, причиняя им значительный урон, захватывая пленных и оружие. Гитлер приказал Кейтелю немедленно задействовать в этом районе соединение Фельми, подчеркнув первостепенную задачу:

– Особому корпусу «Ф» выполнить важнейшую операцию – перерезать железную дорогу, идущую от Кизляра на север.

К середине октября корпус был переброшен железнодорожными составами из Сталино (Донецка) на ставропольскую землю, откуда походным порядком прибыл в район Буденновска и Ачикулака.

3

Борис Груднев находился на излечении более двух месяцев. В Лабинске, где располагался фронтовой госпиталь, бомбили нечасто, а главное, хорошо кормили. Сложнейшая операция, сделанная военными хирургами, поставила его на ноги, хотя полно-

стью не избавила от хромоты. Нашествие немецких войск на Кубань поторопило выписку пациентов, годных к службе. Груднева сначала «приговорила» комиссия к нестроевой. Выслушав заключение, он возразил с жесткой ноткой в голосе:

– Товарищ военврач первого ранга! Я здоров на сто процентов. Способен выполнять любые задания. Прошу не выдавать «белый билет»³. Для меня, казака, это хуже позора... Разрешите воевать. Я хочу бить фашистов!

Члены врачебной комиссии переглянулись. Входивший в ее состав капитан НКВД поддержал мужественного сержанта.

На пересыльном пункте Борис получил направление в сабельный эскадрон 17-го кубанского кавалерийского корпуса, отступающего к предгорьям Кавказа. В середине августа соединение генерал-майора Кириченко заняло оборону на подступах к Туапсе. По склонам лесистых сопек, вдоль горных перевалов протянулись окопы казаков, вставших перед немецкими и румынскими дивизиями. Кровопролитные бои не прекращались ни на сутки. Вначале кавалеристы, непривычные к горам, несли большие потери. Затем обрели опыт, освоились, стали уходить от лобовых столкновений с неприятелем, подготовленным к боям на такой местности, а использовать засады, обходы, внезапные штурмы. Немцы лихорадочно атаковали по всей линии соприкосновения, но чаще вблизи дорог. Спешенные конники, в сущности, ничем не отличались от пехотинцев. В первый месяц обороны на Туапсинском направлении, когда еще не прибыли

³ «Белый билет» – красноармейское удостоверение тыловика.

свежие стрелковые дивизии, использование корпуса было обоснованно и оправдано.

Между тем командующему Северной группой Масленникову, бывшему красному коннику, стало понятно, что гораздо эффективней применять кавалерийское соединение для рейдов по вражеским тылам. 25-го сентября он направил записку Военсовету Закавказского фронта о положительном опыте действий конницы в степной зоне на левом берегу Терека. В ней подчеркивалось: «Учитывая эту обстановку, считаю целесообразным 4-й Кавалерийский корпус использовать как рейдирующую конницу на первом этапе в районе Соломенское, Привольная, Советская, в последующем распространяясь на Моздок». Командование фронта приняло решение незамедлительно. Две донские дивизии были оставлены на своих горных позициях, а две кубанские – переброшены по железной дороге, и уже через три дня приступили к выгрузке у Гудермеса.

10-я казачья кавалерийская дивизия генерал-майора Миллерова, в которой служил теперь Борис, получивший повышение в звании, маршем двигалась к аулу Терекли-Мектеб по безжизненной ногайской степи. Куда ни посмотри – бескрайние пески с пожухлыми кустиками бурьяна. Иногда гнал восточный ветер стада колючих шаров перекати-поле, которые вдалеке напоминали бегущие отары. В барханах по ступицу вязли колеса пушек, автомашин и бричек, тягловые лошади, отощавшие и выбившиеся из сил, плелись серые от мыла. Прохладный «астраханец» нес песок, маревом зависавший в воздухе. А путь кавалеристов всё тянулся меж этих вековых холмиков-бурунов, «шаханов», как называли их абorigены, и казался бесконечным.

На третий день разъезд передового охранения, в котором находился и старший сержант Груднев, обнаружил отряд конников в форме и гражданской одежде. Старший лейтенант Антоненко приказал приготовиться к бою. Но тревога оказалась ложной. Командир партизан Попов, представившись, объяснил, что сведения о появлении отряда получены от своей разведгруппы, и направился навстречу, чтобы встретиться с кем-нибудь из командиров дивизии.

– Груднев! Ты говорил, что из здешних мест. Проводи земляков к начальнику штаба. Он в головной колонне, – приказал Антоненко, разворачивая лошадь так, чтобы ветер дул в спину. – А мы перекурим...

К полковнику, ехавшему на бричке, придирчивые охранники пропустили не сразу. Однако сам начальник дивизионного штаба очень обрадовался партизанам. На расспросы командира партизан он отвечал охотно и дружески:

– Секретарь крайкома Суслов, говорите, лично приезжал и благодарил вас? Вполне заслуженно. А мне рассказывали в штабе Северной группы, как вы в селе Величаевском тепленькими взяли старост округи. А немецкого коменданта из другого селения пленили. Большие молодцы! Будем воевать вместе. Наша дивизия получила задание оттянуть часть вражеских войск от Моздока. Более того, приказано начать операции без промедления, – полковник, морщась от мелькающей в воздухе мельчайшей пыли, посетовал. – Ну, и дорожка нам досталась... Третьи сутки в песке барахтаемся. Легкие, будто штыбом, забиты. Дышать нечем. Не понимаю, как здесь люди живут...

– Чем мы можем помочь? – с готовностью осведомился Попов.

– В первую очередь, Александр Николаевич, – лошадьми! Наши бедные «савраски» в артиллерийских упряжках валяются с ног. Уже было несколько таких случаев. Если есть возможность, – замените их свежими. А мы вам отдадим своих, – баш на баш. Авангарду дивизии необходимо к ночи прибыть на ферму совхоза «Червленые буруны».

– Задача понятна. Постараемся!

Рассыльные из партизан отправились в свои отряды. В степи, скрывая всадников, пластался туман, что помогло действовать скрытно. И вечером кубанскому корпусу было передано сто семьдесят четыре свежих упряжных лошади...

4

Профессор Калитаев в присутствии Ефросиньи становился оживлен, в нем воскресали давние куртуазные манеры. Подслеповатые глаза блестели, голос обретал звучность, а ум – изобретательность и остроту. Ефросинья к старому интеллигенту, скромному и совестливому, ответно испытывала уважение. С ним интересно было беседовать, внимать рассказам и советам. А их он надавал уйму! Фанатически любил профессор цветы, и без конца возился с ними, – то обрывал засохшие листья и поврежденные соцветья, то рыхлил и поливал, то прореживал и обрабатывал травяным настоем от вредителей. Затем усаживался на переносную скамейку и – любовался.

Вместе с ним хлопотала на клумбах Дина. Девочка за месяц подросла, похорошела, в руках появились ловкость и сила. Но больше всего удивила

она мальчишек тем, что научилась доить корову. Ефросинья вначале эту просьбу отвергала, а когда поранила руку, поневоле согласилась. Первый раз Буренка отдавала юной доильщице молоко неохотно, пальцы у девочки одеревенели, и ее вынужденно сменила хозяйка. На другой день дойка удалась, плавное и мерное движение согнутой ладонью – сверху вниз, стало получаться лучше. За одну неделю Дина освоила это непростое крестьянское дело.

Немцу-постояльцу Ефросинья подавала на стол к половине восьмого и он, позавтракав, уходил на службу. Возвращался вечером злым и голодным и требовал яичницы, помидоров и кувшин молока с пышкой. Уплетал всё это и, блаженно отдуваясь, садился курить на верхнюю ступеньку крыльца. С ним изредка заговаривал профессор. А в последние дни, как заметила Ефросинья, он почему-то стал с нетерпением ждать фрица. Заранее выходил к воротам, поглядывал на улицу. И беседы стали не только продолжительными, а превратились в попойки под виноградными лозами.

Лука Фомич почему-то перестал жалеть чихиря. Немец, чем больше пьянел, тем становился мягче и откровенней. Дойдя до определенной кондиции, расстегивал карман френча и вытаскивал портсигар, в котором хранил не сигареты, а фотографии. Он подносил их к лицам стариков и называл имена своей жены и детей. И Ефросинья догадалась, что фрау зовут Одри, а детей Мартин и Эмили. Потом начинал стучать по столу ложкой и в такт заводил одну и ту же развеселую песенку «Розамунде», которая, очевидно, имела какое-то отношение к его семье.

*Rosamunde, schenk mir dein Herz und sag ja!
Rosamunde frag doch nicht erst die Mama⁴, –*

горланил он, размахивая руками и призывая, чтобы ему подтягивали. Профессор мычал, а Лука Фомич, точно цыган, похлопывал одной рукой по колену, а другой подливал немцу в глиняный стакан. Изрядно нагружившегося Михаэля вели под руки в дом, укладывали спать.

Ежевечерние выпивки вывели Ефросинью из терпения, и она стала выговаривать свекру, когда остались наедине в саду.

– Вы что это, батя, немца возлюбили? Вино рекой льете. Песню на пару тянете. Может, скоро целоваться начнете?

Старый казак вспыхнул, затряс бородой.

– Ты что это, Фроська, в пузырь лезешь?! Ишо голос повышает, холера... На то есть причина! Ударит колокол – узнаешь.

– Колокол не сорока. Прямо стыдно за вас! Когда Боря воюет, с лютым врагом братаетесь...

Лука Фомич схватил ее за руку, потащил к плетню, оглядываясь. Она нехотя шла, смотрела с недоумением. Гневно раздувая ноздри, свекор зашептал скороговоркой:

– На то, повторяю, имею секрет... Задание нашего офицера. Горстка бойцов прячется в скиту. Наткнулись на них, когда свинью на пару шукали. Потому и плаваем туда-сюда. А чушку давно за милую душу красноармейцы съели...

Лука Фомич перевел дух и заговорил спокойней:

⁴ Розамунде, подари мне сердце и скажи «да»!

Розамунде, только не спрашивай сначала маму (нем.).

– У фрица нашего, как наклюкается, недержание слов. Мелет почем зря. Вот и выпытывает у него Анисимович. Всё записывает на бумажке, а мы со Спиридоном отвозим тому командиру.

– То-то я подозревала. И долго будет амбар открыт? Нам с детьми зиму пережить надо!

Лука Фомич досадливо отмахнулся и засеменил к омшанику. Вот, оказывается, в чем дело. Ефросинья встревожилась: а если стариков выследит староста? Беды не оберешься... Но и красноармейцев не бросишь. Каждый день в оккупации приносит неприятности. И сколько терпеть – неведомо. Убрав за фрицем постель, она устроилась за надворным столом, в тени кизила, и принялась штопать выстиранные рубашки мальчишек.

Профессор после долгих попыток поймать на лугу редкую бабочку вернулся во двор, помахивая, как теннисной ракеткой, самодельным сачком. Питерек стеснялся просить людей, давших ему кров. Ждал покорно, пока пригласят за стол. Ефросинья попыталась по его лицу угадать: действительно ли занимался своей причудой или наблюдал за немцами? Но морщинистое чело ученого оставалось задумчивым и одухотворенным. Она выставила на стол тарелку с оладьями и крынку молока. Профессор благодарно принял ее приглашение.

– Позвольте, богиня Терека, вкушать вблизи вас, – изрек он с улыбкой, снимая помятую панаму и вешая ее на спинку стула. – А где мои оруженосцы?

– Пошли за шиповником.

– Похвально. Еще в начале века никто не знал, как избавиться от цинги или скорбута. Но венгр Сент-Дьерди открыл вещество, способное лечить эту болезнь. И назвал его аскорбиновой кислотой.

И представление о фармакологии значительно расширилось. Я не говорю о сульфидине и пенициллине, совершивших в медицине революцию! Однако мы – дети природы. Поэтому она незримо и постоянно заботится о нас. Ягоды шиповника, милейшая Ефросинья, богаты аскорбинкой. Доказано, что она придает организму энергию, помогает быстрее выздороветь...

Профессор остановился и беспокойно посмотрел на хозяйку.

– Увлёкся, виноват, – и взял в руки нож и вилку.

Валентина Акименко мимоходом завернула к Грудневым и, как всегда куда-то торопясь, вызвала подружку к калитке. Неунывающая прежде казачка, у которой жили три фрица, заметно подурнела, под глазами от усталости темнели круги.

– Слышала новость? Штаб немецкий уехал, и рота снимается. Мне Наташка рассказала. У ее сестры Нинки командир квартирует, гад еще тот. Приказал собрать на солдатские проводы в клубе молодых баб. Ему полицаи списочек составил. Ты на первом месте...

– Откуда тебе известно? – неприятно удивилась Ефросинья.

– Нинка видела! И говорит, еще пригрозил, кто не явится, под арестом приведут.

– Пойдешь?

– Боюсь без памяти! А ты?

– Ни за что!

– На удар собака только злей кидается... Ох, Фрося, меня замучили аггелы! То жарь, то вари, то блины пеки, то подштанники вонючие стирай. Да когда ж они, проклятушие, нажрутся?! Всех кур порезала, дочки недоедают и я с ними... Повезло вам, что всего один живет.

– А приемыши? Еще и ленинградский ученый. Закрома на исходе, – пожаловалась Ефросинья. – Коммуной живем... Спасибо, что предупредила. Давай укроемся куда-нибудь! Или пойдем в Галюгаевскую, к тетке Бориной, – предложила Ефросинья. – Надо скрыться!

– Ага, попробуй... Много тебе лысина помогла? Они не на голову смотрят, а на... – грубо сказала Валентина и всплакнула. – Помнишь, как сидели мы, три дурочки, и рассуждали про жизнь? А всё обернулось хуже некуда...

5

Дети принесли полмешка оранжевых и плотных, как пули, ягод шиповника. Пока Ефросинья обрабатывала зеленкой их исцарапанные ладони, рассказали, что в балке видели коня под седлом. Владелец его за три часа так и не объявился. Вероятно, вороной жеребец с прозвездью на лбу бродячий. Пробовали к нему приблизиться, но не подпустил. У Луки Фомича, терского казака, затомила душа. Он насыпал в наволочку овса, отломил полпышки, захватил морковину и велел мальчишкам вести его, показывать, где скакун.

Моросило. С начала октября наступила непогода. Ночами ложился туман, путался с гривастыми деревьями, до зари зависал на них клочьями. И теперь ветер овевал пряной сыростью. Стлался под ногами мокрый бурьян. Уже в разлете балки, издали заметили они этого рослого жеребца, понуро стоящего с поднятой головой.

– Кось, кось! – закричал и зачмокал губами Лука Фомич, убыстряя шаг и приплясывая от нетерпения. – Ко мне, чубарый! Тебе одному в степи делать

нечего, пошли домой... Вижу, тоскуешь. Али пить хочешь... Я тебя и покормлю, и напою, и в стойло поставлю, друг сердечный...

Мальчишки хмыкали, им было смешно наблюдать за стариком: как разговаривает с конем за полкилометра (будто тот понимает), козлит по склону, протягивая руку с куском пышки. Меж тем вороной, прядая ушами, прислушался. Лука Фомич на ходу приказал:

– Дальше не идите! Я сам...

Иван скептически глянул на Алика. Тот пожал плечами, дескать, напрасно только тащились. И достал из кармана хозяйской фуфайки, обвисшей на плечах, яблоко, раскусил его и половинку протянул приятелю. Тугая мякоть захрустела на зубах, как морозный снег.

Старик скользил по траве, бормоча что-то. Мальчишки догадались, что он как бы привораживает к себе коня. Не прошло и пяти минут, как вороной, заржав, переступил передними ногами и двинулся казаку навстречу. Опытный лошатник первым делом побаловал вороного пышкой, потом – морковиной. И лишь после этого подхватил свисающий повод. Погладил свободной рукой по шее, осмотрел, как затянута подпруга и укреплены стремяна. Запустил руку в переметную суму, пошарил в ней, но ничего не нашел. Вороной косил глазом, надеясь на новое лакомство. Но Лука Фомич, опершись левой ногой на стремя, ловко вскочил в седло. Жеребец взял с места, шархнул, взбрыкнул, но, почуяв властную руку, пошел тише. Лука Фомич, проезжая мимо мальчишек, напомнил:

– Кто алалакал⁵, – не подпустит? Обращенью с лошадью меня с пеленок учили. Конь нутром понимает терца!

– А покататься дадите? – с надеждой спросил Иван.

– На коне не катаются, – он тебе не ишак! На нем сидят, скачут и воюют! – сурово поправил Лука Фомич. – Погляжу на ваше поведенье. И на то, как будете за ним ухаживать...

Неожиданно он оборвал речь. С высоты лошади стали видны под горой, в овраге лежащие мертвые женщины. Вероятно, их наспех сбросили с борта грузовика. Старик насчитал пятерых и, меняясь в лице, ругнулся.

– Мать честна! Как с бабами расправились... Нехристи треклятые! Ну, оприходовали, а зачем убивать?!

Он подъехал, тревожась: может, хуторянки? Но нет, скорей всего, это были связистки или медички из захваченной в плен части. На них осталась рвань гимнастерок и юбок. Тлен тронул лица с оскаленными зубами и обнаженные ноги в синюшных кровоподтеках. Над землей копился тяжелый запах разложения. Он сдернул фуражку и от острой жалости к этим безвестно погибшим, истерзанным молодущкам, чьим-то дочерям и женам, заплакал. Сколько же боли снесли они от извергов, сколько страшных мук! И о чем думали и молили бога, когда поняли, что уходят из жизни...

Лука Фомич на рысях догнал мальчишек. Он решил завтра же со стариками предать мучениц земле, как прежде зарыли они погибших на бере-

⁵ Алалакать (тер. каз.) – нести вздор. Чепуху.

гу красноармейцев. Пришлось воевать ему на Первой мировой с турками, затем – с дашнаками, гонял остатки банд из Дикой дивизии в рядах ЧОНа. Много повидал, смолоду не выносил расправ с женщинами и детьми, а с годами стал еще жалче и строже чтить божьи заповеди...

Казачьей удали с детства набрался Лука от деда Панкрата Гавриловича, отличившегося в Кавказской войне. Этот отчаянный красавец ни в чем не уступал ни кабардинцам, ни чеченцам. На полном скаку мог вскинуться в седле и встать в полный рост, завалиться набок, удерживаясь одной ногой в стремях. Стрелял с двух рук одинаково метко, а шашкой однажды на спор, будучи в подпитии, срубил на лету бабочку. По старости лет бородач даже не помнил точно, сколько раз был ранен в сражениях и стычках. Рассказывал про былое от случая к случаю. Со слов деда узнал Лука и о своей бабке, и о том, как Грудневы оказались в Пьяном кургане.

Бабука Амина была дочерью кабардинского узденя. Увидев ее в ауле, Панкрат потерял рассудок, подкупил одного из охранников и учинил похищение. Неласковую красавицу увез и спрятал дома, в станице Стодеревской. Таких примеров было тогда множество, – горцы брали в жены казачек, терцы – горянок. Но родители, старoverы, отказались пускать иноверку в православное жилище. И первое время жила невольница в сарае. Старший брат деда служил в станице Старогладковской. Рассказал он своему приятелю о незадаче с женитьбой браташа⁶. А тот, конокрад, пьяница и охотник, по

⁶ Браташ (южн. каз.) – младший брат.

имени Епишка, поведал об этом молодому барину, у которого прислуживал. Чудная фамилия была у гамсела⁷, – Толстой, а еще смешней имя – Лев. Этот вольноопределяющийся, удивленный поступком влюбленного терца, великодушно пожаловал ему двести целковых для обзаведения собственным домом.

Станичный атаман не препятствовал казаку отделиться от отца и съехать на хутор, где продавалась хата. Но строго-настрога потребовал, чтобы кабардинка покрестилась и была с ним обвенчана. Вначале в хуторе к новоселам присматривались, досужие соседи чурались Амины. Через год родился Фома, за ним Матрена и Елена. А гордая дочь узденя по-прежнему отказывалась отречься от магометанства.

Хуторские старейшины взбунтовались. Они пришли к Панкрату и поставили ультиматум: либо иноверка, с которой он состоял в блудном грехе, примет православие, либо должна покинуть станицу. Панкрат, у которого до срока серебрились виски, выслушал спокойно. Ответ пообещал дать на следующий день. А утром попросил соседку Глафиру присмотреть за детьми, пока отлучится в Кабарду с женой, согласившейся креститься, если получит разрешение отца и муллы.

Домой они больше не вернулись. Попытка атамана разузнать о судьбе казака Груднева через штаб пехотного полка, стоявшего в станице, и через Терское войсковое управление, но бесполезно. Что случилось с Панкратом, так никто и не знал. Дети пропавшего казака пошли по рукам. Малолетним

⁷ Гамсел (тер.) – неказак, русский.

сестрам приемные родители дали свои фамилии. А тетка Глафира, оставившая у себя Фому, была вдовой и, как позже призналась, полюбовницей Панкрата. Зачем же менять фамилию любимого человека?

Фома уродился в отца, рос гамазой⁸ и лошадиным, только был еще красивей, выше ростом и хитрей. Атаман станичного правления, которому подчинялись казаки Пьяного кургана, сразу приметил сына своего дружка, сгинувшего безвестно. Он назначил Фому казачком и оруженосцем, обязанным присутствовать на советах и кругах, положил ему жалованье. И не ошибся, парень оказался исполнительным и смелым. Приглашался Фома и в особняк хорунжего, где коротал часы с Дуней, атаманской носатой дочерью. Она громко смеялась, румянилась и быстро-быстро, как белка, щелкала тыквенные семечки. При появлении Фомы жеманно поводила плечами и томно вздыхала. А мать белобрысой Дуняши прикармливала гостечка ухой из осетрины, грибным пирогом и мятными пряниками. Хоть и нищевод, зато виден собой и сообразителен. Можно брать в зятя. А там – обтешется...

Фома делал вид, что не замечает готовящуюся западню. Усердствовал в казачьей службе, постигал словесность, историю и арифметику у доброго учителя церковно-приходской школы. И довольно успешно освоил грамоту! Атаман загорелся идеей направить его в офицерскую школу. Но началась балканская война с турками, и Фома отправился с терским полком в Болгарию. В бою под Плевеном за храбрость был пожалован первым Георгиевским

⁸ Гамаза (тер.) – непоседа, озорник.

крестом, получил звание вахмистра. Еще через месяц – за пленение взводом Груднева турецкого паши – генерал Скобелев наградил его вторым Георгиевским крестом. Уже стал близок офицерский чин, но осколок турецкого снаряда оторвал ему левую руку...

Двадцатитрехлетним инвалидом вернулся Фома домой и... встретился с отцом. Они долго стояли, обнявшись, молча, не сдерживая слез. И одного, и другого дразнила жизнь славой и богатством, оба прослыли удалцами и справедливыми людьми, не способными на предательство. И оба глотка не отхлебнули достойного их, долгожданного счастья...

Оказалось, Амину и похитителя ее упорно искали родственники. И приезд их в аул был столь неожидан, что братья при появлении Панкрата не решились убить его сразу же, как требует закон кровной мести. Злоумышленника, говорившего на языке жены, только разоружили. Хмурый уздень, услышав, с какой целью приехала дочь, смягчился сердцем. Она не предала свою веру, не нарушила вековых народных традиций, почитая отца и мать. В том, что увезли силой, никакой ее вины не было. Суровое наказание за это тогда понесли охранники.

– Решай сама, – в раздумье произнес отец. – Ты стала матерью. И, как позволяет обычай, имеешь на это право.

– Я хочу остаться в ауле. А детей забрать, – твердо заявила Амина, взволнованная встречей с родными. – Больше не могу жить на чужбине.

Панкрат от признания жены растерялся. Только усилием воли сдержал гнев и попытался посмотреть изменнице в глаза, но Амина отвела их в сторону.

– Я приехал вдвоем, а уеду один. И детей не отдам! – сурово объявил Панкрат. – Они крещены. На том разговор и покончим!

– Нет, погоди! – воскликнул князь и, свирепея, швырнул под ноги агатовые четки. – Ты нарушил закон гор. Прежде чем воровать невесту, джигит обязан заплатить калым.

– От меня ты ничего не дождешься! – усмехнулся ему в лицо Панкрат.

К необузданному терцу, выхватив кинжалы, кинулись братья Амины, но уздень остановил их движением руки.

– Я у тебя, казак, и не собирался просить! Калым ты мне отработаешь. Будешь пасти овец, пока не станет голова белее снега! А дочь мою видишь в последний раз... И запомни – ты мой кровник. И не вздумай убежать... – угрожающе заключил хозяин.

Без малого двадцать лет, заточенный на обрывистом высокогорье, таскал Панкрат тяжелую колоду. В погожие осенние дни он подолгу вглядывался в недосыгаемые родные дали. Шло время. Погиб уздень, умерла Амина, а его все держали на пастбище. Помог, вняв его слезной просьбе, немец-ученый, исследовавший с экспедицией кавказскую природу. Он выкупил седовласого раба за безделушку – перочинный ножик.

Дед Панкрат дожил до революции и, как ярый сторонник царского режима, был расстрелян большевиками в девяносто два года. Выступил против рассказывания и отец, вскоре умерший от сердечного приступа. А молодой Лука понял жизнь по-иному. Поддержал суливших люду счастье, досужих на речи большевиков, воевал за них и утверждал в округе советскую власть. Она, думалось ему, откована на века...

6

Под вечер к Грудневым заскочил полицай и приказал, чтобы завтра Ефросинья пришла на гулянье в школу, на которое ее и других молодяек приглашает немецкий офицер. А следом за ним заявился совершенно пьяный Михаэль и, позабыв приличие, стал приставать к молодой хозяйке. На увещевания профессора лишь вызывающе грубил. Лука Фомич поспешил налить ему стакан чихиря, подмешав самогону. Немчура выцедил всё без остатка, еще сильнее закачался и грянул «Розамунде». Песня угомонила и... убаюкала его. Старики довели фрица до кровати, и тот моментально затрубил носом.

Заосеняло до времени, не кончались угрюмые октябрьские дожди. Ефросинья ночевала с детьми в доме тетки Василисы, в котором протапливали. И теперь пора было на ночлег, – она отвела детей и вернулась. Профессор, оседлав нос очками, строчил карандашом по обрывку тетрадного листа. Возбужденный свекор передал Ефросинье главное: охранники перепились в стельку. И дрыхнут в школе, не выставив постовых ни возле казармы, ни у коновязи.

Луке Фомичу загорелось сообщить командиру. Тот не раз повторял, что ожидает момента, чтобы врасплох атаковать немцев. Дорога была каждая минута. Взяв у «Анисимыча» донесение, свекор собрался, сверху надел плащ и заспешил за лодкой к соседу. Ефросинья вызвалась ему помочь.

В ночном дворе встретили их сырой холод и наскоки ветра. Дождинки кучно постегивали по лицу. На копаном огороде на подошвы сапог налипала грязь.

– Батя, я поплыву с вами, – решительно сказала Ефросинья. – Оставаться в хуторе мне нельзя.

– Лодка еле живая. Одно дело если я, старик, утопну, а другое – если ты, молодая. Вон сколько на мне тяжести! Только перевернись... Сплаваю сам, передам капитану всё, как есть. А коль он откажется нападать, то переправишься одна.

Ефросинья помогла свекру донести лодку до берега. Светлеющей полоской отделялась от края земли бегущая с переплеском стремнина. Крепко пахло мокрой глиной, камышом, холодил щеки туман. Тревожило смутно проступившее перед глазами водное пространство, как будто не имеющее границ. Свекор с кряхтеньем ступил в каюк, сел на лавку и жердиной оттолкнулся от твердого дна. Лодка разгонисто ушла в темноту, и вскоре послышалось, как захлюпали работающие весла.

Ефросинья неторопливо поплелась домой. Сменив фуфайку на шушун, сапоги – на валенки, она оставила только нижний платок и прилегла на топчан в нахолонувшей летней кухне. Отрывисто чеканил секунды будильник. Просеивной дождь не унимался. Точно стая птиц постукивала клювами по оконному стеклу. Шумел во дворе своей металлической листвой старый кизил. Ефросинья прикинула, где сейчас свекор, добрался ли до скита или бредет по лесу. Вот до чего дожили, – нет покоя ни дома, ни на улице, ни на реке. Как всё поменялось! Муж на фронте, сынишка – в Пятигорске, и тоже неизвестно, как он там. Тоска по ребенку доводила до слез. А ненависть к чужеземцам, к их презрительно окаменелым лицам – к проклятым захватчикам – с каждым днем тяжелела в ее душе!

Она была внучкой терского казака Уварова, служившего в конвое Его Императорского величества. На фотографии в резной рамке, висевшей справа от божницы, была запечатлена группа терцев с Николаем II, позади которой стоит статный красавец Митрофан. И всякий раз, когда дед молился, заодно и покойному государю отвешивал поклон.

Гражданскую войну и своего погибшего отца Ефросинья почти не помнила. Мать, бабушка Матрена и дед-белогвардеец, отсидевший в грозненской тюрьме два года, растили и воспитывали ее втроем. Да еще приезжал из Георгиевска в гости дядя Петро с сыном Лешкой, драчуном и сорви-головой. Властный дед относился к младшему сыну, воевавшему за большевиков, неприветливо, а внука, если обижал Фросю, порол ремнем. Митрофан Антонович, служивший в Санкт-Петербурге, нахватавшийся там мудреных словечек, знал себе цену и держался несколько высокомерно, с грубоватой прямоотой. Однажды из-за этого чуть не попал второй раз в тюрьму, вступив в пререкания с милиционером, требовавшим снять казачью фуражку. Тот случай образумил его и заставил остерегаться, но никак не изменил отношения к комиссарам. Бывший терский урядник свирепел при упоминании о них, сломавших и его судьбу, и всего казачества. Пчелы да лошадь стали ему теперь в жизни и заботой, и утешением. Бабушка и мама, обе работающие и общительные, упряму редко возражали, но при необходимости поступали по-своему. Единственной слабостью старика была внучка. Маленькой он катал ее на шее, баловал конфетами и леденцами; когда пошла в школу,

стал учить верховой езде и обращению с лошастью. В старших классах оберегал любимицу от домашних хлопот, – «нехай науки постигает» – и девочка радовала его отличными оценками. Между ними установились отношения полного доверия, – видимо, сказалась казачья кровь. Ефросинья любила дедушку не меньше, чем он ее, свою единственную внучку. Ее желание учиться в педучилище воспринял одобрительно, потому что уважал культурных людей. Однако норов казачьего урядника с годами не ослабевал. И когда Борис заговорил с ней о свадьбе, очень боялась, что жених может деду не понравиться. И действительно, при знакомстве рассматривал он Бориса долго и пытливо, задавал все возможные вопросы, стараясь понять, сколько в нем настоящего казачьего и что за человек. Из-за стола встал и ушел, ничего не сказав. И во второй раз Митрофан Антонович воздержался от ответа. И лишь накануне сватанья, проговорил рассудительно, хотя в голосе чувствовалась грусть:

– Борька – казак истовый. Только зачем тебя, образованную, увозит в волчий край? Здесь бы корни пускали, жили суместно⁹. А работы в Пятигорске на всех хватает! Другой жизни я для тебя, внученька, хотел. Сказать по культурному – светской, то есть богатой, городской и при электрическом свете. Так у царских особ было принято...

На свадьбе вел он себя мирно, не командовал, как обычно, и не раскалывал на потеху гостям зычным басом стаканы, а только поддерживал тосты, задумчиво молчал и вытирал время от времени влажные глаза красным носовым платком. С того

⁹ Суместно (тер.) – вместе.

дня относился он к Ефросинье сдержанно, с непонятным сочувствием, вероятно, тая в сердце грусть стариковской несбывшейся мечты...

Ефросинье стало холодно, и она вскинулась с топчана. Чиркнула спичкой – часы показывали начало второго ночи. Она торопливо собралась и вышла. Ветер стал еще холодней. Небо расчищалось, – над Тереком появились угольки звезд. Не зная, куда идти, Ефросинья постояла во дворе и повернула к реке. Неожиданно расслышала голоса на базу, где под навесом стоял пойманный конь. Она, скрываясь за омшаником, подошла ближе. Свекор перед кем-то не иначе оправдывался!

– Откуда я мог знать? Бегает вороной, ржет без памяти! Жалко стало, вот и забрал.

– А я гадаю: куда делся? Из одного котелка, бывало, кашу ели. Приучил к пулям и взрываю...

Ефросинья вышла к навесу, разглядела в темноте фигуры.

– Не спишь? – удивился Лука Фомич. – Тут родич твой объявился. А ну, угадай, кто?

– Здорово, сеструха! – с присущей ему развязностью приветствовал Алексей, и Ефросинья, узнав двоюродного брата, ахнула – ведь несколько минут назад вспоминала о нем.

– Здравствуй, Леша! Как ты меня нашел?

– По нюху. Подуло ветром – ага, тут Фроська живет. А если серьезно... Я из партизанского отряда. Был на острове, у бойцов. Их посыльный добрался до Кизляра. Вот и направили меня. А с Фомичом в скиту встретились. Разговорились, оказалось, – Тимку моего своровал. Вот, забираю!

– Ну, седлай, а я бойцов встрену, – оборвал Лука Фомич. – Должно, все переправились.

Ефросинья успела переброситься с братом всего несколькими фразами. Он спешно готовил коня, и в это время на улице показался малочисленный отряд, к которому присоединился свекор. Вскоре Алексей вывел жеребца со двора и пустился следом.

У закрытых ворот она задержалась, вся обратившись в слух. Край платка отдувал ветер, мешая слушать. Шумели кругом, не умолкая, деревья. А за домами, где находилась школа, превращенная немцами в казарму, по-прежнему стыла тишина.

Ее раскололи треск выстрелов и заполошная скороговорка автоматных очередей. Трижды, с небольшими паузами взорвались гранаты. И поняв, что начался бой, она обмерла. Немцы сопротивлялись и, вероятно, не были такими хмельными, как расписал болтливый Михаэль. Вне себя от волнения Ефросинья заметалась по двору, ругая свекра за то, что торчит там, точно на погибель.

В ту минуту, когда терпение Ефросиньи было уже на исходе, наконец послышались торопливые шаги. Разглядев у ворот фигуру снохи, Лука Фомич возбужденно сообщил:

– Упокоили немцев! Коней захватили бойцы и ждут Лешку за хутором, а он зараз прискачет, поднимет нашего фрица.

– И чего вы там делали, спрашивается? Что с ногой?

– Да бег на радости, осклизнулся.

Послышался перестук копыт. Алексей и рослый красноармеец осадил коней у плетня, спешили. Лука Фомич принял у них поводья. Брат, достав пистолет, поторопил Ефросинью:

– Веди. Покажешь, в какой комнате фриц...

Вошли в дом. Из горницы потянуло теплом и древесной золой. Профессор, спавший в передней комнате, оторопело сел на кровати. Луч фонарика пробежав по его лицу, по стенам, нашарил вход в спальню. Боец с автоматом остался у двери. А Лешка криком поднял немца на ноги, вытолкнул в комнату. Тот шел как деревянный с поднятыми руками, спьяну трудно соображая. В нижней рубашке и подштанниках, босоногим, его повели к реке...

Полчаса спустя втроем сидели в горнице, у потрескивающей жаркими дровами печи. Профессор держал правую ладонь на груди, стараясь унять сердечный приступ. Лука Фомич потягивал из эмалированной кружки чихирь. Ефросинья сушила платки, повесив их на выдвинутую вьюшку. Комнату тускло освещал огонек жирника, – фитиля, смоченного постным маслом.

– Лошадей добрячих у немцев добыли, – рассуждал взбодрившийся свекор. – Доскачут хлопцы до партизан вихрем. Я сразу понял: капитан Ивенский – смельчак. Подобающий офицер! Когда со Спиридоном завели с ними дружбу, я со всеми познакомился. Фершал у них – баба, злая, но умная. Старший лейтенант тоже храбрый. А один, гляжу, в немилости. Жердяй, до потолка достанет. Рыжий и ехидный, по фамилии Калатушин. Заговорил как-то с ним, а он нос воротит. Расспросил у ребят. Сбежал он с поля боя и случайно набрел на свою же часть. Да. Потом не стало его видно на острове. И сегодня узнал, что хотел удрать, немцам сдать. Украл пистолет, до Терека добежал и поплыл уже. А его постовой с карабина снял. Если пакостный человек, то никогда не изменится, – с неприязнью сказал Лука Фомич и наклонился к профессору. – Милче-

ловек, выпей чихиря. Он человеку с рождения до тризны – первый друг и утешитель. Главное – знать меру. Так и в науке доказано. Я в газетке читал про пользу вина. Плеснуть?

– Мне налейте, – неожиданно попросила Ефросинья. – На самом деле, душа в золу спеклась...

7

Командир 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса Кириченко в штабе фронта имел неоднозначную репутацию. Никто не сомневался в его полководческом опыте и требовательности к подчиненным. Помнили отвагу его казаков в сражении под Куцевской, героическое стояние корпуса на Хадыженских перевалах. Однако далеко не всем были приемлемы его бесцеремонная прямота в отношениях с командованием, своеволие и готовность трактовать вышестоящие директивы на свой собственный лад.

Под статью комкору были и командиры дивизий. Генерал Миллеров родился на донской земле, и уже в пятнадцать лет сражался дружинником на баррикадах. Повоевал он с деникинцами, гонял на Украине бандитов Махно, а в Туркестане – басмачей. Потом поступил в милицию, раскрывал шайки уголовников в Грозном и Ставрополе. С конца тридцатых призван был в армию, и за шесть лет круто рванул починам вверх – от старшего лейтенанта до генерала.

Как-то сошлись они по-человечески – комдив и командир группы партизанских отрядов Александр Николаевич Попов. Заполучив упряжных лошадей, Миллеров обратился к «батюшке» с просьбой, чтобы партизаны, хорошо знающие местность, вели войсковую разведку. Отряды Восточной группы

находились в подчинении краевого штаба и крайкома партии, имели конкретные тактические задачи, но... поддались напору генерала. Нахождение вблизи регулярных частей создавало для народных мстителей немало проблем: где брать провизию, фураж, боеприпасы? Фактически они скитались по бурунам, ни в чем не имея стабильного снабжения, порой сами отбирали зерно и продукты у колхозников. Миллеров предложил влиться отрядам в свое соединение, чтобы усилить совместные действия. Для партизан это было недопустимо, – постановлением ЦК партии им предписывалось налетами, засадами, диверсиями держать немцев в страхе и отвлекать их силы с фронта, но не участвовать в крупных армейских операциях. Генерал-майор, в свою очередь, пошел на авантюру, зная указание Военсовета 44-й армии: «Включать отряды в состав регулярных войск категорически воспретить».

Собрались Миллеров и Попов, хорошенько обдумали положение и решили поступить вопреки запретам. И был без проволочки объявлен приказ командира 10-й гвардейской кавалерийской дивизии о реорганизации партизанских отрядов Восточной группы в 4-й сводный партизанский полк. В один день Попов стал полковником, командиры отрядов превратились в командиров взводов, а партизаны – в гвардии красноармейцев.

И начались боевые будни новоявленных казаков! Передвигаясь под покровом ночей, дивизия Миллерова на пятые сутки достигла берега Кумы. Замысел командования корпуса состоял в том, чтобы внезапным ударом захватить села Урожайное и Правокумское, одновременно атакуя другими силами танковую группировку в ауле Камыш-Бурун.

Ночью казачьи полки форсировали реку и штурмом взяли Владимировку. Но развить успех не удалось ввиду неудачной атаки соседней дивизии, не сумевшей взять Урожайное. Миллеров приказал регулярным подразделениям отходить, а в прикрытии оставил... сводный партизанский полк, не имевший опыта отражения танковых атак. И ставропольцы не дрогнули, сражались отважно и находчиво, заставив врага попятиться.

В следующие два дня дивизией было освобождено Урожайное и уничтожен в нем гарнизон. При налете на аул Андрей-Курган казакам впервые пришлось сражаться с батальоном особого штаба «Ф», только что занявшего боевые позиции.

Бывшие партизаны приняли армейскую жизнь и уставную дисциплину достойно и безропотно. И в самом деле, пополнение давало дивизии новые возможности при подготовке операций. Однако товарищ Суслов, руководитель Ставропольского крайкома, узнав о расформировании партизанских отрядов, был взбешен. Он срочно собрал в Кизляре совещание и вызвал к себе Попова. Обличительная речь первого секретаря была огненной и суровой. Однако... невозможно объяснить, почему не последовало наказания командира-изменника. В итоге, – лишь стандартный нагоняй да инструкция, в которой приказывалось командирам отдельных партизанских отрядов выйти из состава дивизии.

Да не тут-то было! Генерал-майор добровольно не собирался отдавать полк, которым мог закрыть опасные участки. Тем временем из штаба корпуса доставили «депешу», в которой Миллерову предписывалось отпустить партизан подобра-поздору, ввиду обращения крайкома ВКП(б). Генерал

приздумался. Так заманчиво была разработана операция по разгрому вражеского гарнизона в Ачикулаке. При этом он отдавал себе отчет, что задача перед дивизией чрезвычайно сложная.

– Вот что, Александр Николаевич, – без обиняков начал Миллеров при встрече с командиром партизан. – Мы оба наломали дров. И я не жалею об этом! Завтра корпус начинает масштабную операцию по освобождению Ачикулака. Считай, две недели кружим вокруг да около. Прорывались до центра села, даже штаб уничтожили! А немцы еще больше укрепили его. Пора поставить точку. Кириченко принял решение взять его, чтобы обезопасить тыл.

– Мне также известно, что немцы подвели крупные силы, – подтвердил Попов.

– Мотопехоты и кавалерии сейчас там около четырех тысяч. Плюс бронемашины и самоходки, десятка два танков. Село укреплено дотами и дзотами. Крайне необходимо, навязав бой, оттянуть вражеские резервы от Орджоникидзе. Там нашим очень тяжело, – вздохнул генерал-майор. – Партизанские отряды, разумеется, могут в операции не участвовать. Но я прошу, помогите в последний раз. Да и вам станет легче без этого змеиного гнезда!

– Согласен, Борис Степанович, – подумав, ответил Попов. – Детали операции уточню в вашем штабе. Для надежности дайте мне своих «орлов», связных. В армейских порядках во время боя сложно ориентироваться. Особенно в темноте...

Для связи с партизанами были отряжены трое разведчиков во главе со старшим сержантом Грудневым. Они поступили в распоряжение заместителя командира полка майора Таранина. Весь тридцат-

тикилометровый переход к предместью Ачикулака длился ночью, при строгом запрете разговаривать, курить и выдавать себя шумом.

Полк Попова, согласно диспозиции, рассредоточился с северной стороны Ачикулака, перерезав две дороги, – на Буденновск и Левокумское. Несмотря на крайнюю усталость, Попов приказал рыть окопы в полный профиль. Связные помогли оборудовать командный пункт. Выбившись из сил, Борис и двое его сослуживцев сели на землю перекурить. К ним стремительной походкой подвернул долговязый молодец.

– Граждане казаки, табачку не найдется? Дым есть, а табак у тещи забыл.

Старченко, уроженец кубанской станицы, балагур и певун, направил на партизана луч фонарика.

– У какой тещи? У той, что была вчера или сегодня?

В подошедшем партизане Борис совершенно неожиданно узнал двоюродного брата жены, Алексея, – по хриловатому голосу и манере говорить прибаутками, по остроносому птичьему лицу. Партизан нарочито серьезным тоном предупредил:

– Военная тайна... Уважь. Не пожалей, земляк, а то всю жизнь жалеть будешь.

Борис, опережая Старченко, спросил:

– Алексей, ты, что ли?

Разбитной здоровяк подошел вплотную. Мигнул своим фонариком.

– Борька! Рассказать – не поверят... Откуда ты свалился? Воскрес, что ли? На тебя Фроська похоронку получила. Чуть панихиду не заказала. А ты – живой! Был на днях у вас в хуторе...

Они обнялись. Говорун, приняв от Бориса папиросу, прикурил и призывно дернул за рукав шинели.

Отошли в сторонку. Вокруг вершилась лихорадочная и шумная работа – окапывался партизанский полк.

– Как же так? Видно, напортачили в штабе... Нас горстка вышла из крымского укрепрайона. А Фросе писал я уже из госпиталя.

– Писал... Скажи козе спасибо. Хорошо, Фроська сама догадалась. Так и считает, что писарь намутил.

Алексей жадно затянулся, раздув докрасна табачную смолку.

– К вам мотался по заданию. С бойцами, в окружение попавшими, шороху навели. Перепились фрицы так, что некому было на постах стоять. Налетели, постреляли, «лимонки» бросили... На лошадей – и вперед с песней!

– Расскажи толком, как там мои.

– А что говорить, Боря? – грубовато возразил Алексей. – Война. Сват вроде ничего, при здравии. Ефросинья не хнычет. Подселили к вам беспризорников.

– А сын?

– По-моему, у бабы Кати, в Пятигорске. А в самом хуторе дела поганые...

– Не крути!

– Эх, всем бы отрядом на часик заскочить туда! – загорячился Алексей. – Свирепствуют в Пьяном кургане каратели. Дня четыре назад согнали жителей, потребовали, чтоб выдали партизан. Трех для остратки расстреляли. Я узнавал, – не ваших...

8

В конце октября на Закавказском фронте сложилась чрезвычайно тяжелая, критическая ситуация. После внезапной и дерзко проведенной операции по захвату Нальчика, танковые дивизии вермахта

бросились вдогон отступающим частям советских войск и, достигнув рубежа реки Урух, приготовились к решающему наступлению в восточном направлении, на Орджоникидзе.

Этот удар танкового корпуса фон Макензена склонил чашу весов в сторону врага. Готовящаяся штабом Северной группы операция по разгрому гитлеровцев в районе Моздока срывалась. Накануне командир 4-го гвардейского кавалерийского корпуса Кириченко направил генерал-лейтенанту Масленникову донесение:

«Выходя в район основных действий, корпус проделал длинный чрезвычайно трудный 300-х километровый марш по пустынно-песчаной местности с чрезвычайно трудными дорогами, снижающими темп продвижения до 3 км в час. Движение происходило исключительно ночью, так как местность совершенно открытая, а авиация противника одиночными самолетами и группами всё время держала части корпуса под активными воздействиями с воздуха... Выйдя в заданный район, корпус оказался в районе пустынно-степном, без масок для укрытия конницы от авиации противника, с большими затруднениями водоснабжения и отсутствием зернофуража.

Опыт боев показывает, что против конницы противник, быстро маневрируя, бросает танковые группы и мотопехоту на машинах и вести с ним бой на открытой местности чрезвычайно трудно, и связано с большими потерями людей, материальной части и особенно конского состава.

Исходя из вышеизложенного, я принял решение подняться несколько к северу от реки Кума для того, чтобы перехватить узлы дорог, идущие с се-

вера, иметь водопой для конского состава, укрытия с воздуха и пополниться зернофуражом, без которого лошади обессилили. Части корпуса в это время ведут активную дальнюю войсковую разведку, уничтожают мелкие группы и гарнизоны противника... Прошу Вашего утверждения: до наступления осенней распутицы остановить главные силы корпуса в полосе р. Кума, прикрыть пути подхода противника с севера и готовить корпус к решительным действиям, которые возобновить с подходом 11-й и 12-й гв. Донских кавалерийских дивизий».

Но уже 25-го октября Ставка направила директиву № 170680 командующему Закавказским фронтом о проведении Моздокской наступательной операции. Отдельным пунктом в ней значилось:

«4. Конной группе под командованием генерал-лейтенанта Кириченко в составе 9, 10 гв. кд., 30, 63 кавдивизий действиями в направлении Степное, Георгиевск обеспечить с севера наступление войск северной группы, разгромить тылы Моздокской группировки и перерезать железную дорогу Георгиевск – Прохладная».

После совещания командующего состава корпуса, на котором Кириченко ознакомил с приказами и дал задания по подготовке к выдвижению в район будущих действий, у него задержался бригадный комиссар Очкин. Комкор, уставший и взвинченный, весь день был не в духе, что случалось с ним довольно часто, и затянувшееся пребывание замполита в его кабинете, оборудованном в «красном уголке» овчарни, воспринял с недовольством. Внешне они были схожи: оба невысоки, статны, темноволосы. Своего замполита комкор считал человеком хра-

брым и принципиальным, но излишне подверженным влиянию «народных масс».

– Что у вас еще, Александр Петрович? – спросил Кириченко, когда остались вдвоем. – Будете чай?

– Буду, – кивнул Очкин, двигая бегунком замка своей кожаной папки.

Кириченко, покосившись, догадался, что принес он жалобу или просьбу, или, пуще того, документ, спущенный сверху по партийной линии. С утра от недосыпания и нервного перенапряжения у него трещала голова, не помогали уже и таблетки цитрамона. И он со вздохом посмотрел на походную кровать, стоящую тут же, недалеко от стола с рацией и телефонами. Бригадный комиссар, действительно, вынул желтый лист бумаги, исписанный мелким почерком.

– Разговор неотложный. Мне скрывать от вас нечего, мы работаем с людьми. От их взаимоотношений зависит и боевой дух, и товарищество в корпусе. Особенно, если речь идет о генералах. Прочтите.

– Изложите устно, что там.

– Нет, Николай Яковлевич... – Очкин оглянулся на адъютанта, поставившего на стол два серебряных подстаканника с ручками, поверх которых золотился чай в тонкостенных сосудах. Подождав, пока закроется дверь, он настойчиво повторил:

– Всё же прошу прочесть.

– Не хочу. Что за тайны мадридского двора, твою мать?! – начал раздражаться комкор.

– Это письмо от Тутаринова. Получил неделю назад. Никак не мог застать вас в одиночестве...

Кириченко с недоумением скривился.

– Или вам не интересно? – двусмысленно спросил и усмехнулся Очкин.

– Почему же... У меня в корпусе командир дивизии, боевой генерал, вместо того чтобы по Уставу доложить вышестоящему должностному лицу о возникшей проблеме, пишет личные письма комиссару... Пять минут назад он был здесь! Что, не мог обратиться?! Хотя... Смотря на какую тему... Читайте вслух!

– Так вот, по сути: «Мне стало известно, что генерал-майор Дуткин доложил генерал-лейтенанту и Вам о том, что якобы он организовал и руководил боем дивизии по отражению танков противника 17.10.42 года. Докладываю Вам, всё это брехня, а выражаясь по-большевистски – самый настоящий карьеризм. За всё время моего командования дивизией т. Дуткин первый раз 17.10.42 появился в дивизии, да и то случайно – ведь он же ехал в штакор¹⁰, а танки отрезали ему дорогу в Камыш-Бурун, и он вынужден был заехать ко мне на командный пункт. Генерал-майор Дуткин появился у меня на КП перед началом боя, а затем ушел на запасной КП за реку и весь бой сидел там, появился снова только тогда, когда стихло всё и ему потребовалось ехать в штакор. Ведь он же сидел там, где были коноводы штаба дивизии, об этом могут сказать многие. Спрашивается, как хватает совести говорить неправду. Ведь своим бахвальством он подрывает мой авторитет как командира дивизии и моих подчиненных командиров.

Заявляю Вам – я люблю правду и справедливость и ненавижу подхалимов и карьеристов. Докладываю вам, бой 17.10. 42 был исключительно напряженный. В середине дня третья атака противника

¹⁰ Штакор (арм.) – штаб корпуса.

велась 22–25 танками и батальоном пехоты, т.е. одновременно стреляло 25 орудий и 25 пулеметов. Ни один казак, ни один командир или политрабработник не дрогнули. Все, как находились в начале боя, так и остались в конце боя. Такой азарт был во время боя, такая атака на танки, Вы себе представить не можете. Чувствовался крепкий единый коллектив, готовый умереть, но ни шагу назад. Казаки дрались исключительно хорошо...»

Очкин поднял глаза, – комкор, взяв в ладонь наливную ручку, смотрел на подвешенную к стойке карту, испещренную красными и синими стрелками.

– Поражаюсь, – проворчал Кириченко, поймав взгляд замполита. – Внешне генерал Тутаринов – броня, а в душе честолюбив и обидчив, как гимназистка. Приму к сведению.

– Дело не в обиде. Честолюбие для офицера не лишнее чувство. Меня тревожит мелочное соперничество среди офицеров штаба. Комдив правильно ставит вопрос! И Дуткин, нельзя не согласиться, обращается с младшими по званию не всегда корректно. Он только планирует, а в бой идут командиры и казаки. Это же надо понимать и уважать людей! Давайте вместе поговорим с товарищем. На каком основании он истолковал ход боя, о котором написал Тутаринов, в ином свете? Ради чего?

– Дуткин – прекрасный штабник. Он досконально разрабатывает операции. А трения между военными всегда были и будут. Вызову их обоих и помирю, разумеется, ничего не говоря о нашей беседе.

– Николай Яковлевич, а почему самовольничает генерал Миллеров? Кто позволил ему нарушать директиву Военсовета 44-й армии? У партизан осо-

бые функции. Иное подчинение. А он перековал их взмахом пера в регулярную часть!

– Ну, это не в укор. Тесное взаимодействие с партизанами нам на пользу. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Война сама пишет приказы...

– А начальник особого отдела дивизии? Он по-прежнему излишне сурово обращается с красноармейцами, вышедшими из окружения, заведомо обвиняя во всех грехах. У партизан я встретил капитана, того, что в Пьяном кургане со своей группой ликвидировал вражеский гарнизон. Он – командир роты, державшейся до последнего в бою на Тереке. Его надо представлять к награде, а особист мурыжит, допрашивает вторую неделю. И это, когда в корпусе нехватка командного состава.

Кириченко придвинул бумагу, готовясь записывать.

– Фамилию помните?

– Ивенский. Ему можно смело поручить эскадрон. А он в рядовых... И о казаках хочу сказать. При попустительстве комвзводов имеют место случаи воровства, подлога. Мне известны факты похищения лошадей, седел, фуража. Дело дошло до обмена патронов на гарнец овса... Раз генералам море по колено, то и казаки берут с них пример. Неладно у нас с дисциплиной, товарищ гвардии генерал-лейтенант.

– Ни черта подобного! У нас порядка больше, чем в любой другой армии, – тоном, не допускающим возражений, заявил Кириченко. – А исправлять недочеты и проблемы давайте вместе. Пусть замполиты доходчиво объясняют казакам, что враг выдыхается. Внушают им, что в наступлении будет легче. А с особистами я переговорю. Без них тоже

порядка не навести. Если пару-тройку негодяев отдадут под трибунал, то другие воровать отучатся!

Очкин убрал письмо в папку и, собираясь уходить, осторожно поинтересовался:

– Сегодня Дуткин разъяснял план Ачикулакской операции. Она потребует большого напряжения. Не помешает ли это выдвижению корпуса для наступления на Моздок?

– Тремя дивизиями мы прихлопнем Ачикулак, как муху. Задействуем авиацию. Успех будет зависеть от слаженности действий и внезапности. Тут дело не только в принципе. Важней всего – стратегический расчет. Если опорный пункт немцев останется в тылу, то жди ножа в спину: батальоны Фельми могут атаковать Кизляр и перерезать железнодорожную ветку на Астрахань. Вот тогда Тюленев и Масленников нас по головке не погладят. Трибунал обеспечен. Вам – не знаю, а мне точно... – Кириченко глянул на задрезавший полевой телефон, но не стал снимать трубку. – Вообще, Александр Петрович, скажу тебе так. Задача, что поставлена Ставкой, может привести к потере корпуса. Сверху им, конечно, видней. Но ведь Василевскому неизвестна реальная ситуация. Я только что писал Масленникову подробно, и он со мной согласился. Люди и конский состав измотаны. Нет ни должной артиллерии, ни запаса продовольствия, ни фуража. С верблюдами, груженными бочками с водой, много не повоюешь! А ты говоришь: дисциплина хромает. Весь корпус на четыре ноги хромает! И ждать помощи неоткуда. Наоборот, Ставка требует наступать. А мы держимся исключительно героизмом командиров и казаков.

9

С вечера 31-го октября к Ачикулаку после перегруппировки стали тайно стягиваться дивизии, – 9-я подошла с севера, с востока и юга – 30-я, а 10-я заняла подступы к селу с северо-запада. Казаки, накапливаясь отдельными частями, рассредоточились по лесу, подковой окружающему этот узел дорог и главный опорный пункт врага.

Несколько раз Грудневу в сопровождении разведчиков пришлось гонять лошадей в штаб 10-й дивизии и обратно, доставляя пакеты. Часам к четырем утра наступило зыбкое затишье. Все части Миллерова расположились на исходных рубежах. Согласно приказу командира корпуса, начало операции было назначено ровно на шесть ноль-ноль.

Связные в ожидании сидели на постаменте из шаров перекасти-поля, прикрытых плащ-палатками и брезентом, снятым с брички. Партизанам, еще числящимся в составе дивизии, был выдан сухой паек, а легкую повозку передали для санитарных нужд. От мазницы, висевшей сзади, несло колесной мазью. Над землей стелился знобкий туман. В бричке, похрапывал кучер, ослабший на свежем воздухе. Этот старик не походил на воина, был тих и немногословен, и Борис с сожалением подумал, что не место ему здесь, на боевой позиции. Из разговоров степняков, волей-неволей попавших в партизаны, по мелочам быта их скитальческой жизни он понял, что не многие подготовлены к военной службе. И потому отряды несут потери и попадают в нелепые ситуации. Это бродячее войско действует раздроблено, выполняет срочные задания. Бросают мстителей то в одну сторону, то в другую, и всякий раз их рейд сопряжен с риском и случайностями.

– Товарищ сержант! – встав, обратился Заур Алгоев. – Разрешите заступить в охранение. Туман. Посмотрю за лошадьми.

– Давай. А Старченко сменит.

Борис вместе со своими разведчиками прошел вдоль окопов к блиндажу Попова, возле которого причалили крытые подводы и «эмка». Его остановил постовой и спросил пароль. Услышав отзыв, повесил карабин на плечо, посетовал:

– Часы барахлят. Сколько уже?

– Без двадцати шесть.

– Значит, скоро...

Но в тишине вдруг грянул вой минометов, и зазвучали длинные очереди немецких пулеметов. Скоропалительный обстрел доносился левее, с восточной стороны. Ответно открыли огонь, по всему, наступающие наши части, и Борис догадался, что случилось нечто непредвиденное, если бой начался раньше, чем значилось в приказе. Он явился на командный пункт, и растерянный майор Таранин, увидев связника, предупредил:

– Никуда не отлучаться! Сейчас дунешь к Миллерову.

Между тем началась «обработка» немецких позиций корпусной артиллерией. От взрывов тряслась земля, канонада стояла оглушительная. И едва артподготовка завершилась, как справа от партизанского полка предприняла атаку незримая в тумане казачья часть. Ординарец Таранина, младший лейтенант, выбежал и распорядился:

– Пошли своего помощника, пусть выяснят, что за часть подошла справа. 24-й полк должен наступать левой нас...

Старченко умчался в туман. Бой откатывался вглубь села. Без сомнения, в штабе Попова не пони-

мали, что происходит. Связной вернулся быстро и сообщил, что казаки заблудились в тумане и неправильно заняли боевые позиции. Таранин собственноручно вручил Борису пакет:

– В штаб дивизии!

Борис взял с собой Заура. Они гнали коней, слыша за спиной и слева грохот ожесточенного боя. Штаба в Камыш-Буруне уже не оказалось. По дороге случайно узнали, что командный пункт Миллерова переместился ближе к месту сражения. В лесу разыскали генерала. Заур остался с лошадьми, а старшему сержанту разрешили подойти. КП был оборудован в крытом кузове грузовика, освещенном фонарями. В проем брезента со стороны заднего борта доносился голос генерал-майора, очевидно, ведущего разговор по рации.

– Мы атакуем одни, товарищ гвардии генерал-лейтенант... Слева до сих пор нет Тутаринова, ядрена мать... Слышу, он ведет бой на северной окраине, а фланг мой не прикрыл... Да потому он не прикрыт, что 24-й полк выбил врага из первой линии и продвинулся к домам. А немцы атаковали во фланг танками, бронемашинами и пехотой. Бьются мои ребята второй час из последних сил. Потери большие... Рад за Головского, что на восточной окраине... Вон оно что! Так это 32-й полк Тутаринова бьется рядом с моим. Но свой я планировал отвести в район дороги на Владимировку, где ложбина. Бойцы измотаны... Как? Есть не отступить!

Получив не пакет, а сложенный вчетверо лист бумаги с кратким текстом, связные расторопно доставили его Попову. Из разговора командира с заместителем узнали, что вследствие ошибки казачьей части партизаны оказались на левом фланге, хотя

первоначально диспозиция предписывала положение в центре. Впрочем, боевая задача, поставленная перед Поповым, осталась прежней: прикрывать с тыла атакующую дивизию.

К девяти утра пелена тумана стала рассеиваться.

И со стороны Левокумского послышался грохот танков. Они двигались без опаски, развернутым строем, вероятно, вызванные на помощь. Еще издали «Панцер-команда» дала по предместью села беглый залп. Попов ждал, когда танки окажутся в зоне поражения. Тишина ввела немцев в заблуждение, они маневрировали свободно, перестраивались в колонну, некоторые из танкистов даже открыли люки.

Примерно с полукилометра партизанский полк открыл огонь. Бронебойщики подожгли три танка, и как раз подоспела помощь с небес! Звено наших штурмовиков, зайдя с востока, пушками поразило значительную часть вражеских бронемашин и грузовиков, заставив танковую группу удалиться от села.

Борис и два его товарища, находясь в окопе, беспрерывно били очередями из трофейных «шмайсеров». Вместе с танками отступили и цепи гренадеров, оставляя в степи немало трупов в серых шинелях.

– Кажется, отбились, – с надеждой сказал Старченко. – Перекурим?

– Курите. А я в штаб, – предупредил Борис и, оттолкнувшись руками, выбрался из окопа.

Не успел он дойти до траншеи, как в небе показались две тройки «Юнкерсов». Они развернулись и снизились над позициями партизан, начали

бомбардировку. Борис спрыгнул в ближний окоп. Сквозь взрывы слышались крики раненых, заполошное ржанье лошадей. Над землей запахло чесночным духом сгоревшего тротила. И Борис сковало, леденя кровь, тревожное ожидание. Он тесно прижимался к стенке окопа, к мускулистым плечам партизан, которые побряхтывали, тихо матерились. Трудно было объяснить странное совпадение: наши самолеты улетели на несколько минут раньше, чем появились немецкие. Так случилось множество раз, и была роковая закономерность в том, что красноармейцы оставались неприкрытыми с воздуха в разгар боевых действий, в которых приходилось ему участвовать.

С методичной точностью следовали заходы «Юнкеров», – минута бомбежки, пауза в три минуты, заход второй тройки – минута бомбежки, пауза. Адский гром наконец сменился тишиной. Землю накрыло удушливой мглой из дыма, пороховых газов и вихревой кисеи песка. Борис поднялся вместе с простоватым, толстогубым партизаном. Другой, небритый, с выбившимися из-под кубанки черными прядями детина, потрянув головой, радостно выдохнул:

– Чи живые, Тишка?

– Да вроде, – ответил первый, сморкаясь в руку и вытирая рукавом телогрейки нос. – Никак молитвы помогли...

Из окопов стали выбираться командиры и бойцы. Майора Таранина заметил Борис еще издали. Невероятно, но ни один из партизан не был убит, ранение получили только семеро. Пользуясь передышкой, бойцы стали перезаряжать оружие, с повозок подносить боеприпасы. Борис, получив зада-

ние от заместителя командира отряда, вернулся к товарищам. На этот раз он отправился в штаб дивизии со Старченко. Отъехав от окопов метров на триста, кубанец осадил коня.

– Что за чертовщина? Откуда они взялись?

Борис придержал своего воронца, оглянулся. Среди пустой прежде степи вдруг появились соломенные копны, которые малозаметно передвигались к позициям партизан. Слитные залпы пушек громыхнули в предвечерней тиши. Эти замаскированные немецкие танки с ходу взметнулись на пригорок, круша позиции сторожевого охранения. Запоздало ударили противотанковые ружья. Лопнул один, второй взрыв гранат. «Панцеры» покатались по партизанским окопам...

Ночью Борис с офицером связи доставил Попову приказ командира дивизии. Партизанам предписывалось, оставив небольшой заслон в тылу, со стороны Буденновска, утром атаковать восточную окраину села и выбить оттуда врага.

Около полуночи комкор Кириченко, мрачнее тучи, провел совещание. «Прихлопнуть, как муху», цитадель Фельми не удалось. Он поставил перед комдивами новую задачу: начать штурм села в 2 часа 30 минут. А в корпусном журнале боевых действий осталась запись: «В связи с тем, что дивизии действовали разрозненно, в силу неодновременных действий 10-й гв. КД с 9гв. КД и 30 КД задача по овладению Ачикулаком была не выполнена и части дивизий понесли значительные потери».

И вновь начался штурм Ачикулака, упорный, безоглядный. До самого рассвета казаки успешно наступали с трех сторон, вместе с партизанским полком смяли на восточной окраине оборонительный

заслон противника. Но к 9-ти утра из Буденновска и Моздока подоспели батальоны немецкой мотопехоты, бронемашины и более тридцати танков. Почти четыре часа дивизия Головского вела кровопролитный бой с превосходящими силами немцев, давая возможность 9-й и 10-й дивизиям корпуса ворваться в село с севера и запада. Но лобовые атаки казачьих полков, тающих на глазах, беспримерная отвага и геройство бойцов, партизан и офицеров не привели к поставленной цели. Впрочем, эта «цель» – взятие Ачикулака – возникла и была воплощена в оперативном плане исключительно командованием корпуса. Авантюристичность этой идеи дорого обошлась казакам!

Узнав об осаде Ачикулака, штаб группы «А» направил на помощь своему гарнизону еще две мотопехотные дивизии. Положение казачьего корпуса осложнялось с каждым часом. Ни о каком наступательном рейде по тылам врага обескровленных в боях его дивизий теперь не могло быть и речи.

Только следующей ночью, когда немцы израсходовали осветительные ракеты, 4-му казачьему кавалерийскому корпусу, потерявшему убитыми более трех тысяч человек и понесшему огромный урон в материальной части и конском составе, удалось выйти из сражения и отступить на восток, вглубь бурунной степи...

10

Двое суток в Пьяном кургане лютовала «зондеркоманда», в которой наряду с немцами были славяне и горцы. Первым делом они расстреляли старосту. Затем сырым холодным утром согнали народ на площадь и потребовали вы-

дать партизан, дав на размышление пять минут. Грудневы тоже теснились в толпе. Лука Фомич стоял с невозмутимым видом, а душу грызло неприятное чувство, не давала покоя совесть. Разумеется, ничего определенного никто не мог сказать. Тогда схватили троих, стоявших с краю, – Антонину Дворникову, тетку Зинаиду и старика Громова, нацепившего на бешмет свой потускневший Георгиевский крест. Одному из чернобородых карателей, с хищным носом, это не понравилось, и он вытолкнул старого казака из толпы. Обреченные стали объяснять, что непричастны к налету партизан и живут далеко от школы. Но их быстро повели по улице, подгоняя прикладами карабинов, а хуторянам снова дали возможность подумать...

Раскатистый треск выстрелов под бугром вызвал в народе смятение. Бабы стали жаться к середине, толпа заколобродила. Командир «зондеркоманды», окруженный автоматчиками, худосочный коротышка в кожаном плаще и фуражке с высокой тульей, шарил глазами по лицам, выискивая подозрительных. Неожиданно уставился на самого высокого хуторянина, деда Бобруся, и ткнул в него рукой. Сворой бросились в толпу пятеро карателей, подвели старика к офицеру. Несчастный сгорбился и так дрожал от испуга, что на голове его шевелилась козлиная шапчонка.

– Партизан?! – с надсадой по-русски крикнул коротышка, щелкнув по голенищу своего сапога хлыстиком. – Ты убивал?!

– Никак нет, господин немец, – бормотал старик. – Безоружный я... Дробовика на бахче лишился... Да и слепой. Гвоздя забить не гожий, бесперечь по пальцу стукну...

– Врешь, старая шельма! – с небольшим акцентом произнес фриц. – Знаю я вас, мерзавцев...

И он отрывисто договорил на немецком языке. Деда подхватили под мышки и, как ни упирался он длинными ногами, потащили к школе. До пояса раздели, оставив на бледном тощем теле штаны, и повалили на деревянное крыльцо.

– Его будут пороть! – угрожающе объявил коротышка. – Пороть до тех пор, пока не признаетесь, кто убил наших зольдатен! Мы пришли освободить, а вы, казаки, поступаете подло. Я служил в русской императорской армии, хотя сам эстонец. Тому, кто поможет нам, мы хорошо заплатим. А этот дед станет заложником...

И тотчас в воздухе замелькала плеть, и донеслись стоны старого терца, сменившиеся жалобными вскриками. Не стерпев издевательства над супругом, бабка Алена метнулась из толпы, грузно упала перед офицером на колени, стала богом просить, чтобы отпустили. От поклонов ее пуховый платок сполз назад, открыв седые прибранные волосы, а морщинистое лицо, мокрое от слез, исказила такая жалкая гримаса, что Ефросинья заплакала. А Лука Фомич стал креститься и шептать покаянную молитву...

Офицер брезгливо отшагнул в сторону. А подбежавший горбоносый солдат сапогом ударил старуху в спину и за руку поволок по грязному спорышу к толпе. К бабушке Алене поспешили женщины, подняли ее, рыдавшую в голос. А палач тем временем продолжал полосовать спину Бобруся, который уже лежал безмолвно и недвижимо.

Поняв, что устрашением ничего не добьешься, командир «зондеркоманды» пригрозил хуторянам новыми казнями и приказал расходиться по домам. Смиловитился только в одном: позволил забрать родственникам мертвого старика...

Однако «зондеркоманда» вечером срочно убралась. И как подслушали досужие подростки, каратели перед отъездом тревожно обсуждали сражение возле Ачикулака, где немцам приходится туго.

Лука Фомич тяжело пережил похороны односума. Он пришел с тризны хмельной и печальный, снял плащ и сразу направился в зал к иконостасу. Сначала молился стоя, затем на коленях. Вышел в горницу, вытирая платком глаза. Алик, наколов дров и сложив их возле потрескивающей печи, играл на балалайке «Катюшу». Дина с серьезным видом помогала Ефросинье – початок о початок – рушить кукурузу.

– А где Анисимович? – спросил Лука Фомич, подтягивая штаны, сшитые снохой из шинели немецкого постояльца.

– На остров уплыл, – отозвался Иван, плетущий из просмоленной нити сеть, чему научил его хозяин. – И собачку приبلудную в лодку взял... У меня получилось три с половиной метра полотна. Продолжать?

Лука Фомич утвердительно качнул головой, пристальней, чем всегда, посмотрел на него и на остальных приемышей, но ничего не сказал. Молча напялил на голову смушковую шапку с отвисшим «ухом», надел домашний залатанный полушубок и в калошах подался на хозяйственный двор.

Вечерело. Ветер гнал над Терекком караван пухлобоких туч, между ними сквозило сизое осеннее небо. От омшаника несло навозом и духом лугового сена. Скелетики молодых груш темнели вдоль соседского плетня. «По моей вине загубили фрицы и Бобруся, и тех троих, – сокрушался Лука Фомич. – Да Господь ведает, что случилось это невольню... Как не оповестить капитана? Долг я выполнял, клятву давал служить царю и Отечеству. Нет императора, а Родина осталась! Чем меньше немцев, тем быстрее победим. Ясное дело. Да обернулось всё лихой бедой. Задарма замучили, гады, казака! И однополчанина я лишился, и прицепилась к сердцу эта проклятушая тоска, как репей...»

Он спустился в подвал, где стояли бочки с квашеной капустой и солеными огурцами, а за дощатой загородкой хранилась картошка. Прикинул на глаз, насколько хватит этого добра, если рассчитывать на шестерых. Еще было пшеничное зерно и кукуруза, которую наломали всей семьей на брошенном колхозном поле. В деревянном рундуке хранились грецкие орехи, и на чердаке был спрятан мешок фундука. К этому надо добавить десятка два тыкуш и свекольные клубни, чувал подсолнечных семечек в дубовом ларе. Муки, правда, остался пуд. И надо бы повезти с соседом пшеничку в станицу Курскую, где якобы работает мельница, да как отважиться? Перехватят на дороге немцы или партизаны, и заберут с превеликой радостью, и спасибо не скажут...

Лука Фомич побрел к Тереку. Разом он распахнулся в обе стороны, – справа до самого поворота за остров, слева – ровный, как уланская сабля, вонзившаяся в глинистый утес. Мутная после дождей, желтоватая стремнина, обрета напор, играла,

всплескивалась у берегов. Влажное дыхание реки принесло запахи камыша, тины, ивовой коры. Заवораживающее течение большой воды, сквозящая рыжая стена островного леса, упершего в небо верхушки вековых дубов и буков, а за плетнем – уходящая вниз луговина, с кустиками цикория, синеего прощальными цветками, – эта картина, знакомая и до боли любимая с детства, вновь заставила старого казака прослезиться.

«Скоро, должно, и меня, как боевого полчанина, заруют в сыру землю, и не придется больше с тобой свидеться, Терек-братец! Под твою тихую песнь появился я на свет божий, вырос на твоём берегу и клятву казачью на майдане давал, откуда стрежень твой виден... Верно зовут тебя – буйный! Всем норвом – в казаков. Всё сносишь на пути, поворачиваешь, куда желаешь, и нет тебе укороту и предела... А сколько сражений было, сколько кровушки пролилось на твоих крутых берегах! Недаром матушка-покойница повторяла, что полон ты не водою, а вдовьими слезами. И казачек, и горянок, и русских баб. Донцы и кубанцы отправлялись в походы, а мы, терские казаки, – постоянно на войне. Налетали хищники денно и ночью, убивали и грабили, угоняли люд в орлиные аулы. Живи и жди лиха в любую минуту! Приходили, помню, в детстве кавалерийские полки, умиряли узденей и хаджи, и обратно удалялись. А казачьим станицам доставалось полной мерой, – только злей становились разбойничьи шайки. И стояли терцы насмерть, держали границу на замке. А по сути, мы сродни джигитам, только вера разная. Те уорки храбрые и мы – удальцы, любо силой в бою меряться, верх брать. Те семьи блюдут род и мы, хоть и гулеваны, а предков обы-

чай передаем по наследству. Потому и куначество завелось. Есть достойные люди в любой нации. Чем не кунак мне Муса, заречный чеченец? Вместе парнями у ногайцев лошадей отбивали. Он здесь гостил, а я на почетном месте в его доме сидел. Или осетин Эльбрус? Встречал меня бузой и пирогами, а в застолье учил мудрости. А взять Заура, кабардинского родича. Лучше никто не пляшет лезгинку и наурскую! Все народы на Тереке узлом связаны, и потому должны себе на пользу жить в согласии. А теперь и подавно! Немчуря напал. Жизнь страны как на тонкой веточке повисла. Обломится, заполонят нас чужеземцы – конец и казачеству, и вольному наездничеству джигитов...»

Лука Фомич подумал о детях «врагов народа», – с ними он ладил и, как ни был строг, слушались они беспрекословно и не вредничали, как внук Пашка. Весь в казачью родню малец, на месте не сидит. Днями то на реке рыбачил, то с пацанами дрался, то гонял в ночное табун. Ефросинья уже несколько раз просила съездить в Пятигорск за сыном. Лука Фомич напоминал о близости фронта. Теперь он откатился в Осетию. Профессор загостился, хорошо бы взять его в напарники и вместе отправиться в дорогу. Он не раз упоминал о живущих в Кисловодске питерских знакомых. «Съезжу за внучком, – решил Лука Фомич. – Анисимович не откажет. Всё веселей и не так опасно...»

И вскоре, легкий на помине, престарелый ученый вышел из-за лозняков на островной бережок, где стоял каюк. В расклевенной черной папахе и старенькой фуфайке, в теплом женском платке, повязанном вместо кашне, выглядел он довольно комично. Подозвав свистом белую с подпалинами собачонку,

с разгона запрыгнувшую в лодку, он поставил в ногах плетеную кошелку, сел на лавку лицом к корме и хворостиной, как делал хозяин дома, оттолкнулся от берега. Каюк, покачиваясь, отплыл от берега.

Ярко ударил из-под тучи закатный луч, и в этом дивном озарении всё вокруг как бы посветлело и раздвинулось, и Лука Фомич впервые за день улыбнулся этому удивительному превращению. Но радость сменилась недоумением. Непонятно вел себя горе-лодочник. Анисимович сидел как истукан и вертел головой, глядя то на один берег, то на другой. Течение, малозаметное в прибрежье, на середине обретало силу. И каюк, как только попал в глубоководную протоку, развернуло поперек реки и поволокло, раскачивая бортики. У Луки Фомича беспечность жильца вызвала гнев.

– Греби сюда, чумовой! Перевернешься! – семена по луговине, кричал он под ветер. – Греби, говорю! А не то унесет в Чечню, глупой ты кацап!

Профессор наверняка услышал приятеля и что-то неразборчиво гаркнул в ответ. Только по распятым рукам и жестам, напоминающим гребки, догадался Лука Фомич, что у раззявы... нет весел. Не то уронил, не то забыл на берегу. Ему неотвратимо грозила гибель. Через час-другой лодчонку не спасет ни смола, ни пакля. Старые подопрелые доски разбухнут, отяжелеют, и под грузом человеческого тела она уйдет на дно.

Не разуваясь, хозяин ворвался в дом с встревоженным лицом, и Ефросинья вскочила:

– Что стряслось?

– Профессора по Тереку уносит. Без весел поплыл, идивот. Надо спасать... Ребята, живо одевайтесь! Пособите мне дверь погрузить на тачку....

Не жалея кованых петель, он ударами молота сбил с летней кухни крашеную дверь. В спешке погрузили ее на тачку, прихватили два запасных весла, связанных длинной веревкой, и длинную жердь. План казака был продуман, хотя и рискован: напрямую добраться до околицы, где между камышей река сужалась, и там используя дверь в качестве плота, перебросить весла Анисимовичу.

Они подоспели вовремя, когда из-за деревьев крайнего подворья показалась лодчонка. Втроем понесли дверь к берегу. Внезапно идущий впереди Лука Фомич поскользнулся на размокшем суглинке, не удержался и рухнул набок, выпустив из рук тяжелую ношу. Дверь удачно соскользнула к самой воде. В горячке Лука Фомич встал на ноги и тут же согнулся. Глядя исподлобья и морщась от боли, пожаловался:

– Всё, ребята... Вступило в поясницу. Не иначе черт ножку подставил... Как же теперь весла перебросить? Не смогу я...

И доковыляв к вербе, сорвал с головы старую шапку и хлопнул оземь. Остервенело ругнулся, поворачивая голову к реке. Терпящий бедствие лодочник, увидев приятеля и мальчишек, приветственно замахал рукой, и даже собачонка тявкнула.

– Давайте я залезу на плот? – бесстрашно предложил Иван. – Я не подведу. Пустячок!

– Ага, пустячок... А ежели утопнешь? – бурчал Лука Фомич, мучаясь в сомнениях и глядя на жалкую обувку пацана, его трижды чиненные ботинки.

– Я на спор с пацанами Терек туда-обратно переплывал, – всё настойчивей убеждал Иван. – А на плоту... Туфта это! Разрешите, дедушка. На шухере страшней стоять...

– Ну, тогда, снимай с меня сапоги. Хоть и велики, а тебе сгодятся. Надежней стоять, – пояснил Лука Фомич и с трудом приподнял ногу. – Срывай!

Глядя, как мальчишка переобувается, объяснил ему, что нужно сделать. У Ивана, охваченного азартом, блестели глаза, он взял в руки жердь. Алик помог ему спустить дверь на воду. Лука Фомич, наблюдая издали, перекрестил храбреца.

– Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! Плыви. Спасай человека. Только колени сгибай для упора. И холужиной¹¹ не дюже по илистому дну тыкай...

Дверь показалась сначала неважным плавучим средством: подседа, покрылась тонким слоем воды. Иван, положив у ног веревку с веслами, отчалил, правя жердью. Постепенно плот обрел остойчивость, почти не притапливался. Плыть помогало течение. Алик пытался подсказывать другу. А Лука Фомич потерял ощущение времени. Он стоял, опершись о ствол, и наблюдал, как сблизилась две захудалые посуды, как много раз пытался подросток добросить веревку с привязанными веслами до лодки, а сделав это, наконец, чалил к берегу, а за ним огребался веслами уставший профессор под звонкий лай собачонки...

11

В первой половине ноября немецкое командование пришло к неутешительному выводу, что войскам вермахта придется на Кавказе зимовать. Прорыв к Орджоникидзе, который гитлеровские стратеги сочли за предтечу победы во всей кампании, закончился разгромом 13-й танковой дивизии.

¹¹ Холужина (тер. каз.) – длинная хворостина.

Половину личного состава потеряли: 23-я танковая дивизия, 2-я румынская горнострелковая дивизия, полк «Бранденбург», всего – более пяти тысяч человек. Советскими войсками, вновь овладевшими Гизелью, было захвачено 140 немецких танков, 70 орудий, 2350 автомашин. Такого позора 1-я танковая армия Клейста еще не знала! Поэтому ее командующий затребовал на помощь дивизию СС «Викинг» и попросил отсрочки в наступлении, пока не будет завершено восстановление 13-й танковой дивизии. Изданная ранее директива генштаба, обязывающая мотопехотные и горные части оборудовать долгосрочные оборонительные позиции, стала активно выполняться. Между тем атаки красноармейцев в районе Салахара, севернее Гуссара, вблизи Ардона и станицы Ищерской усиливались с каждым днем.

15-го ноября генералы Тюленев и Масленников были вызваны к Верховному Главнокомандующему. Они подробно доложили Сталину о Гизельской операции. Ставка, учитывая изменившийся в нашу пользу баланс сил, поставила Северной группе войск неотложную задачу: надежно прикрывая главные направления на Грозный и Орджоникидзе, разгромить Моздокскую и Алагирскую группировки врага.

Обратно в Орджоникидзе генералы летели вместе. Темноволосый, с черными треугольными усиками, Тюленев в свои пятьдесят был довольно красив, статен и держался с присущей ему важностью. Ведь его имя было известно не только в армии, но и во всей стране. Именно Тюленеву три года назад было доверено командовать Польским походом, а после успешного завершения оно

вернуться из Львова победителем. Наряду с Жуковым и Мерецковым, он стал одним из трех первых советских генералов армии. Сталин рассчитывал на Тюленева, назначив в первый день войны командующим Южным фронтом. Но натиск превосходящих немецких сил был сокрушителен, и его войска в Молдавии и на подступах к Мелитополю не остановили врага. Тюленев был ранен, а после выздоровления формировал на Урале 28-ю армию. С февраля этого года занимал должность командующего Закавказским фронтом, и многое успел сделать: улучшил в войсках боеготовность, реформировал оборонительные рубежи на границе с Турцией, а также по рекам Сулак и Терек, по Главному Кавказскому хребту. С началом боевых действий на Кавказе снова оказался в эпицентре масштабных операций. Втайне самолюбие Тюленева было задето тем, что Северная группа войск, находясь в составе его фронта, получила право самостоятельных инициатив. Более того, высокопоставленные лица Ставки нередко вели прямые переговоры с Масленниковым, а не с ним, и об изменениях в оперативных планах он узнавал от своего начальника штаба. Это Ивану Владимировичу не нравилось, свое недовольство он не раз высказывал и в Генеральном штабе, и командующему Северной группой войск, а того ничем не прошибешь – рассудителен, спокоен и немногословен.

И сейчас, в гудящем «Иле», Тюленева подмывало приструнить генерал-лейтенанта, напомнить, что у него только группа войск, а решения принимает, и будет принимать командующий фронтом. И эта подчиненность незыблема, и двоевластия никогда не потерпит...

Они сидели напротив, разделенные узким проходом. Внутреннее пространство самолета освещалось единственной лампочкой, хотя окошки в целях маскировки и так были завешены. Ординарцы и помощники, рассевшись поодаль, вполголоса разговаривали. Изредка доносились фамилии командующих армиями и названия населенных пунктов. Вероятно, офицеры обсуждали фронтовые дела.

– Дремлешь, Иван Иванович? – спросил Тюленев, не тая в голосе ироничности. – Видно, у тебя забот не осталось.

– Думаю о Кириченко, – серьезно ответил Масленников, поворачиваясь к собеседнику. Его крупная, с округлым подбородком и широким ртом, голова, затененная перегородкой, казалось, была вырублена из темного валуна. Тяжеловесность фигуры придавали крепкая шея и широкие покатые плечи.

– Приказ вы подписали позавчера, а уже к 20-му ноября Конная армия должна быть создана. Всего за одну неделю! В условиях боевого соприкосновения с противником.

– А что? Донские дивизии фактически уже переброшены. Я за полтора месяца сумел армию сформировать! – отрезал Тюленев.

– Иван Владимирович, мы с вами оба кавалеристы. Это ведь не только сабельники и саперы, артиллеристы и штабники, а в первую очередь, – лошади, которым нужно заготовить фураж, обеспечить в условиях пустыни водой...

– Ты не выгораживай Кириченко! Пускай шевелится, служит Родине, а не прячется в песках. Не доволен я им! Читал его донесение твоему начальнику штаба. Кого он хотел обмануть? Тебя и меня?

Тех, кто годами с коней не слезали и командовали армиями? Если бы не твоя защита, он бы у меня слетел с должности комкора. Не взял Ачикулак? Не взял. Положил там два полка? Так точно. Прибавь сотни потерянных лошадей и раздолбленную материальную часть. А как умно закрутил в бумаге! Операция, дескать, была построена исключительно на внезапности и производилась методом налета на рассвете. Именно в лобовую, под вражеским огнем гнал казаков, на авось... Ну, да хватит об этом! Посмотрим, как сформирует он Конную армию.

– Я не оправдываю его. Как истинный украинец, он излишне горяч, упрям, но воевать умеет. А кто из нас не терпел фиаско? Военное ремесло, сколько ни постигай, до конца не освоишь. Как в шахматах. Один неверный ход – и рассыпалась позиция. Думаю, надо не торопить Кириченко. Армия должна стать полноценной, ударной.

– Разумеется. А для чего мы его корпус на Терек перебросили, – кстати, по твоей объяснительной записке? Чтобы рейдами рвал фланги и тылы врага. Как это делали мы в Первой Конной. У Семена Михайловича я служил начальником разведотдела, потом комбригом. Трепали мы изрядно и денкинецев, и полячишек. До сих пор, наверно, дрожат, помня наши налеты! А он? Ввязался в бои местного значения. Да, оттянул от Моздока две дивизии. А каков результат для фронта? – Тюленев поерзал на кресле и начальственным тоном заключил: – Его узким местом является непонимание стратегической задачи. Мыслит по-старому. Вот Селиванов – другой. И под Гизелью быстро принимал решения, и личным примером в атаку водил солдат. У Кириченко в заместителях он долго не задержится. Поможет

провести формирование Конной армии, а далее сделаем выводы. Ни на какие уступки я больше не пойду...

На военном аэродроме они расстались глубокой ночью. Самолет, дозаправившись, взял курс на Тбилиси. А Масленников, почувствовав обострившуюся боль в ноге (растрясло на воздушных ямах), всё-таки поехал в штаб, чтобы ознакомиться с фронтowymi сводками. План Ставки требовал огромной и тщательной подготовки, учета малейших деталей. И он стал обдумывать, что конкретно и в какой последовательности предстоит сделать. Но боль не унималась, отвлекала и, уставший от долгого полета, он мысленно вернулся к разговору с командующим фронтом.

Без сомнения, тяжелые потери под Ачикулаком были следствием плохо подготовленной операции. Кириченко и другим генералам «старой школы» не хватало оперативного чутья. Опыт Гражданской войны заставлял их мыслить и командовать по привычке. И у Тюленева, как ни ряди, была та же конармейская закваска. В нынешней войне использовались механизированные и танковые части, авиация, реактивные установки. Возможности радиосвязи – от командующего дивизией вплоть до командира взвода – позволяли руководить ходом сражения и моментально принимать тактические решения. Эта война стала во много раз динамичней и сложнее, чем прежние. И предъявлять коннице такие же требования, как танковому полку, несправедливо. Ведь и командующий фронтом, и он сам, генерал-лейтенант Масленников, далеко не ангелы, – оба положили в оборонительных сражениях не полки, а дивизии. Сполна познали, что такое вра-

жеские танковые «клещи» и окружение. Тюленев удерживал фронт в Молдавии и на южной Украине, а он со своей 39-й армией стоял насмерть в районе Холм-Жирковского. И оба потерпели жестокие поражения, и обоих, тяжело раненных, успели вывезти самолетами в тыл.

«Военная наука – суворовская наука побеждать, – неторопливо размышлял Масленников. – Учился я на кавалерийских курсах, в коммунистическом университете, в академии. Много усвоил. Вместе с человечеством менялось вооружение. А назначение русского воинства одно и то же – защита родины и ее интересов. Каков ты человек, таков и воин. Но прежде всего, осознание того, чему служишь. Только из личного опыта узнаешь, как разительно отличаются ощущения в бою. Одно – когда ты просто рядовой, а совершенно другое, когда несешь ответственность за жизнь многих бойцов, а теперь – тысяч. Именно она руководит поступками настоящего офицера, смысл которых в достижении результата при минимальных потерях. Это в теории. А на войне всё гораздо суровей. Боевая обстановка требует решения задач, часто страшных. Приходится давать тяжелые приказы. Посылать бойцов в пекло. Потому у самого душа в шрамах... Честь офицера – это право смотреть подчиненным в глаза. Меня никогда не прельщала погоня за наградами. Просто не мыслю себя без армии. Потому что осознаешь здесь, как необходим Родине, что должен, хоть ценой своей жизни, отстоять ее от врага. И девять моих ранений за годы службы – не в счет. Солдат без ранения – полсолдата...»

Трофейный «Опель» подъехал к штабному шлагбауму. Командир охранения, узнав машину коман-

дующего, подошел и козырнул. Сидевший сзади адъютант выскользнул в открытую дверь. Масленников поймал себя на мысли, что накатили эти долгие раздумья потому, что до сих пор таилось в душе волнение от встречи со Сталиным. Впервые увидел его близко. Живого человека, а не памятник, – с рябоватым лицом, умным сверлящим взглядом. И ощутил силу его убежденности в правоте действий, несокрушимую волю. Конечно, колени не дрожали, однако дух при разговоре с Верховным Главнокомандующим занялся...

19-го ноября началась широкомасштабная операция советских войск по окружению врага под Сталинградом. Это потребовало от Тюленева приступить к наступлению на основных направлениях Закавказского фронта, чтобы не дать возможности усилить группировку Паулюса дивизиями 1-й танковой армии. В тот же день он направил приказ № 001129/оп начальнику тыла своего штаба:

«На основе указаний Ставки.

1. Формирование Конной армии приостановить.

2. Вместо Конной армии немедленно приступить к формированию двух кавкорпусов: один корпус в составе 9-й, 10-й гвардейских кавдивизий и 30-й кавалерийской дивизии; другой корпус в составе 11-й, 12-й гвардейских кавдивизий и 63-й кавалерийской дивизии».

12

Радость огромная, как летняя зорька, захватила врасплох. Ночью в оконце, возле которого стоял топчан, постучали. Ефросинья припала лбом к стеклу и испугалась, близко увидев мужское усатое лицо, но через мгновение узнала двоюродного брата.

Лешка ждал за углом дома, пока не раздался звяк отброшенного с петли крючка. Он бесшумно вошел в коридор, опавнув морозным воздухом и запахом лошади. Тотчас предупредил:

– В дом не зайду. Коня поставил в сарай. А я переднюю в сеннике. Принеси туда тулуп и горячего чаю. И скажи своим, чтоб ко мне не совались... Ну, а теперь, Фроська, не сдурей от счастья... Нашелся Борис в корпусе казачьем. Письмо привез. Специально заезжал... – и он вынул из внутреннего кармана бешмета скрученный в трубочку тетрадный лист, в котором хранилось послание.

Ефросинью будто ливнем горячим окатило! Она не могла вот так сразу поверить словам Лешки. Это было неправдоподобно. Или не так поняла. Зная брата, вравшего напропалую, потерянно прошептала:

– Ты... серьезно?

– Не до шуток... Читай! А за мной гнался немецкий дозор, казаки-предатели. Еле оторвался...

Ефросинья проводила Лешку и дрожащими руками развернула тонкий листик папиросной бумаги, пахнувший самосадом, и прижала его к щеке, ощутив, как повлажнели глаза. От такой радости она давно отвыкла, и не знала, как выразить переполнявшее ее душу безудержное волнение, и заполошно метнулась из коридора на застекленную веранду, и – обратно, оттуда впорхнула в дом, зажгла в горнице коптящий жирник. На измят бумаге с трудом читались слова, бледно написанные простым карандашом.

«Здравствуйте, дорогие отец, Фрося и Павлуша!

Я здоров и бью фашистов вместе с кубанцами. Был в разведке, а недавно стал командиром сабель-

ного отделения. Недолго немцам осталось топтать нашу терскую землю. Если получится, заскочу домой, хоть на минуту. Очень переживаю за вас. Фрося, ты мне приснилась всего один раз. А твою фотографию в госпитале украли. Наверно, решили, что артистка. Нет тебя красивей и любимей! В минуты боя не раз чувствовал, вроде бы ты находишься рядом...

Целую. Ждите домой! Борис».

Ефросинья полетела в спальню и растолкала хворавшего Луку Фомича, тот вскинулся: «А? Что?», – она протянула письмо и сообщила о приезде Лешки. Свекор, кряхтя, сел на кровати, перекрестился. Минуту сопел, не в силах побороть нахлынувшего смутения.

– Значится, уберегла царица Небесная... – бормотал он расстрогано. – Я ей, Заступнице, и Святому Георгию кажин день по пять раз молитвы читал. А Спасителю – без счету... – Лука Фомич стал, шелестя, перебирать пальцами папиросную бумагу, точно убеждаясь в том, что наяву получил весточку от живого сына. Потом поднял голову, рукавом исподницы промокнул глаза. От избытка счастья Ефросинья только и сказала:

– А вы, батя, сомневались.

Лука Фомич вздохнул и бодрим уже голосом распорядился:

– Ты, Ефросюшка, заруби петуха. Всё равно дела от него нет. Курицы нестись перестали. Давай отметим! Считаю, воскрес Борька...

В полдень в Пьяный курган въехала конная сотня из полка Юнгшульца. Ее командир, бывший терский казачий офицер, хорунжий Кравченко, проехал в центр хутора, где находились Управа и школа.

Ее он занял под временную казарму, а посыльных направил по дворам, чтобы нашли жилье для тех, кому не хватило места. Среди казаков были родственники здешних жителей, и они отпросились повидаться с ними.

Ефросинья доваривала шулюм, когда на улице послышалось понуканье, мужские голоса и перебор копыт. У нее оборвалось сердце. Неужели Лешку выследили! Свекор, лежа на кровати, лечил горячим кирпичом спину. Профессор с Аликом и Иваном пилили в саду дрова. Дина у тетки Василисы резала на засолку капусту. Страх бросил Ефросинью в зал, через тюлевую занавеску она глянула во двор. И ахнула от удивления: в калитку вошел ни кто иной, как ее родной дед! Митрофан Антонович, рослый, седобородый, с широко расставленными цепкими глазами, твердо и размеренно попирал землю своими огромными сапогами и оглядывал дом. На нем была серая папаха с черной ромбической нашивкой и полушубок, перетянутый армейским поясом, на котором болтались ножны с шашкой, и висела кобура маузера. Сопровождал его кавалерист помоложе, в немецкой шинели и кубанке, тоже с шашкой на поясе.

– Батя, мой дед приехал! – заглянув в спальню, растерянно вымолвила Ефросинья. – Он с немцем каким-то...

– Иди встречай! А я зараз...

Митрофан Антонович, пригнув голову, уже входил в горницу и прямым взглядом, испытующе смотрел на идущую к нему внучку.

– Здорово дневала, хозяйка! – шутливо пробасил гость, останавливаясь и разводя руки. – Пустишь на ночевку? А сват дома?

– Слава богу, дедушка! – отозвалась по-казачьи Ефросинья и обняла старика. От форменной одежды исходила морозная свежесть, пахло овчиной, лошадью и ружейным маслом. – Сейчас Фомич выйдет.

Она взяла из рук гостя папаху и, по традиции поклонившись, повесила на крюк вешалки. И, не сдержавшись, снова припала к его груди. Дедушка осторожно погладил ее по коротким волосам, поинтересовался:

– По какой причине лишилась прически? Али хворала?

– Нет, это чтоб мужики не зарились. Вы давно из дому? Как мама и Павлуша?

Митрофан Антонович, будто не слыша вопроса, сдвинул лохматые брови.

– И правильно! Волосы поднимутся, а честь не вернешь. Да... Со мной Микитка, подручный. В казачьей сотне я вроде старейшины при командире... Смотрю, стряпаешься. Шулюмом за версту разит! Мать двигается, и Панька при ней. Баловник – на голове ходит. Но не дюже! Ремня боится. Ударился твои книжки читать...

– Вы как знали, когда надо приехать. Прямо к столу! – захопотала Ефросинья, принимая от деда полущубок и тяжелый ремень с шашкой в ножнах и кобурой. А маузер он, по армейской привычке, положил на стол под правую руку. И стал с любопытством осматривать стены, на которых пестрели самотканые ковры и чинно висели в деревянных рамках старинные фотографии. На них изображена была родня, и Митрофан Антонович с удовлетворением рассматривал лица бравых терцев и их чернобровых жен с многочисленными детьми.

И хотя держался приезжий раскрепощенно, от Ефросиньи не укрылась его некая подавленность. Всё неприятней становилось ей, что дед вместе с немцами. В ее сознании никак не укладывалось, как мог пойти он, чистокровный казак, на службу к проклятым оккупантам.

Лука Фомич, принаряженный в праздничные суконные штаны и в казачий черный китель, шаркающей походкой вышел из спальни.

– С приездом, дорогой сваток! Рады тебе, – приветствовал он гостя. – Сколько разов приглашал! Наконец послушал... Или ты мимоходом? Никак снова погоны надел?

Митрофан Антонович сделал шаг навстречу и заулыбался, обмениваясь с хозяином рукопожатием. Они не виделись более двух месяцев, многое изменивших в судьбе каждого, и перекинулись пытливыми взглядами. Хозяин сдержанно бросил стоявшему в немецкой форме казаку:

– Раздевайся, служивый. Места хватает.

– Здесь ему делать нечего, – перебил Митрофан Антонович и грузно сел на лавку. – Ты покажи, сват, куда поставить лошадей... Казак Васькин! Уберешься, напоишь и дашь по гарнцу фуража. Переночуешь с дружкой своим, вором из Железноводска. А сенцом, сват, богат?

– Выручу! Запасся с мая.

Хозяин с ординарцем вышли, и Митрофан Антонович, оставшись наедине с внучкой, как-то отмяк, потеплел взглядом.

– Давно не видал тебя, внученька... Эх, такая красота! И где пропадает?! А по уму ты в директорах школы должна быть! А то и выше... Превратилась в хуторскую бабу... Слушай, кровиночка... Давай я

тебя домой заберу. Сынок твой там, мать родная. Отпрошусь у хорунжего, отпустит. Решайся!

Ефросинья сняла большую кастрюлю с печи, поставила ее на припечек и сдвинула вьюшку. Подошла и села на лавку рядом, сложив на коленях руки.

– Вы меня учили быть в доме хозяйкой. Как же я свекра брошу? А троих приемышей? Навязали из НКВД. Дети хорошие. А еще профессор приبلудился. И тоже бездомного человека не выгонишь...

– Вся ты в мать свою, той тоже котенка жалко. А зараз бойня великая! И кто ты есть в этой буре? Пылинка! Ты о себе и о дите собственном думай. Всем мил не будешь... Поехали в станицу! Светской жизнью заживешь...

– Дедушка, у меня – семья, муж. И мой дом теперь – этот, – примирительно объяснила Ефросинья.

Старик со вздохом посмотрел на нее и, раздув ноздри, бросил сжатую пятерню на стол. Помолчал. Суровые глаза продернула тяжелая покаянная хмарь.

– Влип я, Фрося, в эту сотню. Только тебе одной откроюсь... На старости лет казакою. А почему? Заехал ко мне атаман ессентукский, Кулаков, знакомец давний. Без ног, на костылях. Стал разжигать прошлым, про поруганное терское казачество напомнил. А после поп в газетке воззвание напечатал. Призвал именем Господа за Гитлера воевать. Вот я и клюнул, как карась... Костя Кравченко, наш, горячеводский, 2-ю Терскую сотню сбил. Меня в совет стариков выбрали. Думал, там терцы без подмеса, а набрался сброд. Есть такие, как я, обиженные советской властью. А больше – урки, дезертиры. И просто сволочи...

– Так уходи от них, деда! Чего ты ждешь? Возвращайся домой. В твои ли года воевать?! И с кем связался... Это же немецкие прихвостни! – у Ефросиньи возбужденно и горестно замерцали глаза. – Всем сердцем прошу, дедушка, родненький...

За окном вились мотыльки снежинок. Опушью покрылись мелкие веточки надворного кизила. Неожиданное явление зимушки приковало угрюмый стариковский взгляд.

– И на старуху бывает проруха. Не привычный я, как трясогузка, хвостом дергать и бегать туда-сюда, – с болью проговорил Митрофан Антонович. – Продержусь трошки, а там прояснится... Чую, просто так не расстанемся. Найдет коса на камень. А меня ты знаешь...

13

Снегопад, набрав силу, белил землю и деревья, камышовые крыши дворовых построек. В горнице посветлело. И вскоре Лука Фомич привел пожилого мужика, по-бабьи повязавшего голову платком, с умным взглядом и благородной бородкой. Узнав, что это ленинградский профессор, Митрофан Антонович ободрился, вспомнил молодость и службу в конвое Его Императорского Величества. А свекор передал Ефросинье, что тетка Василиса, стряпавшая олады, позвала детей к себе на ужин и заодно поиграть в лото и, скорей всего, они будут ждать ее там на ночевку.

Хозяин занял за столом место виночерпия, а старики сели напротив друг друга и завели оживленный разговор о Петербурге. Митрофан Антонович, встретив умного и понимающего человека, вошел в раж. Его подмывало рассказать о себе, и он, огла-

див глянцевитую вьющуюся бороду, назидательно ткнул указательным пальцем вверх.

– Санкт-Петербург – всему свету город! Столица! Я четыре годика прослужил там. Наездился по мостовым, по переулочкам, по самому Невскому проспекту. И зараз помню, где какая улица. Откуда на Дворцовую площадь али на Сенную выезжать. Али, скажем, на Обводной канал. А больше мы в Царском селе, в Петергофе стояли. Каждое лето маршем – в Крым, в Ливадию. Всего было нас по две сотни терцев и кубанцев. А командовал истый генерал Георгий Иванович Трубецкой. Царь не миловал донцов за их бунтарей – Степку и Пугача. Насмотрелся я на постах в Петергофе на фрейлин, дам разнаряженных и сановников с лентами через плечо. Инструкцию у нас наизусть спрашивали.

Митрофан Антонович строго оглядел сидевших за столом, приложил руку к виску и, как заведенный, завел гнусавым голосом:

– «В часы катанья Их Величеств и Августейших детей, днем и вечером, казаки на всех постах стануются на свои наблюдательные пункты и внимательно ожидают проезда их Величеств, дабы затем сопровождать Их. В вышеуказанные часы следует сопровождать Государя и Государыню, во все же остальные часы службы на постах – Августейших детей. Казак, вступая на пост, обязан прежде всего осмотреть мосты, канавы, прилегающие к дороге, охраняемого им участка, кусты...»

– Я уже слышал, сваток.

– А ученому человеку – полезно знать! – оборвал его Митрофан Антонович. – Форма была на загляденье! Для простой службы – синяя черкеска с красной отделкой и бешметом, а парадная – красные

черкески с белым бешметом. Шашка, кинжал и газыри в серебре. На плечах – красный шнур с эмблемой государя. Папахи с красным верхом и медными ленточками в честь того, как терцы громили турок в Болгарии.

– А в чем, собственно, состояла служба? – поинтересовался профессор, поправляя очки.

– Одно слово – Конвой! Охраняли их Величеств и детишек, несли караулы, в парадах участвовали и в молебнах. Приходилось и на балах бывать! Барышни конфетами угощали, а нам брать не полагалось. Я в лицо знал полдворца. Правда, школили нас урядники и старший офицер Конвоя на отделку. Гоняли в строю по шесть часов церемониальным шагом. Учения по стрельбе и скачки частенько устраивали. Зато – почет от царя-батюшки. А кормили нас – по культурному сказать, – дюже деликатно. Роскошные эти блюда назывались деликатесом...

Профессор не сдержал улыбки, и Митрофан Антонович, восприняв ее как поощрение, сжал кулак, похвастал:

– С конвойцами на Пасху император беспрерывно христосовался, лично жал вот эту самую руку!

Ефросинья за компанию пригубила вина. И, когда шулом настоялся, стала разливать его по тарелкам и разносить. От кастрюли поднимался парок, исходил аромат укропа и лука. Она с детства слышала рассказы деда о службе и не вникала в то, о чем шла речь за столом. Ее мысли тянулись к мужу. Наверно, оттого что много раз прочла письмо, он представлялся явственно, вспомнила даже маленькую родинку на его шее. Ефросинье с новой силой хотелось жить будущим, несмотря на неволю и непреходящий страх. Это ощущение стало повсед-

невным, и откуда придет беда, оставалось лишь догадываться. Ей в этот час верилось, что Борис побывает дома. Всё, что он замышлял, у него получалось...

После первого стакана, неторопливо черпая из тарелок, закусили наваристым супом. Ефросинья подала куски петушатины с вареной картошкой. Снова выпили. И, ощутив наступающую сытость, продолжили разговор.

– А как ты, Митрофан, под немецкий флаг встал? Должно, заставили? – наконец решился спросить хозяин, мучимый этим неотвратимым вопросом.

– Угадал. Напенили в казачьей Управе, – вступай да вступай. Оно и назревало... Ты в Гражданскую, считай, дома отсиделся. А я воевал, от Невинномысской в двадцатом отступал с боями. Та рана до се на душе не рубцуется... Много кровушки комиссары из казачьих жил выпустили, дюже много принесли горя и бед. Станицами выселяли! Стариков и детей голодом морили. Выгоняли на мороз и запрещали станичникам впускать их в дома. Насмерть младенцы замерзали! Двадцать тыщ терцев в чужие края отправили, а в хаты их ингушей и чеченцев заселили... Да ты и сам ведаешь про расправы! Растоптали коммунисты терское казачество! Крест на нем поставили. Двести лет служили мы Отечеству верой и правдой, геройски служили, а большевикам стали ненавистны. Вот и пришел час поквитаться! Свергнуть их надо к едрене Фене!

– А пристало тебе, сваток, на боевом коне гарцевать? Ноне ты здоровый, а на ночь, как у меня, спина напополам раскалывается.

– Трошки поздновато. Согласен. Только, как говорит сотенный, за каждый год советской власти

ты должен уничтожить по одному большевику. И возродить Терское войско! Две созданные сотни и показывают пример. Первая – Кулакова, вторая наша – Кравченко.

– Так. Вы на этой стороне, с немцами, а кто на другой? Напомню. Борька, муж твоей внучки. Еще внук твой – Лешка. Какие это комиссары? Сколько во всей Красной Армии терцев? На своих же внуков, сват, шашку занес! – обезоруживающе заключил Лука Фомич. – Давай лучше чихиря выпьем.

– Спаси Господь!

Поставив опустошенный стакан на стол, Митрофан Антонович достал из внутреннего кармана черкески аккуратно сложенную газету.

– Ты, сват, верующий. Держу для агитации казаков «Пятигорское эхо», двадцать седьмое сентября. В праздник Воздвижения пропечатали в ней воззвание архиепископа Николая, – Митрофан Антонович, далеко отнеся от себя газету, начал читать по слогам. – «По благодати священства, данной мне от Бога в хиротонии...» Это дальше... Вот! «9-го августа сего года настало у нас воскресенье не только как день воспоминания о Воскресении Христа, но Воскресения всей жизни Церкви и веры жителей Кавказа вообще. Кому мы обязаны этим? Освободителю народов Адольфу Гитлеру и непобедимой Германской армии, вошедшей в наш город. Не за страх, а за совесть мы отныне должны идти вместе, нога в ногу, в деле достижения успехов в победе над большевиками...»

– И слушать не хочу! – остановил Лука Фомич. – Священники праведные родному народу служат и за него Бога молят. А этот брата на брата травляет. И ты, сват, стреляный воробей, газетке

немецкой поверил? Может, архиепископ и знать не знает про то, что сан его треплют. Такое может быть? То-то и оно!.. Давай еще по единой. Да сбавим аллюр.

Гость, крайне недовольный тем, что ему не дали дочитать и высказаться, насупился. Ефросинья зажгла жирник и поставила на подоконник. Сумрак разбежался по углам. В комнате стало уютней.

Как ни старался Лука Фомич быть сдержанным, но его отношение к свату с каждым выпитым стаканом становилось неприязненней. Тому, что терский урядник подался к германцам, никаких оправданий не находилось. Дружившие, уважавшие друг друга, они фактически в один вечер стали врагами. Заметив перемену в настроении хозяина и желая разрядить обстановку, профессор стал разговорчивым.

– Как свидетельствует история, воинов чаще всего вело в бой чувство долга, даже завоеватели ставили перед собой цель. С незапамятных времен существует ритуал принятия присяги...

– Я принимал ее пред Царским штандартом! – пробасил Митрофан Антонович. – Перед Конвоем и государем! Клялся служить ему и Отечеству.

– А я – на хуторском майдане, – возразил хозяин. – И клятву держал в окопах, на войне с турками. Царя не видал и не думал о Николашке, а воевал за Россию. Власти меняются, а земля одна. И коли позарился на нее германец, то он – и мой враг. Про то в песнях спокон века поется... Может, запеснячим? А то разговор наш к пропасти свернул.

– Заводи. Ты умеешь, – кивнул захмелевший гость.

Лука Фомич без промедления, набрав полную грудь воздуха, чистым и мягким тенором затянул:

На горе стоял казак.

Он Богу молился.

За свободу, за народ

Низко поклонился.

Митрофан Антонович, забыв обиду, встрепенулся и подхватил в лад своим могучим голосиной:

А еще просил казак

Правды для народа.

Будет правда на земле –

Будет и свобода.

И снова соединенные дорогой им песней, охваченные пьяным азартом, они поднялись и вышли из-за стола на середину горницы. Раскинув руки в стороны, два старых казака то семенили по кругу, то выбрасывали ноги и старались сделать танцевальные коленца, ритмично хлопая в ладони, то, сгибая в локте, поднимали руку до уровня груди, и делали оборот, пристукивая сапогами. Им громко хлопал профессор, растроганный пением, и даже подтягивал:

Ойся, ты ойся, ты меня не бойся.

Я тебя не трону, ты не беспокойся!

Пользуясь моментом, Ефросинья отнесла тетке Василисе шулюма и провела детей. На обратном пути остановилась у сенника, прислушиваясь и поглядывая на чужих лошадей, поставленных под навес. В снежной тишине слышался каждый шорох. Ефросинья отворила дверь, вошла в духовитую темноту.

– Ты, сестра? – окликнул Алексей.

– Слышишь, поют?

– Твой свекор на минуту заскочил, сказал мне про деда. Еле сдержался! Хотел выбежать и в морду предателю плюнуть...

– На улице тихо. Никого не видно.

– Значит, мне пора. Задерживаться нельзя. Принеси в дорогу пышку и орехов лущеных. Напои вороного.

– Ладно. Вот как, Леша... Твой конь и дедов на одном дворе. И вы рядом, а как враги...

– Он и твой теперь враг! И жалеть его я не стану! Спятил на старости лет. Фамилию нашу опозорил, гад!

– Ответ передашь Боре?

– Только имен не пиши.

Пели казаки долго. Профессор слушал и восхищенно восклицал. И... в одну минуту уснул, опершись головой о стену. А старые ухари, шатаясь, вышли на воздух «подышать», и на крыльце Митрофан Антонович так надавил на бас, что всю улицу разбудила строевая песня Лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона:

*Полным сердцем торжествуя,
Богу славу воздают,
Пред Отцом-Царем ликуя,
Терцы весело поют...
Сам своим державным словом
Он напомнил нам Кавказ,
Где с пелен в бою суровом
Жизнь воспитывала нас...*

А во дворе и в саду стоял призрачный свет, излучаемый первым снегом. Морозец калился под открывшимся звездным небом. И только траурно чернели вдалеке высокие макушки деревьев, столпившихся на терском берегу...

14

Ординарец Митрофана Антоновича чуть свет забарабанил по входной двери. Ефросинья открыла, и Никита с откровенно сальной улыбочкой скользнул по ней взглядом, юркнул в дом. Митрофан Антонович, пробудившись от стука, уже сидел на кровати босоногий, в форменных штанах и нательной рубашке, поверх которой серебрился крестик. Всклооченная седая голова казалась огромной, покрасневшие глаза похмельно тарацились, и оттого казался он свирепым. Казачок с первого взгляда понял, что урядник не совсем отрезвел, и заговорил несколько развязным тоном:

– Господин хорунжий вызывает вас!

– На кой ляд? – исподлобья зыркнул великан. – Выступаем?

– Никак нет. Требуют как старейшину на суд. Еще должны немцы подъехать. Ночью дозор поймал «краснопузого». Отстреливался, сволочь, до последнего патрона.

– Иди, готовь лошадей, – приказал Митрофан Антонович и зашлепал в зал, где перед божницей уже крестился хозяин. Он встал рядом с ним и, шевеля губами, тоже начал читать про себя молитвы утреннего чина. Ефросинья заглянула в проем двери и – заныла душа: перед Богом все равны, и каждый придет к нему в свой час...

Гость наотрез отказался от еды, попросил только крепкого чая с чабрецом. Он пил его из большой литровой кружки, время от времени круговыми движениями поднимая со дна распаренные соцветья. Как бывает после шумного пиршества, с похмелья говорить не хотелось, мысли были неповоротливые и вязкие. Лука Фомич и питерский

профессор тоже сникли, не зная о чем вести речь с угрюмым урядником, застегнувшим на все пуговицы черкеску. Выглядел он отчужденно и неприветливо.

Заметив в окно, что ординарец ведет в поводу его гнедого кабардинца, Митрофан Антонович встал, перекрестился. Повернул голову к Ефросинье, опечаленно и ласково смотревшей на него. И любимая внучка, родная кровь, вмиг поняла его, сняла с вешалки полушубок и папаху. Помогла одеться. Пояс с шашкой старый вояка сам закрепил одним точным движением. Бережно вложил маузер в кобуру из толстой бычьей кожи. Напоследок Митрофан Антонович окинул взглядом горницу, стал прощаться:

– Ну, не поминайте лихом. Как в Писании: не суди и не судим будешь. Без спотычки и конь не бежит... Должно, больше не свидимся. Война не мать родна. Спасибо за угощение. Извиняй, сват, если чем провинился перед тобой...

Он крепко тиснул руку хозяину и, сделав шаг, по-христиански трижды поцеловался с внучкой. Хотел что-то сказать, но вдруг на глазах великана выступили слезы, и он поспешно громыхнул за собой дверь. Лука Фомич, на удивленье, с прямой спиной (после ночной пляски) проводил его до ворот.

В полдень солнышко пригрело, и с открывающихся кровель застрочила капель, обманно суля весну. Ефросинья принялась за генеральную уборку в доме, призвав на помощь детей и Олега Анисимовича. Высокий рост позволял ему вытирать верх шифоньера и горки, фотографии на стенах и ризы икон. Мальчишки подмели во всех комна-

тах и вытрусил половики, а Дина помыла полы водой, в которой хозяйка по-хуторскому запарила веничек донника и полыни. И запах степи приятно наполнил чистый и как будто праздничный казачий дом.

Громкие крики на улице встревожили Луку Фомича, чистившего за коровой. Он воткнул вилы в землю и подался к воротам. Незнакомый казак и новый староста Поярков ехали верхом на лошадях по улице, созывая людей.

– Фомич! Срочно иди с невесткой на площадь. Будем казнить партизана! – прокричал староста, иногородний мужик с рябым лицом. – Кто не придет, тому по двадцать плетей!

– А то и по тридцать! – поправил его небритый, щербатый дядька в немецкой форме. На рукаве его чернел ромбический шеврон, как у свата, – с «мертвой головой» и двумя скрещенными шашками.

Лука Фомич кивнул и, оглядываясь, заковылял по двору. У него настроение упало, закралось подозрение: не Алексей ли попался? Но отогнал дурные мысли, не поверил в совпадение. И решил ничего не говорить Ефросинье. Пойдет один, а она пусть будет дома. В крайнем случае, отговорится, что хворала.

– Созывают казаков на сход, – уклончиво ответил он на вопрос снохи, видевшей в окно, как подъезжали немецкие холуи. Лука Фомич надел теплый бешмет и высокую папаху из курпея, подаренную кунаком-чеченцем. Натер до блеска хромовые сапоги.

– К обеду вернетесь? – уточнила Ефросинья.

– Как дело повернется...

От заснеженности улиц и солнечного неба разболелись глаза, и ему на ходу пришлось прикрывать их ладонью, как козырьком. Истопанная подошвами немецких служак и копытами лошадей, площадь бурела щетинками лебеды. Народу набралось негусто, в основном, старики и жители ближних дворов. В стороне, где раньше играла молодежь в волейбол, высилась рель¹². Кто-то догадался перенести один столб и вкопать его рядом с другим, а поверху прибить поперечину. С нее свисала веревочная петля. Сердце старика сжалось, он вспомнил, как на его глазах вешали «орлы» Дикой горской дивизии пареньков из пролетарского полка, как трижды лопалась гнилая веревка, и обессиливших пленников изрубали «в капусту»...

Казаки в шапках со свастикой и кавалерийских галифе, щеголяя короткими, с раструбами сапогами, выходили из открытой настежь двери школы. Терцев было не меньше полусотни. Между ними шатались и каратели в черной форме, те самые, которые расстреляли хуторян и заporоли деда Бобруся. Лука Фомич невольно продвинулся в середину толпы. Вблизи него с подавленным видом ждали расправы над партизаном Валентина Акименко, крупнотелая Дарья Портнова и ее свекор Михаил Титович. Старики встретились глазами.

– Под винтовкой нас с Дашкой пригнали, – пожаловался полчанин, шаря глазами по толпе. – К ногтю давят.

– А что за партизан, не слыхали?

¹² Рель (каз. диал.) – виселица.

– Видать, чужой. Иначе бы растрезвонили по хутору, – рассудительно сказала Дарья. – У меня от страха веки наливаются и головокруженье. Простый раз, когда куму поволокли к бугру, обмороком шибануло. И теперь... Хотя глаза завязывай!

– Кажись, ведут, – пробормотал Михаил Титович, вытягивая голову. – Должно, в Управе пытали...

С первого взгляда по фигуре и черным валяным буркам на ногах узнал Лука Фомич брата снохи. Эту малоношеную обувь, сжалившись над Лешкой, он вчера пожаловал в подарок... Узнал – и будто врос в землю. И молнией обожгло, что и его, пособника партизан, заодно повесят, если выбьют у родича признание.

Из двери школы вышел известный невысокий каратель в кожаном пальто и средних лет хорунжий, судя по казачьим погонам, выше немца на голову, неприятный, в оспинах, похожий завитыми усами на парикмахера. За ними показался сват, урядник Уваров, и еще несколько немолодых казаков.

– Ну и намучился, бедный, – жалостливо простонала Валентина. – И лица не осталось...

По всему, над пленным издевались нещадно. Голый до пояса, с опущенной окровавленной головой, он еле перебирал ногами, подгоняемый ударами прикладов в спину. В синюшных кровоподтеках и сочащихся ранах были руки и плечи, а когда на мгновенье закинулась его голова назад, все увидели заплывший большим выпуклым сгустком выбитый левый глаз. У Луки Фомича задрожали руки, подкатила тошнота. Он затосковал взглядом, скосил его в сторону, чтобы унять смятение. А когда

снова глянул на край площади, то обнаружил там казачий строй, и правофланговым в нем маячил Митрофан Антонович. По скорбному и потемневшему лицу свата Лука Фомич понял, как ему тяжело. Ведь только вчера за столом напоминал ему о Лешке...

– Казаки и бабы! – пронзительным, чуть гнусавым голосом начал командир карателей. – В прошлый раз я требовал от вас, чтобы выдали сталинских бандитов. А сегодня одного из них мы предадим казни. Доблестные казаки хорунжего Кравченко поймали подлого разбойника. Красный диверсант сознался во всём!

– Брешешь, гад, – долетел до толпы хрип измученного партизана. – Ничего я не сказал...

– Этот головорез убивал немецких солдат! За свои преступления он заслуживает жестокой казни. Он – враг фюрера и Германии! И впредь мы будем карать всякого, кто связан с бандитами!

Вдруг от казачьей шеренги отделился четким строевым шагом, взяв «под козырек», старый терский урядник. Коротышка умолк, настороженно наблюдая за ним.

– Разрешите обратиться, господин лейтенант!

– Чего тебе? – бросил он, мельком глянув на хорунжего, у которого на лице тоже стыло недоумение.

– Ваше превосходительство, я верой и правдой служил царю и воевал с большевиками. Потому пожалуйста прошу: не казнить неразумного казака! А передайте мне на поруки... Это мой внук, Алексей!

Толпа загудела. У Луки Фомича сдвоило сердце, и странно ослабели ноги, и только усилием воли он

не выдал нахлынувшего волнения. Казачий строй изломился. Немец передернул плечом, помрачнел еще больше.

– Внук? И ты, воин фюрера, осмелился за него просить...

– Так точно! – подтвердил урядник. – Великодушно прошу помиловать. Я его отучу бродяжить. Да он на себя больше наговорил, с детства кружанный...

Лейтенант нервно сдернул очки, задохнулся от гнева:

– Ты в своем уме?! Это твоя вина, старый болван! Это ты воспитал большевика. Тебя тоже надо повесить!... Хорунжий! Разжаловать эту каналью в рядовые. И провести следствие... Вон из строя!

Митрофан Антонович будто ожидал такой развязки, не смутившись, тем же чеканным шагом отошел в сторону, встал позади офицеров. Немец водрузил очки на маленький клювик и махнул рукой.

– Приступайте...

Партизана подвели к виселице. Между столбов поставили табурет. Два дюжих казака, подхватив Алексея под мышки, вздернули и поставили коленями на широкое сиденье. Дебелый их сослуживец, исполнявший обязанности палача, ослабил веревку, спустил петлю ниже. Помощники стали одевать ее на шею Алексея...

Все, кто находился на старом хуторском майдане, скрестили взгляды на месте казни. Но Лука Фомич, объятый беспомощным ужасом, взирал на своего свата. И на расстоянии чувствовал, как ему, отважному и гордому человеку, оскорбленному фрицем, было невыносимо больно. Всего в

нескольких шагах от него вешали внука. Единственного внука. Вспомнилось Луке Фомичу, как утром молились они перед образами, – и захотелось снова стать рядом, сжать руку этого мужественного терца...

Но, видно, об ином думал Митрофан Антонович. Урядник, стоя смиренно, ждал. И когда палач закрепил веревку и потащил вверх, а помощник выбил из-под ног Алексея скамейку, он выхватил шашку и коротким замахом сзади рубанул «превосходительство». Голова немца повисла на коже. Струями ударила кровь из распавшейся раны, командир карателей погиб на месте. Заостренным концом гурды рассвирепевший казачина успел достать еще фельдфебеля. Но прошитый автоматной очередью, Митрофан Антонович откачнулся и вновь занес сверкнувшую на солнце шашку. Пистолетный выстрел свалил его на землю. А потом уже, в бесчувственного, горбоносый каратель выпустил целую обойму...

На распаленном ветром закате возвращался Лука Фомич домой, изрядно выпив чихиря у Портнова Мишки, стародавнего дружка. Потрясенные произошедшим на площади, они помянули терцев-сродников. А захмелев, повели речь о турецкой войне, о боях за Карс, о молодых похождениях. Михаил Титович подбивал гостя заиграть песни, но тот отрезал: не подобает в такой день. Пообещал на днях принести своего винца и продолжить застолье.

Догорал этот скорбный день, уползал по улице и межам, по береговой луговине серыми змеиными тенями. На полдороге, в проулке Лука Фомич

остановился, обдумывая, как сообщить Ефросинье о гибели деда и брата. Он взялся руками за ствол клена и стал его покачивать, как в детстве, бездумно и размеренно. Над головой линияло небо, темнея, превращаясь в темно-лиловое. Пахло удушливой гарью. Лука Фомич глазел на меркнувшее зарево заката, ощущая лицом колкий холодеющий воздух.

– Вы что застряли, Фомич? – прозвенел женский голос позади него. – Отдыхаете? Или бабу дожидаетесь?

Он оглянулся, с ним поравнялась Валентина, румяная, навеселе. Наверняка тоже где-то лечились от пережитого страха. В ее шальных глазах мерцали бесстыжие искорки. Лука Фомич пошутил:

– А хотя бы и тебя...

– И что будем делать? Лежать на печи и ждать, пока опара поднимется? Нет уж, дядя Лука, ступайте домой. И Фросе кланяйтесь. Нехай в гости приходит. Мне сейчас Райка Кожухова встрелась. Видела из окна, говорит, как старого казака и партизана облили немцы бензином и спалили в пепел. Такую муку приняли, не дай Господь... А развеет к утру ветром – и как не бывало людей.

– Не говори так! Все люди, на свете жившие, имена имеют...

Лука Фомич, пошатываясь, пошел следом, на углу свернул к дому. Решил разговор со снохой отложить до завтра. Нехай будет в неведение и выпится, сердечная. И так гора бед свалилось на нее за эти месяцы! И на весь народ казачий православный. Он шел по застывающей земле, по деланкам снега вдоль плетня и до самого крыльца звучал

в его ушах торжественный бас Митрофана Антоновича, выводящий заветную свою песню: «Полным сердцем торжествуя, Богу славу воздают, пред Царем-Отцом ликуя, терцы весело поют...»

(Окончание следует)

Сон

Мне снилось, как девчонки
пели,
Уйдя на выгон, за село.
Их голоса в ночи звенели,
Тихонько, нежно и тепло.

О счастье пели, о любимом,
Что почему-то не идет,
И грустью, еле уловимой,
Звенел незримый хоровод.

А ночь была прохладно
чистой,
Чуть-чуть дрожали капли
звезд,
И грусть той песни
серебристой
Мне сердце трогала до слез.

И было так легко и грустно,
Так удивительно светло...

Я, видно, всюду буду русским,
Куда б меня ни занесло.

*Республика Куба,
г. Камагуэй*

**АНАТОЛИЙ
ПАВЛОВ**

Поэзия

* * *

Там, где тайна стоит на часах
У границы пространства и времени,
Поборов нетерпенье и страх,
Я прижался к холодному стремени.

Конь был белого снега белей...
Этот сгусток непостоянства
Торопился изведать скорей
Искривленное далью пространство.

– Тайна, дай отправления знак,
Дай узнать, где концы изначалий!
– Что ж, ступай! Только должен ты знать:
Бремя мудрости – бремя печали...

* * *

До чего же сердце радо,
Если всей душою ждешь
Перемены – и награда –
Долгожданный летний дождь.

Ах, какое благо – влага!
Молишь: пусть побольше льет!
Лето. Перезревший август.
Золотые соты. Мед.

И зимою бесконечной
Под морозный снежный скрип
Вдруг твои представлю плечи,
Загорелых рук изгиб.

И перед глазами снова:
Жаркий август на дворе,
Лето. Зной. И в этом зное –
Ты, как солнце в янтаре.

После грозы

Как гремела! Ах, как грохотала!
Бритвой молний грозила глазам,
Но потом утомилась, устала,
Укатилась на запад гроза.

Из-за этого ночь запоздала.
В пепле туч чуть заметна луна,
А в природе, как после скандала, –
Электрическая тишина.

Тянет с улицы влажно и странно,
Память прошлого беретит:
Пахнет женщиной, после ванны
Прикорнувшей на вашей груди.

* * *

Всё холодея, дышит в спину осень,
Напоминает: жизни срок истек...
Пора прощальный взгляд на землю бросить,
Подходит время подводить итог.

Вся жизнь прошла в волненьях и заботах,
Как большинство, трудился за гроши.
А что в итоге честно заработал?
Пустой карман да синяки души.

И в час, когда перед Отцом предстану,
Мне не за что стыдиться и краснеть,
И я смогу с достоинство и прямо
В глаза Ему, не дрогнув, посмотреть.

Долгая память

Жизнь так быстро прошла,
и хоть рано к вечерне звонить,
Но уже знобко тянет
предзимняя стынь непогоды,
И всё чаще приходится
лучших друзей хоронить,
Всё счастливее кажутся
юности нищие годы.

Время – чудо-река,
но слепа ее скорбная плоть,
Что уносит друзей,
оставляя нам лишь
пожелтевшие фотки...
Был друг рядом, и вот –
только хлеба ломоть
На граненом стакане теплеющей водки.

Когда время придет этой жизни черту подводить,
Я скажу: «Жизнь, спасибо за всё –
за морозы, за пламя,
Ну, а больше всего,
за возможность бродить и бродить
По заветным местам под названием
Долгая Память».

* * *

Стало сердцу трудно, сложно
Гнать по жилам кровь густую,
Оттого в висках безбожно
Все жестянщики лютуют.

Голова, как после пьянки,
Потно, как под кипой шерсти,
Но безжалостно киянки
Бьют и бьют по звонкой шерсти.

* * *

Ночь пахла скошенной травой
И молоком парным из кринки...
Она спросила: «Что с тобой?»
А я молчал и грыз травинку.

Ну что сказать? Я никогда
Ей не соврал... Так неужели?..
А с неба крупная звезда
Сорвалась к неизвестной цели.

Я провожал слепой полет
И машинально грыз травинку...
На речке шалый пароход
Ревел трубою под сурдинку.

Голубая свирель

Наполняю дыханьем холодный апрель,
Как пчела наполняет ячейку из воска.
Буду слушать тебя, голубая свирель,
Среди мира, больного кошмарами Босха.

Ты плывешь над землей. Я пойду за тобой,
День и ночь, словно землю с водою, мешая.
Ты мне будешь святой Вифлеемской звездой,
Чтоб дошел я до края заветного края.

Там пасется туман на траве у пруда,
А в пруду мочит косы плакучая ива.
Там ночами дрожит золотая звезда
В этой чаше вина дорогого разлива.

Бродят кони в ночном. Задремал ветерок,
Чтоб с утра облака поплотнее творожить.
Там всё любо, и горький степной полынок
Пахнет сладко и душу когтисто тревожит.

Я прилягу в траву. Голубая свирель
Будет петь мне про новые трудные версты.
Я усну, а со мной только ночь и апрель,
Только кони, да небо, да ясные звезды.

ЛЕГЕНДЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВИВАТ, КОРОЛЬ!

Как быстро уходит время. Казалось бы, совсем недавно пришла черная весть – ушел из жизни Владимир Аллахвердов. До последнего дня многие так и звали его без отчества – Володя. Потому что несмотря на звания и регалии всю жизнь оставался простым, доступным, открытым. В Ставропольском краевом академическом театре драмы имени М.Ю. Лермонтова его называли «патриархом сцены», а он, в нынешнем году отметивший восьмидесятый юбилей, так и не стал стариком. В юбилейном спектакле «Ханума» – по роли грузинский князь и жених – гордо выпрямив спину и крыльями раскинув руки, артист уверенно вел свою жизнеутверждающую «партию». Прошло полгода, а поверить, что «...уже никогда больше...» до сих пор невозможно. Для всех, кто его знал и любил – а это не только коллектив театра и родные,

ТАМАРА
ДРУЖИНИНА

Публи- цистика

близкие, друзья Аллахвердова, а можно сказать – почти весь город. Шестьдесят лет на сцене – это вам как? Зрители знали, любили его, и последние годы почти каждый новый выход его на сцену встречали аплодисментами. Ушел АКТЕР, а вместе с ним – целая театральная эпоха.

Ставрополь: семидесятые годы

Это было совсем недавно, перед Володиным юбилеем. Беру у актера, друга, партнера (соведущего по телевизионной передаче «Берегиня») интервью. Слушаю его и вспоминаю: приехав по распределению после окончания Ленинградского госуниверситета имени А.А. Жданова в Ставрополь, я с радостью открыла для себя здешний драматический театр. После замечательных ленинградских – этот не показался мне ни провинциальным, ни скучным. Живой, подвижный, экспериментирующий... В труппе мастеровитые «старики» уживались с крепкими середняками (по годам, конечно), и подпирали «конструкцию» мои ровесники – молодежь, горящая желанием сказать на сцене свое слово. Там мы и познакомились.

С высоты прожитого уверенно могу сказать: именно те годы были самыми успешными для В. Аллахвердова. «Моя профессия – сеньор из общества», «Медовый месяц комиссара полиции», «Босиком по парку», «Деревья умирают стоя» – спектакли, в которых он сыграл главные роли. Впрочем, эти годы были звездными для всего театра. Полстолетия у нас говорят о «шестидесятниках», а я «семидесятые» вспоминаю как расцвет интеллекта, ума, фантазии во всех сферах культуры. Будто неизрас-

ходованные поколениями силы в одночасье сгруппировались и вырвались на свет Божий.

К счастью, не одной мне так кажется. Философ и писатель О. Седакова называет то время «новым ренессансом». В нем созидался особый тип «творца». И этот «творец», кроме высокого профессионализма, имел «энергию гражданского мужества».

Время оптимистических надежд было связано с народившемся мощным слоем читающей интеллигенции, появлением ярких имен в литературе, музыке, театре. Репертуар Ставропольского краевого драматического театра тогда наполнили современные острые спектакли. А. Малышев поставил трагический, на разрыв аорты, спектакль «В списках не значился» по пьесе Б. Васильева; первым в стране театр показал зрителям революционную по стилю и смелую по мысли работу «Любовь, джаз и черт» Ю. Грушаса. А чего стоили поиски в музыкально-драматическом жанре?! На рок-оперу «Собаки» народ буквально валом валил; и еще была музыкально-политическая трагедия «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»...

Я задала моему другу по жизни вопрос:

– У тебя вся жизнь прошла в театре. Скажи честно, есть какие-то выводы? Зачем ВСЁ? И он ответил:

– Я сам частенько задумывался, «для чего?» Говорят, – слава!.. Разве что в молодости это греет. А со временем понимаешь, что есть куда более важные вещи...

Аллахвердов начал выходить на сцену, когда был еще студийцем, а в 1961 году, единственный из выпуска, был зачислен в труппу театра. Для характер-

ного актера с комедийным и драматическим уклоном как в классике, так и в современных спектаклях, нашлись десятки ролей. Лопе де Вега, Шеридан, Гольдони, Шекспир, Островский, Шатров, Гельман...

Особую силу театр стал набирать с приходом молодых, полных сил и идей режиссеров-очередников. Сейчас их имена известны в стране. Это М. Морейдо, В. Ткач, М. Лурье, А. Мексин... А возглавил коллектив заслуженный деятель искусств РФ А. Малышев. В. Ткач, на которого молодые артисты буквально «молились».

Однажды, кто-то по секрету сообщил Аллахвердову, что Малышев подумывает дать ему роль Лепорелло в «Дон Жуане». Но в простое был опытный актер Рыбников, и назначение не состоялось. Толком сам не зная зачем, Володя, между тем, продолжал ходить на репетиции. Слушал, наблюдал и... запоминал. Благодаря острой памяти все роли (включая женские) он выучил наизусть. Ничего в жизни не случается просто так. За две недели до премьеры Рыбников всерьез занедужил. Вот тогда-то Ткач и напомнил главному режиссеру об Аллахвердове. Тот только и спросил молодого артиста: «Сможешь подготовить роль?..» И Володя без секунды сомнения ответил: «Конечно».

На генеральной репетиции работал так, будто всё это время репетировал спектакль вместе с другими артистами, и на премьере не раз срывал аплодисменты. «Дон Жуан» на ставропольской сцене оказался долгожителем, лет десять его играли.

Тот ввод, к слову сказать, по счету был уже вторым. Первый случился, когда Володя еще учился в студии при Ставропольском краевом драматиче-

ском театре им. М.Ю. Лермонтова. Это роль одного из троицы молодых врачей в «Коллегах» В. Аксенова. (Именно Ставропольский драматический первым из театров России поставил этот спектакль на своей сцене). Кстати, задолго до триумфального шествия по стране одноименного фильма. Делал постановку режиссер Петр (в театре говорили Пьер) Дюмон. На роль Карпова был назначен опытный актер, но что-то не срослось. Приняв во внимание, что Аллахвердов хорошо играет на гитаре и поет, Володе предложили не только заменить актера, но и написать несколько песен для этого спектакля. Так появился одессит Карпов, который в исполнении В. Аллахвердова прогуливался «по набережной» с гитарой и напевал. Зритель до боли в ладонях хлопал молодому исполнителю и до хрипоты в горле бисировал. Этот спектакль долгое время считался одним из самых посещаемых.

– Я с юности любил работать по творческим заявкам, – признался во время интервью Аллахвердов. – Когда мне нравилась какая-то роль, я приходил на репетицию, сидел и смотрел. Со стороны видны все просчеты, яснее понимаешь, что надо делать. Когда спектакль был готов к выпуску, я тоже был готов. Подходил к режиссеру и говорил, а можно мне попробовать во второй состав?

Во время постановки «Короля Лира» молодому актеру досталась статусная, но мизерная роль французского короля, а он хотел играть Эдмунда. Переговорил с главным режиссером. Когда рассматривали его творческую заявку, «старики» на худсовете устроили главрежу настоящий разнос, почему так мало занимаете Аллахвердова? У него прекрас-

ный голос, хорошее лицо. Практически без репетиций Аллахвердов вошел в основной состав. Таких случаев за актерскую практику были десятки. В поставленном режиссером В.Ткачом «Протоколе одного заседания» А. Гельмана Аллахвердов переиграл почти все роли. Начал с инженера Черникова, а закончил Иссой Айзатуллиным («пуля была, а не роль»). Уже на следующий день после спектакля в газетах появились рецензии; В. Алахвердова называли гвоздем спектакля, «который держит всю интригу».

Эта музыка навсегда

Лихой журналист и поэт, мой коллега Владимир Смирнов, большую часть жизни проработавший в российской газете «Труд», как-то сознался, что не может писать статью, пока не найдет нужную мелодию. «Материал должен звучать», – говорил он. Вот и Аллахвердову мало было понять роль; чтобы почувствовать ее, он должен был «услышать» мелодию. Очевидно, это от врожденной музыкальности. В семье сызмальства детей учили музыке. Володя вспоминал, как в детстве отец брал его на свадьбы и позволял играть на национальном инструменте «кеманча». Сестра пела. Старшему брату прочили будущее выдающегося скрипача. До сих пор в семье бережно хранят переписку брата с Давидом Ойстрахом. Но все планы о консерватории перечеркнула война. Старший брат так и не вернулся с фронта. Надолго забросил инструмент и Володя. Но – прошло время, и он взял в руки циммермановскую скрипку брата, стал заново учиться играть на ней.

В спектакле «Соловьиная ночь» Аллахвердов выходил на сцену с мандолиной. Его герой, немецкий солдат, голодный, полуживой, оказавшись в плену, играл на скрипке, и становилось ясно, что ни ему, ни нашим бойцам не нужна война, зато всегда нужна музыка. В поставленном московским режиссером и признанным в стране мастером Ю. Ереминым спектакле «Герой нашего времени» Аллахвердов появляется на сцене только для того, чтобы сыграть на скрипке. Но не абы что, а – Шнитке. Зритель, затаив дыхание, слушал живую музыку.

Ставропольцы – любители театра, и сегодня помнят постоянную партнершу В. Аллахвердова Нину Антюхову, актрису одаренную, тонкую, интеллигентную. Уехав в столицу, она частенько стала появляться в разных телесериалах. Актриса с поэтическим даром и глубоким, полным обертонов голосом была его бессменной партнершей. Как-то Нина рассказала мне, что первый спектакль, в котором они с Володей встретились совсем молодыми, была сказка «Белоснежка и семь гномов».

– Володя там играл сразу двух гномов: гнома «Воскресенье» и «Исполнителя королевских желаний». Это были совершенно разные характеры. Один – оптимист и весельчак, другой — желчный злодей. Но каждый, как ни странно, был по-своему привлекателен.

Думаю, этот остро подмеченный факт не случаен. Однажды Аллахвердов, добрейший по натуре человек, признался, что любит играть отрицательные роли. «Они сложнее и острее. А главное, что даже в стопроцентных негодях можно открыть что-то неожиданное, скажем, исходную причину дурных по-

ступков. Это не оправдание. Просто никогда нельзя закрывать пути сострадания к падшим».

– В театре Аллахвердова нельзя было не заметить, – рассказывала Нина, – Играет, поет, жизнерадостен и талантлив. Валентин Ткач вначале занял нас обоих в спектакле «Одни без ангелов», а потом был «Валентин и Валентина», где Володя играл капитана Гусева. И вдруг не только мне, но всем открылся такой яркий, загадочный, красивый мужчина из мечты, которая никогда не сбывается. Володя часто выступал как музыкальный оформитель спектаклей. У нас с ним появился особый опыт: мы выходили на сцену и пели. Названия спектакля уже не помню, но, что совершенно точно, – он был о врачах. Строчка из песни, написанной Володей, так и крутится в памяти: «Порошки, порошки так бывают хороши только в случаях определенных»... А другую песню (из спектакля «Поворот колеса»), которую тоже сочинил он, я до сих пор, когда хочется поднять настроение, напеваю:

*«Жил-был Игуана-дон,
Весом в восемьдесят тонн.
Жил он вместе с птицею
Птеродактилицею,
Ничего эта птица не пела,
Лишь зубами ужасно скрипела,
И хрипела она, и стонала,
И других она песен не знала.*

– А возможно актерство на сцене без человеческого партнерства? – помнится, спросила я Нину.

– Наверное, возможно. Мы все люди, и по-разному воспринимаем друг друга. Но когда работаешь много лет, это уже почти семейная ситуация, мно-

гое успели друг другу простить и за многое друг другу благодарны. Замес общей молодости и общих шишек больше объединяет, чем разделяет.

Вместе с заслуженным артистом РФ В. Гурьевым в восьмидесятые годы они создали литературный театр «Собеседник», который, по самым скромным подсчетам, дал около тысячи концертов. Помню, с какой теплотой Гурьев говорил мне о «большой интернациональной душе» друга и коллеги. Армянин по крови, своей доброжелательностью, остроумием и контактностью он объединял пеструю, многонациональную актерскую братию. Когда в девяностых в стране начались сложности и пошли расколы, мы с ним разошлись во взглядах – во что верить, как жить, но продолжали общаться, ни на йоту не изменив дружбе».

Знаю, что в это время на Аллахвердова одна за другой лавинно обрушились беды: имею в виду трагические уходы из жизни самых близких и родных людей. Тогда он надолго оставил гитару.

Миссия – объединитель

Тридцать лет прошло, а словно вчера это было. Год 1989-й – как предвестник лихих девяностых. В театре шла подготовка к отчетно-выборной конференции. Правой рукой и реальным кандидатом на должность председателя правления СТД тогда был артист, который состоял в демократической организации Народный фронт. За него все и проголосовали. Как вдруг поднимается представитель от крайкома КПСС и объявляет, что партгруппа имеет отдельное мнение. Выбирайте кого угодно, но не участника Народного фронта; это, дескать, де-

стабилизирующая организация. Что тут началось! Конференция уже высказала свое мнение, по закону решение большинства изменить нельзя. Представитель из Москвы не могла сдержать эмоций: «Вы понимаете, – кричала она, – что вы со своими крайними разборками творите?! Это нарушение Устава СТД РФ – организации российского масштаба!»

Я присутствовала на конференции, и хорошо помню: какую бы фамилию не предлагали, большинства голосов не набирал никто. Дело двигалось к полуночи. «Караул устал!» Наконец, исполненный решимости, ныне директор театра Е. И. Луганский, встал и не сказал, а подал команду: «Всё, наговорились! Надо решать вопрос!» Именно он предложил на должность председателя СТД В. Аллахвердова, и... все до одного проголосовали «за» Володю. Обескураженный, он было попытался взять самоотвод, но вопрос закрыли.

Зато, когда стали выдвигать делегата на съезд СТД РФ в Москве, сам Аллахвердов наотрез отказался от представительской поездки и «на смерть» стоял на кандидатуре, отклоненной «партверхушкой» по политическим соображениям. Так всё и случилось. Председатель СТД РФ, народный артист СССР М. Ульянов, возмущенный партпроизволом в Ставрополе, взял «опального» артиста под свою опеку, включив его в состав Секретариата организации.

Уже на второй день руководитель культуры от крайкома партии посоветовала новому председателю СТД заменить весь штат предыдущего состава. Но Аллахвердов в очередной раз показал характер: твердо заявил, что ни одного опытного специалиста не тронет. Под его началом Ставропольское от-

деление СТД РФ уже в начале «нулевых» заявило о себе как организация, которая самодостаточна, ни у кого ничего не просит и заставляет с собой считаться. Приведу слова Володи из последнего интервью:

– Работаем по основным целям. Это помощь коллегам – старикам и молодежи, тем, кто больше всех нуждается. В девяностых отделение оказалось в безвыходном положении. Пришло грозное письмо, в котором сообщали, что находясь в здании театра, мы должны платить аренду за помещение. Кто придумал такое, до сих пор непонятно. Сам по себе этот факт – позор, безнравственность. Кому мы только не писали, ответ был один: ситуация сложная, но помочь не можем, ищите возможности. Так до сих пор и ищем. Все публичные мероприятия, которые организуем, нужны, прежде всего, чтобы расплатиться за аренду, а она с каждым годом растет. Будь то вокальный конкурс, актерские бенефисы или смотры молодежи, благотворительные спектакли... Чтобы расплатиться за аренду, ораторскую школу придумали. Приходят в нее и студенты, и работающие – от юристов до коммерсантов. Из 75 отделений СТД – наша школа единственная. Пытались перенять опыт краснодарцы, но у них так ничего и не вышло. Работает в нашем СТД (Союз театральных деятелей) также школа риторики, культуры речи и мастерства для подростков. Принимаем всех без ограничения, начиная с 14 лет.

Добавлю к этому пару случаев, где Аллахвердов проявил энергию и напор. Когда авантюристы попытались обманым путем лишить квартиры народного артиста РСФСР Б. Данильченко, он бук-

важно поднял на ноги краевую власть. И – таки добился справедливого решения. В другой раз мне как журналисту пришлось принимать участие в разборе судебного дела по иску московского критика Нателлы Башинджагян, родственницы известного архитектора Кускова, автора исторических строений в Ставрополе. Ее тоже пытались лишить прав на родительский дом. Благодаря Владимиру Мнацакановичу к разбору ситуации подключилось журналистское сообщество; в итоге запутанное и, как нам прочили, «бесперспективное дело» справедливо завершилось в пользу Нателлы Захаровны. А скольким своим коллегам, живущим далеко не роскошно, члены Ставропольского отделения СТД «выбили» надбавки к пенсиям, обеспечили бесплатные поездки на лечение в санатории СТД РФ. Для этого Аллахвердов подключал все каналы и возможности, в том числе, статус доверенного лица Президента РФ, которым он являлся в последние годы.

Про потерявшиеся награды и их «героев»

Аллахвердова знала, кажется, всю жизнь, а вот байка, которую он однажды рассказал мне, оказалась полной неожиданностью. Случилось это сразу после того, как его выбрали председателем Ставропольского отделения Союза театральных деятелей России.

– Попал я тогда в Белгород на семинар, посвященный Островскому. Собралась вся театральная Россия. Днем просматривали спектакли, а вечерами собирались в Доме актера. Однажды выходит на

сцену ведущий (как раз Буша после Рейгана выбрали президентом Соединенных Штатов). Говорит, есть предложение послать новому американскому Президенту поздравительную телеграмму. Пишите свои предложения – конкурс объявляется. Думал – хохма, розыгрыш, под это и написал свой вариант. Записки наши рассмотрели, стали по одной зачитывать. Наконец, вижу, остаются два последних варианта. От главного редактора «Театральной жизни» Олега Пивоварова и моя. Зачитывают варианты и начинают голосовать. Большая часть зала – за меня. Председателем «жюри» был актер из Малого театра. Он-то первым и поздравил меня с победой; смотрю, огромный торт несут. Ребята, с которыми я сидел за одним столом, в полном восторге. Уже отпробовав десерт, я всё-таки решил уточнить насчет телеграммы Бушу – шутка это или всерьез. И что же, оказалось: серьезнее не бывает, и телеграмма уже ушла в Штаты...

– Так что ты всё-таки написал? – сгорая от нетерпения, спросила я.

– А написал я несколько слов, – смеясь, ответил Володя: «Берегите актеров, ибо из них получают неплохие президенты». (Жюри по достоинству оценило намек на президента Рейгана как бывшего актера).

А еще из хороших актеров «получаются» «патриархи» и «короли» (сцены, конечно же).

...Как это принято в театре, в последний земной путь Аллахвердова провожали в огромном фойе театра. Горожане заняли всё пространство у входа. Те, кто не поместился на ступеньках, толпились на площадке рядом. Под аплодисменты его несли на

руках коллеги. Каждый хлопок как один общий; рефрен, будто отбивал такты музыки и слов песни, в честь скромного, никогда не претендовавшего на особое место АРТИСТА: «Виват, король, виват!», «Виват, король...»!

ОБРАЗ СТАВРОПОЛЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Ставрополь – административный, культурный центр Ставропольского края. Вырос из крепости, основанной в 1777 году на Азово-Моздокской оборонительной линии, и в короткий срок приобрел значение важного экономического центра Северного Кавказа.

В конце 18-го и в 19-м вв. путь из России на Кавказ начинался от Ставрополя, здесь происходило оформление всех дипломатических, торговых и индивидуальных передвижений. Потому известная фраза «Ставрополь – врата Кавказа» воспринимается не только как литературный образ, но и в буквальном своем значении. Несколько иначе эту же мысль выразил ставропольский поэт Геннадий Фатеев: «Твоими, Ставрополь, глазами / Глядит Россия на Кавказ». Строки стали афористическими, многие используют их в своей речи, забывая о том, что и основной

**ПЕТР ЧЕКАЛОВ
ВЕРА БЕЛИК**

Краеведение

текст стиха замечателен сам по себе. Напомним начальные две строфы:

Есть в мире город, южный город,
Частица Родины моей.
Он из полей стремится в горы,
Весь в ожерелье тополей.

Он весь теплом и светом залит,
Рекой цветов чарует нас.
Твоими, Ставрополь, глазами
Глядит Россия на Кавказ.

С великолепно оприродненным образом города, в котором можно уловить отдельные переключки с фатеевским стихотворением, встречаемся мы и в посвящении Ставрополю Александра Екимцева:

Глядит на синие просторы,
На гор серебряную цепь
Мой город, уходящий в горы,
Мой город, уходящий в степь.

В прохладе тополей могучих,
В тени каштанов вековых,
Остановился он на круче,
У туч, белее снеговых.

Остановился южный город
И отряхнул степную пыль.
Широкий плащ степных просторов
Сползает с плеч его в ковыль...

Другой известный ставропольский поэт Иван Кашпуров наполнил образ города степным духом:

Здесь по улицам ходят степенно
Продувные степные ветра,

И настоем душистого сена
Пахнет город всю ночь до утра.

Узнаваемую топонимику и элементы ставропольского городского пейзажа запечатлел Владимир Гнеушев в стихотворении «Любовь»:

И вспомнил я город, в котором
Каштаны в саду городском.
Там в улочке Первой Подгорной
Мне каждый булыжник знаком.
Там перед звонком за минуту,
Тяжелой листвой шевеля,
Сошлись у дверей института
Да так и стоят тополя...

Обратим внимание: из всего растительного мира в приведенных стихотворениях с образом Ставрополя ассоциируются в первую очередь тополя. Это не случайно, потому что еще в 1970 – 80-е гг. в нашем городе было много тополей, и эта примета находила свое отражение и в лирических посвящениях городу. Стояли они и перед главным корпусом педагогического института в начале улицы Пушкина. Впоследствии, к сожалению, их стали спиливать, не сохранились они и перед зданием пединститута.

В другом стихотворении Гнеушева «С друзьями рядом» мы снова встречаемся с узнаваемой праздничной картинкой, с ушедшими уже названиями, дорогими сердцу людей, чья молодость выпала на те же 70 – 80-е гг. прошлого столетия:

Флажков и флагов пестрые ряды,
Под ветром разворачиваясь броско,
Бегут на Комсомольские пруды,
Полощутся на горке Комсомольской.

Игорь Романов к ставропольской теме подошел своеобразно. Как и свойственно поэту-сатирику, он оставил шутивную зарисовку о краевом центре:

Посвящаю всему Мирозданию
Эту звонкую новую песнь!..
В нашем городе высятся здания,
Тротуары на улицах есть.
Есть деревья, столбы и бульвары,
И автобусы ходят насквозь.
В магазинах на полках товары
Продаются и оптом, и врозь.
Ночью окна полны электричества.
На бульварах шумит молодежь.
Бочек с пивом большое количество...
До чего же мой город хорош!

Из современных ставропольских авторов обратим внимание на стихи юной Кристины Лимановой, в которых город предстает единым живым существом:

Там, где новою жизнью дышит рассвет и закат
ожиданием полон,
Разместился однажды в сплетении лет мой
любимый и светлый город.
Он под крыльями Ангела гордо стоит и всегда
остаётся молод.
А дыханьем своим расцветает в других, забирая
и боль, и холод.
Убаюкает всех колыбельной зарей и разбудит
звонком колокольным.
Этот город мне мил, потому что он мой и здесь
жить хорошо и привольно.

Эти стихи уникальны не только тем, что написаны школьницей-старшеклассницей, но и по той причине, что никто из ставропольских поэтов не посвящал строки своему городу столь длинным 7-стопным анапестом! Трудно даже представить, что кто-либо из них когда-либо обращался к такой форме и по другой тематике.

Из поэтов-классиков раньше всех Ставрополь в своих произведениях упомянул Пушкин. Он останавливался в нашем городе дважды: в 1820-м, во время первой своей ссылки, и в 1829 году. И вот в очерке «Путешествие в Арзрум» он писал: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры тому ровно девять лет назад. Они были всё те же, всё на том же месте. Это снежные вершины Кавказской цепи».

Обратим внимание: маячившие на дальнем горизонте вершины снежных гор поэт воспринял за белые облака, и лишь затем пришло осознание, что это – не облака, а горы.

Тот факт, что вслед за Пушкиным в Ставрополе неоднократно бывал Лермонтов, знают, наверно, все. Он не оставил описания города, но дважды воспроизвел его название в романе «Герой нашего времени»: первый раз в повести «Бэла», когда автор-рассказчик спрашивает Максима Максимыча: «Вы верно едете в Ставрополь?», «Так-с точно... С казенными вещами», – отвечает штабс-капитан.

И в «Княжне Мери» упоминается не название даже, а только первая буква: «Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи». Под «С» подразумевается Ставрополь, именно здесь автор встретил Мейера, прототипа Вернера.

Переходя к образу Ставрополя в прозе, думается, есть смысл расположить материал в соответствии с хронологией не литературных, а исторических событий, связанных с городом. Возьмем за точку отсчета его возникновение. Художественное отражение этого момента зафиксировано в романе В.П. Бутенко «Кавказский набат»:

«22 октября, в праздник иконы Казанской Божьей матери, хоперские казаки и драгуны Владимирского полка, одолев затяжной склон, разбили бивак на вершине горы, где предстояло заложить Московскую крепость. (Московская крепость впоследствии получила название Ставропольской). Несмотря на церковный праздник, полковник Шульц приказал приступить к работам. Хоперцам предстояло пилить и рубить деревья. Они стояли непреступной стеной. И, действительно, сколько обозревал глаз, – и на севере, где урочище смыкалось с долиной речки Ташлы, и на юге, загражденном холмами, и вокруг вершины простирались вековые древостой. Росли здесь в изобилии буки, орехи, дубы, липы. Тесными полчищами стояли темноствольные грабы и клены. И недаром древесный массив, раскинувшийся по склонам плато, посреди степного простора, был назван Черным лесом. Вблизи него, с горных вершин, начинались русла рек, в том числе Егорлыка, вдоль которого предстояло еще заложить две крепости».

И начало освоения земли под будущую крепость знаменуется образом первого спиленного дерева: «Старая липа, между тем, поддавалась, и напил на стволе поминутно углублялся... Наконец, дерево слегка качнулось. Расторопно подбежавшие драгуны в несколько рук надавили на ствол. И высокая,

в золотистой накидке из листьев, красавица липа, прощально махнув небу верхушкой, рухнула на землю, с нарастающим треском обламывая соседние деревья. Простора на поляне прибавилось».

Небезынтересно отметить, что наряду с домом для офицеров полковник В. Шульц, непосредственно руководивший строительством Ставропольской крепости и ставший первым ее комендантом, распорядился начать строительство с обозного сарая, конюшни и гауптвахты. (Гауптвахта – место, где провинившийся военнослужащий отбывает наказание за какой-либо проступок). Будучи немцем по происхождению, Шульц требовал неукоснительной дисциплины и считал, что добиться ее можно только страхом перед гауптвахтой. Любопытно при этом, что в разряд первоочередных задач не входило строительство жилья для рядовых солдат и казаков. Было решено, что они люди закаленные и как-нибудь перезимуют в землянках и палатках.

Этот же момент – начало освоения земли под Ставропольскую крепость – нашло художественное воплощение и в книге Иоакима Кузнецова «Крепость в степи»: «На опушке Черного леса стояли ряды палаток и шалашей, горели костры, варили ужин, слышался веселый говор и смех. Первые поселенцы, одетые в военную форму, начали обживать ставропольскую землю, прокладывая на ней первые тропки...»

Здесь же описывается благодарственный молебен в честь закладки первого камня крепости. Происходило это так: был определен центр будущей крепости, и там выкопана яма, в нее положили вытесанный из камня крест и засыпали землей. При этом полковой священник пропел густым басом:

«По велению Господа нашего закладывается сей символ в твердь земли русской! Да будет сие место нерушимо, благодатно и счастливо!..»

И вот уже люди принялись за расчистку места от леса: «На небольшом участке горки люди как муравьи на растревоженной куче. В воздухе стук топоров, звон пил, тяжелые вздохи падающих деревьев». Растут штабеля пахнущих свежим соком бревен, плотники мастерят заготовки для стен сараев и казарм, пилят на высоких козлах доски. Другая часть людей роет траншеи под фундаменты зданий, крепостной стены, возводят ров и вал... Так начинается строительство Ставропольской крепости, и уже к следующей осени были готовы крепостная стена, конюшни, кузни, слесарная изба, артиллерийский склад, пороховой погреб, гауптвахта. Неподалеку от крепости казаки возводили избы, и со временем выросли две улочки: Хоперская и Казачья.

В книге И. Кузнецова нашла свое отражение Бабина роща (ныне – Центральный парк культуры), названная «зеленым сердцем города» (великолепная метафора!): «Вековые дубы, ясени, буки, белолістка и клены. В тенистых аллеях бодрящая и освежающая прохлада. Скамеечки и танцевальная площадка. Чистота. Старые разлапистые, начавшие подгнивать деревья срезались, на их место высаживались молодые. Во всем чувствовалась заботливая хозяйская рука».

Именно здесь, возле родника Желобовка Пушкин объясняется в любви Марии Раевской. И затем, чтобы читатель ясно представил описываемое место, автор дает современное описание его: «На том месте <...> теперь сооружены два водоема, разделенные дамбой и железным мостиком. В верхнем

– островок посередине искусно образован, на нем три дуба-брата стоят, а вокруг островка два лебедя плавают...»

Относительно начала 1830-х гг. Ставрополь в книге И. Кузнецова характеризуется таким образом: «Если днем в городе кипела жизнь, то с наступлением вечерних сумерек замирала. Ставрополь погружался в темноту. Тусклыми желтоватыми пятнами мерцали окна домов, там большею частью горели стеариновые свечи производства местного завода; только в купеческих, крупных военных и гражданских чинов областного правления – роскошь: ярко пылали десятилинейные лампы, заправленные прованским маслом в смеси со спиртом. Театра не было. Газет не читали. О политике не рассуждали».

В «Крепости в степи» описана и двухэтажная гостиница Найтаки, расположившаяся в центре Николаевского проспекта. По одной ее примете это здание можно узнать и сейчас: «Со второго этажа на улицу выходит просторный балкон, сооруженный на высоких, вылитых из чугуна, столбиках и обнесенный сверху ажурной железной решеткой»...

Интересно проследить в книге историю Николаевского проспекта (нынешний проспект Карла Маркса). В 1840-е гг. он выглядел таким образом: «Посередине между северной и южной дорогами, тянулся пустырь, заросший бурьяном в рост человека – обиталище бездомных собак, бродяг и пьяниц. И это на самой главной улице областного центра. Да и обе проезжие части дорог не замощены, в ненастье сплошная грязь – не пройти, не проехать».

Считая такое положение позором, градоначальник Устинов подрядил артель мужиков, и они за

месяц очистили от бурьяна срединную часть проспекта, выровняли землю под пешеходную дорожку, засыпали ее песком, посадили по бокам молодые акации, поставили скамейки. «Получился бульвар, правда, не на весь проспект, а только лишь на верхнюю часть его... Вместо захламленного пустыря поднялись молодые стройные зеленые акации, посаженные в две строгие шеренги, лента желтого речного песка, плотно утрамбованного на прогулочной дорожке, скамейки, выкрашенные красной, голубой и оранжевой краской. Самую многолюдную центральную улицу города украсил чистенький, уютный сквер, который манил к себе людей, располагал к отдыху».

В повести Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» город представлен глазами приближающегося к нему созерцателя: «Завиделся Ставрополь. В продолжении семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особенно после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов – прекрасный вид!» Но вскоре общий благоприятный вид издали сменится на его противоположность: «Вы въехали – какая пустота! Ни одного порядочного здания! Всё мелочно и низко, корчит величие – жалко и смешно смотреть! Тут не заметите ни торговли, ни промышленности».

Автор отмечает, что, кроме служащих, подрядчиков и мелочных торговцев, иных жителей в городе почти нет, а им никакого изящества и искусства не нужно, их потребности вполне удовлетворяются мясным рядом, винным погребом, суконной да мелочной лавками.

В повести И.Д. Сургучева «Губернатор» нашли свое отражение многие ставропольские места начала XX века: Ташлянское предместье, Архиерейское подворье, Кафедральная гора, электрическая станция, здание полиции с пожарной каланчой, Воронцовский сад и т.д. Вид города со стороны железнодорожного вокзала представлен сквозь призму видения губернатора: «Впереди, в гору, шла улица с электрическими фонарями, магазинами, трехэтажными домами, окружным судом, направо – дремал густой, зеленый бульвар». К образу бульвара автор будет возвращаться неоднократно, подчеркивая его сходство с длинным садом, отмечая темно-коричневые камни мостовой, казавшиеся отлакированными после прошедшего дождя. А в другом месте утренний бульвар соотносится с огромным, густым лесом, дышащим густым, душистым дыханием. Говоря о вечернем городе, автор снова возвращается к любимому месту: «Город закрывал свои магазины, тушил огни, уходил в театры, кинематографы, а на бульвар сходились осторожные парочки, садились на низеньких скамьях, стараясь спрятаться от лунных пятен, шептались о любви и крепко, беззвучно целовались». Данная картина – вневременная: меняются эпохи, а бульвар и влюбленные пары остаются неизменно.

Свое место в повести занимает губернаторский дом (здание нынешней мэрии из красного кирпича на пр. Карла Маркса): «Большой, двухэтажный, выстроенный в 1876 г. с прекрасными, строгими зеркальными окнами, балконом, который поддерживали четыре согнувшиеся гипсовые женщины».

В советское время был надстроен еще один, третий, этаж, гармонирующий с общим стилем постройки конца 19 века.

В романе Ю.Г. Слепухина «Тьма в полдень» в образе города Энска синтезируются два реальных города: Ставрополь и Проскуров. И здесь проглядывают узнаваемые места, тот же бульвар, на который выходят окна дома одной из героинь: «Бульвар был действительно красив. Заиндевелые, густо опушенные снегом ветви, резко освещенные белыми фонарями, сияющим сказочным узором, были врезаны в угольно-черное небо».

В своем романе Слепухин засвидетельствовал бомбардировку города 3 августа 1942 г.: «С бешеным свистом и воем прошел самолет совсем низко, и прямо над ними, как показалось всем – потом второй, третий; сухой и деловитый звук пулеметов каким-то странным диссонансом вплелся в этот разнузданный ураган звуков».

В трилогии Владимира Бутенко «Казачий алтарь» предместья Ставрополя в период оккупации города немецкими войсками (с августа 1942 по январь 1943 гг.) представлены так: «Приметы отпыхавших боев угадывались повсюду. Чернели пепелища нив и скирд, воронки от бомб, окопы. На возвышенности – битая техника: искореженная пушка, сгоревшие до колесных рам автомашины, два немецких танка. У ближнего, наполовину обугленного, не было гусениц. А со второго, скорей всего, прямым попаданием броневой снаряды сорвало башню».

Здесь же упоминаются Верхний и Нижний рынки, Таманский лес, Андреевская церковь, улицы Достоевского (Дзержинского), Нестеровская (Советская), Главный проспект (пр. Карла Маркса).

Послевоенный город с высоты птичьего полета запечатлел Семен Бабаевский в романе «Кавалер

Золотой Звезды». Главный герой, Сергей Тутаринов, летевший самолетом из Пятигорска в краевой центр, увидел его таким: «На горизонте показалось что-то белое – не то полотно, растянутое для сушки длинными полосами, не то стая гусей, слетевшая на пригорок. Когда же самолет подлетел ближе, Сергей увидел не полотно, и не гусей, а белые дома; они потянулись вдоль улиц, разбежались во все стороны, утопая в пышных кустах зелени, стройных рядах тополей...».

Глазами того же Тутаринова представляется и вид с Комсомольской горки: «Перед ним лежал не обычный город, а столица степного края со своим особым, неповторимым колоритом, с широкими, как и сама степь, проспектами и улицами. Белые дома в садах, и чем дальше от центра, тем зелень садов становилась сочнее, – там она совсем скрывала строения и сливалась с красками поля... Чудесная панорама лежала на многие версты... Сюда, к Ставрополю, идут все степные дороги и тракты, скрещиваются и снова разбегаются во все стороны, а белый город, как сторожевой маяк стоит на высоком плато, и у ног его – куда ни помотришь – стелется холмистая степь...»

Чуть позже город герою представится «белой птицей, плывущей по синему простору...» И даже ночью он всё видит во сне «город плывущий над степью наподобие большой белой птицы».

Город-птица – прекрасная метафора!

Пройдет семь десятилетий, и поэтесса совсем другого поколения – Алла Мельник, – построит свое стихотворение на этой же метафоре, соотносящей Ставрополь с птицей:

Белый город птицею летящей
На зеленых высится холмах.
Грезился мне сказкой настоящей
Белый город, крыльев легкий взмах.

Небо ближе в нем, летят быстрее
Вереницы светлых облаков.
В центре, на каштановой аллее,
Слышится дыхание веков.

Смотрят мирно крепости бойницы,
Повидали многое они.
Шелестят истории страницы:
Вот былое, вот и наши дни.

Наш народ, отзывчивый и смелый,
Но и мудрый, знает: неспроста
Прадеды назвали город белый
Именем священным – Град Креста.

Географическое пространство романа А.Т. Губина «Светское воспитание» разнообразно: это и безымянная казачья станица, и Рига, и Москва, и Находка, и безымянный курортный городок на Кавказе, объединяющий в себе черты Ессентуки и Кисловодска. Но буквально первая фраза романа рождает отчетливо узнаваемые ассоциации: «Холодным мартовским вечером 1975 года, когда снежный норд-ост бешено торопился заштриховать наш маленький северо-западный городок, я по привычке прогуливался в безлюдном переулке. Из гранитного, светящегося одним окном дома – местного краеведческого музея – вышел человек, в плаще, меховой шапке, с тростью и папкой подмышкой, и, не сближаясь со мной, скрылся в тем-

ном старинном парке. Подойдя к каменным бабам, врытым у входа в музей, я заметил на снегу черный пакет...»

Врытые у входа в музей каменные бабы, конечно же, привязывают начало действия к Ставрополю и конкретно к Ставропольскому краеведческому музею им. Прозрителева и Праве.

Ставрополь конца 1970-х – начала 80-х гг. получил свое подробное воплощение в книге очерков известного ставропольского прозаика Евгения Карпова «На семи холмах» (1981). Но завершить свой обзор хотелось бы стихотворением поэта-абазина, Микаэля Чикатуева, который в середине 1950-х годов учился в Ставропольском педагогическом институте:

Салам тебе,
Зеленый город мой!
Ты распростер широкие объятия:
Студента согревал меня зимой
У очага, где были все, как братья.
Деревья, что сажал я тут,
Стоят над юностью моей,
Какobeliski.
Что я ставропольчанин, подтвердят
Они верней,
Чем справка о прописке.
Здесь каждый был поэт и музыкант,
Здесь было столько радостных событий.
За песни извинит нас комендант
студенческих веселых обществ.
Ты, Ставрополь студенческий, мне мил!
С хандрою незнакомый и со скукой,
ты не единым хлебом нас кормил,
а больше хлеба потчевал наукой.

Дорога тех, кто нам дарил любовь,
пусть будет не извилистой, не скользкой.
Их голоса я нынче слышал вновь,
когда стоял на горке Комсомольской.
О прошлом не печалься, не скорбя,
пришел к тебе, как сын приходит к маме,
сыновним сердцем чувствуя тебя,
я славлю красоту твою стихами.
Пришел, как возвращаются назад
из родника живой воды напиться.
Салам! Привет! – сказать тебе я рад.
Ты, Ставрополь, моей весны частица.

И вслед за абазинским поэтом эти слова искренней признательности могли бы повторить многие студенты, выходцы из соседних северокавказских республик, уже получившие свое образование и продолжающие обучаться в этом прекрасном городе под названием Ставрополь, Город креста.

«ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ», ИЛИ КАРАНТИН ДЛЯ ПУШКИНА

«Маленькие трагедии», в цикл которых входит и пьеса «Пир во время Чумы» – творческая переделка трагедии английского драматурга Дж. Вильсона «Чумный город», А.С. Пушкин написал в Болдинскую осень 1830 года. В пьесе Вильсона насчитывается тринадцать сцен. Пушкин, убрав второстепенные детали, взял лишь одну сцену: «Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин». Герои пьесы поминуют усопшего друга, вспоминают времена, когда «процветала в мире наша сторона», слушают жалобную песню Мери об опустевших церкви, школе, селенье и о кладбище, куда «поминутно мертвых носят». Кругом страх, плач над мертвыми телами: лишь одна улица веселится, собравшиеся за столом слушают гимн в честь чумы, сочиненный Председателем. Старый

НИКОЛАЙ
БЛОХИН

*Литературо-
ведение*

священник заклинает прервать чудовищный безбожный пир «среди ужаса плачевных похорон» и разойтись по своим домам. Ему возражает Председатель, утверждающий, что «юность любит радость», и просит старика оставить его. Священник уходит, и пир продолжается. В пьесе Вильсона рассказывалось о чуме, поразившей Лондон в 1665 году, во время которой умерло приблизительно около ста тысяч человек, или двадцать процентов горожан. Подробности этой трагедии Пушкин знал и по книге Даниеля Дефо «История великой лондонской чумы 1665 г.», имевшейся в его библиотеке. Выбор сюжета был не случаен: южные губернии России поразила эпидемия холеры. И докатилась до Москвы. Александр Сергеевич Пушкин поехал в Болдино по хозяйственным делам. В июле 1830 года отец Сергей Львович Пушкин выделил сыну в связи с его решением жениться на Наталье Николаевне Гончаровой часть земель, которые с 1619 года принадлежали дворянскому роду Пушкиных.

По ревизии 1794 года в Болдине числилось 243 дома и 2720 жителей. Пушкиным принадлежало и соседнее с Болдином небольшое сельцо Кистеневка (или Кистенево). Как установил А.И. Звездин, автор книги «О Болдинском имении А.С. Пушкина в Нижегородской губернии и о пребывании в нем поэта в 1830-х годах», изданной в Нижнем Новгороде в 1912 году, по седьмой ревизии 1817 года в Кистеневе проживали 429 крестьян мужского пола и 45 дворовых. По Клировой ведомости болдинской церкви за 1830 год, к приходу которой относилось и Кистенево, в деревне числилось 119 крестьянских дворов. К приезду поэта в Кистеневе проживали 485 мужчин и 500 женщин. Еще в трех дворах жили

дворовые люди – десять мужчин и восемь женщин. В трех солдатских дворах числились шесть мужчин, детей, подростков и двадцать две женщины.

Пушкин увековечил Кистенево в русской литературе. Нижегородского помещика Андрея Гавриловича Дубровского – литературного героя будущего романа «Дубровский» – поэт «поселит» со своими дворовыми в Кистеневке.

Для того, чтобы обрести права на выделенную часть Кистеневки, Пушкину необходимо было отправиться в Болдино и оформить надлежащие бумаги. Незадолго перед поездкой в Нижегородскую губернию, где находилось Болдино, Александру Сергеевичу исполнился тридцать один год. Позади помолвка, впереди свадьба и... ссора с матерью невесты Натальей Ивановной Гончаровой. Будущая теща резко отозвалась о зяте, обвинив его во всех грехах: «и не чиновен, и не богат, и не религиозен, и не серьезен, и не пользуется доверием у царя, и еще тысячи разных «и». К тому же, у Пушкиных и Гончаровых одни долги. Не о таком муже для дочери мечтала Наталья Ивановна.

«Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она наговорила мне таких вещей, которых я, по чести, не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем [Вяземским. – Н.Б.], скажите ему сами, и оба сохраните это втайне. Ах, что за проклятая штука счастье! Прощайте, милая княгиня! Напишите мне словечко в (Лукоянов в село Болдино)», – писал Пушкин своему другу-уте-

шителю Вере Федоровне Вяземской, княгине, жене Петра Андреевича Вяземского, литературного критика, историка, близкого друга.

Летом 1830 года Вяземская с детьми проживала в Подмосковье, в усадьбе Остафьево, которое для поэта было «святилищем русской истории», где двенадцать лет жил и работал над «Историей государства Российского» Николай Михайлович Карамзин.

В свой первый приезд Пушкин пробыл в Остафьево с 1 по 5 июня 1830 года. Пушкинисты полагают, что в тот приезд поэта в Остафьево, видимо, обсуждался вопрос о предстоящей свадьбе Александра Сергеевича и Натальи Николаевны. Об этом свидетельствует письмо князя П.А. Вяземского жене, в котором он спрашивает ее: «Что Пушкин?.. когда свадьба и где? У нас ли в Остафьеве?»

Наталье Николаевне Гончаровой в те же дни Пушкин писал: «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, – я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать. Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

Размолвка произошла 27 августа 1830 года (все даты по старому стилю. – Н. Б.) на улице Никитской в московском доме Гончаровых, где отмечались именины Натальи Николаевны и ее матери Ната-

льи Ивановны. За неделю до именин, 20 августа 1830 года, скоропостижно умер дядя поэта Василий Львович Пушкин, старший брат отца Сергея Львовича. В семье Пушкиных траур. Свадьба поэта висит буквально на волоске.

Поэт уезжает из Москвы в Болдино 31 августа 1830 года. Ранее Пушкин не бывал в Нижегородской губернии. Правда, однажды, в мае 1826 года в письме князю П.А. Вяземскому поэт вспомнил «про болдинскую вотчину»: «Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка... Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино, в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи...»

Пушкин поехал в Болдино, когда кругом уже говорили о холере. Князю П.А. Вяземскому из полученных писем уже было известно, что холера подходила к Москве. Пушкин рассказывал, как Вяземский сам показал письмо, в котором ему писали о холере, уже «перелетевшей» из Астраханской губернии в Саратовскую.

«Из некоторых губерний приходят к нам сюда довольно печальные известия... «cholera morbus» делает в них свои опустошения, – писал князь П.А. Вяземский 2 сентября 1830 года из Остафьева Елизавете Михайловне Хитрово, дочери генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова. – Но не беспокойтесь: это не в той стороне, куда уехал Пушкин».

Утешение, которое сделал П.А. Вяземский в конце письма для Е.М. Хитрово, было не совсем искренним: Петр Андреевич знал, что смертоносное и крайне опасное заболевание уже пришло в южные губернии России. Пришло оно из Азии, и уже угрожает Москве.

Это была первая в истории России вспышка холеры – самого смертоносного в XIX веке инфекционного заболевания. Холера, как писали современники Пушкина, пришла с берегов Ганга. Болезнь была занесена из Индии в Среднюю Азию, попала в Хиву и Бухару. Через Киргиз-Кайсацкую степь с караванами азиатских купцов в сентябре 1829 года холера достигла Оренбурга. Первые заболевшие были зарегистрированы в казачьем Форштадте и солдатской Слободке.

Годом раньше первых умерших от холеры хоронили в Ставрополе, через который лежал путь обмена с золотом из Персии, которое она выплачивала России после заключения Туркманчайского мирного договора от 10 февраля 1828 года. Во время похорон солдат, умерших от холеры, охрана персидского обоза разбежалась. Этим воспользовались мошенники, и один из восьми сундуков с персидским золотом пропал. Тайна драгоценностей, пропавших сто лет назад, до сих пор не дает покоя искателям сокровищ. Об этом свидетельствует роман ставропольского писателя Ивана Любенко «Тайна персидского обоза», напечатанный в 2013 году.

В 1830 году началась вторая волна эпидемии: опасная болезнь пришла из Персии в Тифлис, а затем в Астрахань. Попытки сдержать распространение инфекции путем введения карантина (запрета на передвижение) привели к «холерным бунтам».

В тревожные сентябрьские дни 1830 года ни Вяземский, ни Пушкин, никто еще не знал, что по официальным данным из 466457 заболевших в России холерой умрет 197069 человек. В 1830–1831 годах

холера проникнет в тридцать одну губернию России и расползется по всей Европе: сначала поразит Польшу, затем Пруссию и Францию.

Пушкина, когда он ехал в зараженный холерой край, судьба уберегла. Спустя год, в заметке «О холере» поэт рассказал, как он лично столкнулся с эпидемией: «По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию между азиатцами [в Закавказье, во время путешествия в Арзрум, в 1829 г. – Н.Б.]. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу». В Арзруме, писал Пушкин, «я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные». Приехав в лагерь, поэт не сошел с лошади.

Из предосторожности стал по ветру: «Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк». На базаре Пушкин встретил нищего: «Он был бледен как смерть: из красных загноенных глаз его текли слезы». Мысль о чуме опять мелькнула в воображении поэта. От декабриста П. Коновницына поэт узнал, что в Арзруме чума. Пушкину представились ужасы карантина, и он решил оставить армию графа Паскевича, с которым простился 19 июля 1829 года. Спустя год Пушкин окажется в карантинном плену.

«Сейчас еду в Нижний, то есть в Лукоянов, в село Болдино», – писал Пушкин своему другу и издателю Петру Александровичу Плетневу.

Поэт ехал в Болдино не один: в дороге его сопровождал слуга Никита Тимофеевич Козлов, который был старше барина на двадцать один год. Родом он был из села Большое Болдино, которого приставили «дядькой-воспитателем» к маленькому Саше Пушкину. И с той поры Козлов не бывал в Болдине. Пушкин ехал в Болдино и надеялся управиться с делами за месяц. Поэт провел четверо суток в дороге: она показалась ему длинной. Сначала Пушкин поехал по печально известному старинному Владимирскому тракту, по которому отправляли осужденных на каторгу в Сибирь. За Богородском (ныне Ногинск. – Н.Б.) проехал деревню Платава Московской губернии, далее были – Покров, деревня Липино, село Дмитриевское.

За Владимиром поэт приказал кучеру повернуть коляску на Судогду. Ехал через Мошок, Драчево, Муром. Пушкин с интересом рассматривал Муром, его церкви, улицы, старинные купеческие дома, торговые ряды. В памяти всплывали рассказы его бабушки по материнской линии Марии Алексеевны Ганнибал о дремучих Муромских лесах, среди которых она жила в молодости. С этим городом связана судьба и родного деда поэта Осипа Абрамовича Ганнибала, сына знаменитого Арапа Петра Великого – Абрама Петровича Ганнибала. Осип Абрамович переехал из Тамбовской губернии в Муром Нижегородской губернии в 1773 году, вскоре после женитьбы на Марии Алексеевне. Осип Абрамович и Мария Алексеевна Ганнибалы прожили в Муроме около двух лет. Их дочери Надежде Осиповне

Ганнибал, родившейся 21 июня 1775 года, суждено было стать матерью поэта.

Оказавшись впервые в Муроме, Пушкин не мог не вспомнить своих именитых предков, рассказы про Муромские леса. Проехав через последнюю почтовую станцию Савастлейку (так именовалась она в подорожных XIX столетия, хотя в письмах Пушкин называет ее Сиваслейкой. – Н.Б.), затем Арзамас, Пушкин встретил торгашей, бежавших от холеры с Макарьевской ярмарки. «Бедная ярманка! – писал поэт, – она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!»

После Арзамаса Пушкин повернул на Лукоянов – небольшой уездный городишко. Здесь заканчивалась его подорожная. Далее надо было добираться на вольных. Пока Никита Козлов договаривался о лошадях, Пушкин заглянул в гостиницу Агеева, пожалуй, самое бойкое место в Лукоянове. Для проезжающих хозяин устраивал «горячие бани», на первом этаже в трактире у самовара постояльцы вели оживленные разговоры, слушали мелодии из «Оскольдовой могилы», доносившиеся из музыкальной машины...

Третьего сентября 1830 года, преодолев на лошадях последние из пятисот верст, Пушкин въехал в Болдино, не подозревая, что застрянет в нем до самой зимы. Болдино оказалось со всех сторон в карантинном оцеплении: в течение трех месяцев невозможно было проехать ни по одной из дорог, ведущих в Москву.

Но это было потом, а пока поэт, впервые посетивший Болдино, осматривал имение, принадлежавшее его отцу. Оно состояло из старинного одноэ-

тажного деревенского дедовского дома, вотчинной конторы, церкви и длинной деревни с избами, крытыми соломой и тесом. В окрестностях небольшой пруд, склонившиеся над водой серебристые ивы, Кистеневская роща и черноземная степь.

Отец Пушкина никогда подолгу здесь не жил, приезжал редко, на самое короткое время. Известны два его посещения Болдино – в 1825 и в 1836 годах. Управление имением он доверил своему крепостному Михаилу Калашникову. Барская усадьба с годами пришла в запустение. «Господский дом деревянный, сада нет», – из описания села Болдино, составленного в 1798 году.

Пушкин поселился в старом дедовском доме. В первые дни поэту пришлось всё же вникать в деловые бумаги. Но вскоре они ему наскучили и он поручил вести дела вотчинному писарю Петру Кирееву, который и занялся сочинением бумаг на «высочайшее имя». В этом деле он был посильнее Александра Сергеевича. Бумаги пересылались в Сергачский уездный суд, из которых следовало, о чем «просит дворянин коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, а о чем тому следуют пункты». А пункт в этих бумагах был всего лишь один. Пушкин просит суд ввести его «во владение двумя сотнями душ «мужеска» пола «с женами их и рожденными от них после 7-й ревизии обоюбого пола детьми, и со всеми их семействами... с пашенною и непашенною землею, с лесы, с санными покосы, с крестьянским строением и заведениями, с хлебом наличным и в земле посеянным, со скотом, птицы».

В конце прошения рукою Пушкина приписано несколько строк: «Прошение сие верю подать, по

оному хождение иметь и подлинную запись получить, человеку моему Петру Кирееву».

В письме Н.Н. Гончаровой от 9 сентября 1830 года Пушкин писал: «Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это – часть деревни из 500 душ, и нужно произвести раздел».

В упомянутой выше книге А.И. Звездина «О Болдинском имении А.С. Пушкина в Нижегородской губернии...» говорилось: «Сельцо Кистенево (Темяшево тож), соседнее с Болдиным, в пограничном Сергачском уезде, при реке Чеке, впадающей в Пьяну, расположено улицами, которые носили особые названия: Самодуровка, Кривулица, Стрелецкая и Бунтовка. Уже наружный вид построек в 1830 году ясно говорил постороннему взору, что кистеневские крестьяне жили в большой нужде, черно и грязно. Только 1/4 часть крестьянских домов были крыты тесом на два ската и топились «по-белому», а остальные 3/4 представляли из себя подслеповатые курные избенки, крытые соломой...» Вот таким был свадебный подарок отца поэта. Пока Петр Киреев писал, ездил, хлопотал, коллежский секретарь Александр Пушкин жил в доме, читал, писал письма невесте, друзьям, сочинял сказки, встречался с крестьянами. Поэта позвали, когда в Болдине скоропостижно умер мальчик. По воспоминаниям одного из болдинских крестьян, Александр Сергеевич «приходил и расспрашивал, как и отчего умер, и сказал, что не от холеры».

Село, встревоженное слухами о холере, попросило Пушкина разъяснить им предписания правительства, как уберечься от страшной болезни: что означает «не выходить на улицу босиком, иметь в доме редьку и

вино», прислушиваться, нет ли «бесперывного урчания в животе». Пушкин прочитал мужикам в церкви, с амвона, «проповедь о холере», используя информацию в своих целях: «И холера послана вам, братцы, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так, то вас будут сечь». Мужики-то газет не читали и не понимали, что происходит, и потому верили молодому барину.

Народ с тревогой наблюдал, как на дорогах Нижегородской губернии, в том числе и вокруг Болдина, по распоряжению нижегородского губернатора устанавливаются карантинные посты: военные на дорогах останавливают. Мужики напуганы: помнят прежние карантинны.

Правда, Пушкин считал, что установленные карантинны представляли собою только «средство к притеснению и причины к общему неудовольствию». Первая такая застава находилась в двадцати верстах на север от Болдино.

Узнав из писем, полученных в Болдине 29 сентября 1830 года от Петра Плетнева и Натальи Гончаровой, что холера уже в Москве, поэт решается ехать в «белокаменную». 23 сентября под редакцией историка, писателя и публициста Михаила Погодина вышел первый номер официального бюллетеня «Ведомость о состоянии города Москвы», прозванный в народе «холерной газетой» или «холерным листком». Распоряжение об издании подписал московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын.

Бюллетень издавался «для сообщения обывателям верных сведений о состоянии города, столь необходимых в настоящее время, и для пресечения ложных и неосновательных слухов, кои произво-

дят безвременный страх и уныние» и раздавался бесплатно. В качестве приложения рассылался и подписчикам вместе с газетой «Московские ведомости». В бюллетене печатали «официальные известия о приключившихся внезапных болезнях и смертях; известия о действиях холеры в прочих местах; разные наставления о том, какие должно жителям принимать предосторожности; известия о мерах, принимаемых правительством для отвращения заразы». Всего вышло 106 номеров. Последний – 6 января 1831 года.

«Здравствуй, душа моя, – писал Пушкин 29 сентября 1830 года Плетневу, – каково поживаешь, а я, окончив дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантиннов. Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц я здесь прожил, не видя ни души и не читая журналов...» Сохранившееся до наших дней письмо Пушкина всё истыкано иглой: на почте каждый конверт прокалывали в нескольких местах и окуривали серой «холерный дух». В тот же день, 29 сентября, в Москву приехал Николай I и обратился к ее жителям о необходимости введения карантинна. Через день «белокаменную» заперли: въезд в Москву и выезд из Москвы были запрещены. Министр внутренних дел России и одновременно генерал-губернатор Финляндии А.А. Закревский был назначен руководителем по ликвидации холерной эпидемии. Он возглавил «Центральную комиссию для пресечения холеры». О министре внутренних дел России А.А. Закревском писали, что он принял «очень энергичные, но совершенно нелепые меры, всю Россию избородил карантиннами, – они совершенно парализовали хозяйственную жизнь страны, а эпидемии не остановили. Тысячи людей и лоша-

дей с товарными обозами задерживались у застав, высиживая карантин. В тех, кто пытался пробраться через оцепления, приказано было стрелять».

Но всего этого Пушкин еще не знал, потому и письмо его от 30 сентября 1830 года, адресованное Наталье Гончаровой, написано иначе, нежели Петру Плетневу, несдержанное, с нагнетанием ужасов и страхов. Знал, ведь, что письмо это прочтет и будущая его теща, поэтому и пишет, что «дела мои не закончены...», а Плетневу – «оконча дела мои, еду...»

Пушкин той же почтой отсылает письмо Наталье Николаевне: «Я уже почти готов сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородецке лишь на 6 дней. Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантин, и в каждом из них мне придется провести две недели, – подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы.: представьте себе, насыпи с обеих, – ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога ставится ящиком с грязью, – зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят тот час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, – потому что другого мы здесь не видим... Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с карантинами – не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша

любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка... Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел... »

Письмо Н. Гончаровой из Болдино уйдет в один день вместе с письмом П. Плетневу, и тоже будет окурено почтмейстером. В доме Гончаровых письмо прочтут и поймут, что из-за карантина Пушкин сможет добраться до Москвы за семьдесят суток. Так, кстати, оно и вышло.

В тот же день, 30 сентября 1830 года, Пушкин отправился из Болдино в имение княгини Голицыной, чтобы, как писал поэт Н.Н. Гончаровой, «точнее узнать количество карантин, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать всё доподлинно».

Долгие годы в Пушкиноведении не совсем было ясно, о какой княгине Голицыной идет речь. Занимаясь болдинской биографией поэта, директор Музея-заповедника А.С. Пушкина в Болдине Ю.И. Левина попыталась уточнить эпизод, связанный с поездкой Пушкина 30 сентября 1830 года.

По архивным документам о землевладельцах Нижегородской губернии ей удалось установить, что в том же Лукояновском уезде, где числилось село Болдино, располагалось и наследственное имение князей Голицыных – одной из ветвей старинного и многочисленного русского рода.

На старых губернских (и поуездных) картах «большим столбовым дорогам» 1830-х годов мож-

но увидеть, что через Арзамас и Лукоянов проходил большой почтовый тракт, соединявший Москву с Саранском и Пензой. Скорее всего, именно этот прямой путь на Москву и мог интересовать Пушкина в первую очередь, когда он пытался выяснить кратчайшую дорогу, расположение карантинных и возможность выезда из Нижегородской губернии.

Непосредственно на этом тракте, недалеко от «заштатного» города Починки, расположенного в двухста пяти верстах от Нижнего Новгорода, и находилось село «Рождественское, Пеля Хованская тож», принадлежавшее Голицыным. По сведениям экономических поездных описаний в конце XVIII века там уже стоял «господский деревянный дом» с фруктовым садом, обсаженным «преспектом», насчитывалось двести крестьянских дворов, имелись церковь «деревянная, рождества христова» и «казенной питейной дом».

В 1830-х годах владельцем села был князь Владимир Сергеевич Голицын, человек очень известный в обществе того времени. Участник Отечественной войны 1812 года, бывший флигель-адъютант Александра I, в 1820-х годах он воевал на Кавказе, дослужился до генерал-майора, тайного советника и сенатора. Для своего времени Голицын был человеком образованным и одаренным. Большой знаток и любитель музыки, он не чуждался и литературы: в его доме устраивались музыкальные вечера, собирались артисты и литераторы. Ему принадлежали переводы на русский язык нескольких оперных либретто и музыка на слова татарской песни из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: «Дарует небо человеку...»

В.С. Голицын был хорошо знаком с поэтом. Летом 1830 года они встречались и беседовали о «Дон Жуане» Моцарта. Знал поэт и Прасковью Николаевну Голицыну, урожденную Матюнину.

«Завтра в восемь часов вечера, – сообщал ему Голицын в письме от 25 февраля 1831 года, – жена моя и я <...> ожидаем Вашего посещения с нетерпением...»

В 1830 году Прасковье Николаевне Голицыной было тридцать два года. В одной из своих работ пушкинист Ю.И. Левина высказала предположение, что, может быть, Прасковья Николаевна и является той «княгиней Голицыной», которая еще до приезда Пушкина к ней в имение, как сказано в его письме, уже «взялась разузнать всё доподлинно».

Первая попытка покинуть Болдино – «остров, окруженный скалами», как назвал его поэт в одном из писем Наталье Гончаровой, окончилась неудачно.

«Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку, – вспоминал Пушкин в рассказе «Холера». – Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета».

Миновав первую заставу, Пушкин был задержан на следующей. И ему пришлось вернуться назад в Болдино. Решив, что лучше ехать «тише», но «дальше», Пушкин шлет губернатору Нижегородской губернии И.М. Бибикову письмо, в котором просит

выдать ему «свидетельство» на проезд через цепь карантинных. А пока суть да дело, 11 октября 1830 года Пушкин пишет Наталье Гончаровой: «Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине...»

Поэт рассматривает географическую карту, висящую на стене, и шутливо замечает, «как бы дать крюку» и приехать в Москву через Кяхту или Архангельск.

Тем временем из Нижнего Новгорода приходит уведомление, что пропуск Пушкин может получить в Лукоянове. В Лукоянове Александр Сергеевич встретился с предводителем уездного дворянства по фамилии В.В. Ульянин. Но тот наотрез отказал поэту выдать пропуск на проезд, ссылаясь на то, что он назначен надзирателем за карантинным своего округа. Более того, В.В. Ульянин предложил Пушкину должность инспектора над карантинами. Поэт отказался от предложения и написал нижегородскому губернатору жалобу на самоуправство лукояновского предводителя.

Пушкин делает еще одну попытку прорваться сквозь расставленные карантинные посты. И отправляется в Москву без пропуска. По скверным осенним дорогам Пушкин переезжает с востока на запад южную часть Нижегородской губернии. Но недалеко от Муром Владимирской губернии, в Севастлейке, его экипаж остановили и потребовали «свидетельство» о том, что он едет не из зараженной местности. Пушкин возвращается в Лукоянов и требует от Ульянина выдать ему такое «свидетельство». Лукояновский предводитель неприступен. И поэт снова получает отказ. Позднее Пушкин встретил Ульянина в Английском клубе Петербурга, подошел к нему и с присущим ему сарказмом сказал:

«Кажется, это вы меня так притесняли во время холеры?»

«В Болдине, всё еще в Болдине! – писал Пушкин 18 ноября 1830 года Наталье Николаевне Гончаровой. – Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинных являются только аванпостами – а настоящих карантинных всего три. – Я храбро явился в первый (в Севастлейке, Владимирской губ.); смотритель требует подорожную и заявляет, что задержит меня лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подорожную. – Вы не по казенной надобности изволите ехать? – Нет, по собственной, самой нужнейшей...»

И тут выясняется, что Пушкину следует ехать по другому тракту, а этот уж три недели, как закрыт. Пушкин недоволен: «И эти свиньи губернаторы не дают этого знать?» Смотритель растроган, дескать, «мы не виноваты-с». Пушкину от этого не легче. И ему немного жаль бедного станционного смотрителя. За время путешествия по России Пушкин насмотрелся на бедных и бесправных станционных смотрителей, что дало ему обильный материал для повести с одноименным названием.

«Кто не проклинал станционных смотрителей, кто не с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?..» – так начинается известная повесть.

«... Нечего делать, – писал Александр Сергеевич в Москву Наталье Николаевне 18 ноября 1830 года, – еду назад в Лукоянов; требую свидетельства, что

еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли после поездки моей дать мне это свидетельство – я пишу губернатору, а сам в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной сiju в Болдине да кисну». Пушкин с грустью замечает, что проезд таким образом 400 верст. И все хлопоты оказались напрасными.

О последней неудачной поездке Пушкин рассказывал также и в письме издателю «Московского вестника» М.П. Погодину: «Я было опять к вам попытка: доехал до Севаслейки (первого карантина). Но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино...»

Письмо Погодину оказалось последним посланием, отправленным из Болдино. На почтовом штемпеле отметка: «Лукоянов 1830 дек. 2». Накануне князь Петр Иванович Шаликов, редактор «Московских Ведомостей», известил Пушкина, что «холера затихает». «Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца», – замечает поэт. Следующее хорошее известие Пушкин получил из Нижнего Новгорода: почтальон, которого поэт ругает за перепутанные письма, наконец принес ему пакет от губернатора, а в нем было долгожданное свидетельство на проезд из Болдино в Москву.

«...несчастный зачумленный нижегородец», как назвал себя Пушкин в одном из писем Е.М. Хитрово, дочери М.И. Кутузова, благополучно проехал все посты, хотя и с карантинными задержками, за семь суток.

Пятого декабря 1830 года Пушкин приехал в Москву, где его ждала еще одна хорошая новость: хо-

лера не тронула его друзей, его семью и семью Н.Н. Гончаровой. В дорожном сундучке поэта лежали несколько больших тетрадей и стопы бумаг, которые он исписал за месяцы болдинского заточения. В Болдине Пушкин написал тридцать два стихотворения, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Маленькие трагедии», «Сказку о попе и работнике его Балде», несколько публицистических статей о состоянии критики для «Литературной газеты» Антона Дельвига. Наконец, в Болдине, в карантине, Александр Сергеевич дописал заключительные главы романа в стихах «Евгений Онегин», 8-ю и 9-ю, который критик В.Г. Белинский назвал «энциклопедии русской жизни».

Подписано в печать _08.2020.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 178. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: С.А. Крапоткина.
Корректор: Р.А. Мидриган.
Отпечатано в типографии ООО «АЛЕКС ПРИНТ»:
394007, г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 94, корпус 5, к. 52.
Тел. 8 (4732) 90-45-17.